

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Е. Г. Филимонов

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ
ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

Санкт-Петербург

Оглавление

0. Предисловие	3
I. Зачем нужен сравнительно-исторический метод?	5
1. Что можно сравнивать сравнительно-историческим методом?	6
2. Сравниваем ли мы по «сходству звона»?	7
3. Что такое бесспорная этимология?	11
4. Существует ли «идеальное» фонетическое соответствие?	12
5. Что доказывает родство языков – корни или окончания?	14
6. Можно ли иногда пренебречь фонетикой?	15
7. Можно ли «подправлять» звуковые соответствия?	21
8. Что главнее в фонетическом изменении – слова или звуки?	23
8.1 Предтечи младограмматизма.	23
8.2 Колыбель младограмматизма.	25
8.3 Звуковой закон у младограмматиков.	27
8.4 Оппоненты младограмматиков.	32
8.5 Теория лексической диффузии.	40
9. Почему ученые спорят, или кто более прав?	50
10. Кто видит правильно – лягушка или птица?	61
11. Чего не может сравнительно-исторический метод?	68
II. Монофтонгизация в истории латинского языка	71
1. О рефлексах дифтонга <i>-oi-</i> в латинском языке.	71
2. Гипотеза В. Р. Шмолстига об индоевропейской монофтонгизации и ее следы в латинском языке.	73
III. О происхождении формы <i>nom. sing.</i> латинских основ на <i>-r</i> и <i>-n</i> .	81
1. Традиционная реконструкция.	81
2. Объяснение В. Р. Шмолстига.	82
3. Кто красивее – химера или просто коза?	83
IV. Что общего между звуками <i>d</i> и <i>l</i> ?	84
1. Предлагавшиеся ранее объяснения.	84
2. Интерпретация Ю. В. Откупщикова.	85
3. Условия данного чередования.	85
3.1. <i>lingua</i> и <i>dingua</i>	86
4. Причины данного чередования.	88
V. Заключение.	

2. Рекомендуемая литература.

Предисловие

Некоторые проблемы, рассматриваемые в данном учебном пособии, изложены иначе, чем в других учебниках по введению в сравнительно-историческое языкознание или по исторической грамматике латинского языка. Это естественно, поскольку полноценное университетское преподавание немыслимо без изложения различных взглядов на одну и ту же проблему. Кроме того, если ограничиться изложением тем, по которым достигнуто единое мнение в научном сообществе, автору пришлось бы, во-первых, заменить первые два слова заглавия «спорные вопросы» на «общепринятые мнения», а во-вторых, найти такие вопросы, по которым действительно в сравнительной лингвистике достигнуто не относительное, а абсолютное согласие, подобное согласию математиков в том, что $2+2=4$.

Главное внимание в пособии уделено теоретическим проблемам, связанным с применением сравнительно-исторического метода, однако само изложение этих проблем максимально связано с практическим анализом языкового материала. Автор вовсе не пытался декларировать некие бесспорные теоретические положения, подкрепляя их наиболее «удачными» и непротиворечивыми примерами. Напротив, он стремился ответить на вопрос, как иметь дело с «неудобными» примерами, и спросить себя самого и читателя, действительно ли бесспорны те объяснения, которые мы привыкли считать бесспорными.

Основное внимание было обращено на те темы, которые слабо или совсем не освещены в учебниках по исторической грамматике латинского языка. Это, прежде всего, глава, посвященная теории лексической диффузии и проблеме нерегулярных фонетических изменений, глава об ограничениях, налагаемых на сравнительно-исторический метод и изложение гипотезы В. Р. Шмолстига о праиндоевропейской монофтонгизации. Из-за подчеркнутого внимания к вопросам методологии пособие соединило в себе черты учебников по исторической фонетике латинского языка (разделы II, III, IV), по введению в сравнительно-историческое языкознание I (раздел I, пункты 1–7) и по истории лингвистической мысли (дискуссия между младограмматиками и их противниками – раздел I, пункты 8–11).

Особую роль играет в книге пункт 8 (раздел I) «Что главнее в фонетическом изменении – слова или звуки?», по сути, являющийся очерком по истории развития сравнительно-исторического языкознания. Самое ценное в нем (и в книге в целом) – обилие цитат, иногда данных в оригинале (всегда с переводом) в том случае, когда автору казалось,

что даже очень хороший перевод недостаточно отражает все оттенки мысли цитируемого лингвиста. В целом книга похожа на хрестоматию, поскольку, за исключением раздела IV (чередование *d* и *l*), автор просто излагает различные точки зрения на нерешенные лингвистические проблемы. Только, в отличие от хрестоматии, авторские комментарии и цитированный текст словно бы составляют одно целое с целью объяснить лучше особенности творческого процесса цитируемых ученых.

Автор хотел бы вспомнить с благодарностью своего учителя профессора Юрия Владимировича Откупщикова (Санкт-Петербургский государственный университет), а также профессора государственного Пеннсильванского университета (Penn State University) Вильяма Р. Шмолстига (W. R. Schmalstieg), оказавших кардинальное влияние на мои взгляды и постоянно вдохновлявших меня личным примером на занятия исторической лингвистикой. За сердечное участие благодарю также профессора Филиппа Бальди (Philip Baldi) из государственного Пеннсильванского университета (Penn State University) и профессора Томаса Дайбера (Thomas Daiber) из университета г. Гиссен (Justus-Liebig Universität Giessen).

Особую благодарность за прочтение рукописи и полезные комментарии я хотел бы выразить моим коллегам – доценту кафедры классической филологии СПбГУ Татьяне Борисовне Путиловой и магистранту кафедры классической филологии МГУ Екатерине Павловне Новиковой.

Отдельная благодарность – моим друзьям из Пенсильвании гольден-ретриверам Эбби и Арло, общение с которыми было для меня неизменным источником вдохновения.

Санкт-Петербург

Евгений Филимонов

I. ЗАЧЕМ НУЖЕН СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД

Linguistic history is basically the darkest of the dark arts,
the only means to conjure up the ghosts of vanished centuries.
With linguistic history we reach furthest back into the mystery: mankind¹.

Cola Minis²

Теория и практика исторического языкознания сильно изменились за последние десятилетия. Из относительно закрытой отрасли лингвистики, около 200 лет тому назад положившей начало эпохе научного языкознания и затем в XX в. оттесненной на его задворки, историческая лингвистика превратилась сегодня в открытую дисциплину, активно интегрирующую последние достижения социолингвистики, психолингвистики, ареальной лингвистики, типологии и других ветвей языкознания, строя между ними мостики для лучшего понимания и решения своих собственных задач. Вместе с тем, если говорить о сравнительно-историческом методе – сердцевине исторической лингвистики, то следует признать, что за последние сто лет реальная практика его приложения к языковому материалу изменилась мало. В сущности, современные лингвисты пользуются им так же, как и его создатели – младограмматики (плеяда в основном немецких ученых последней четверти XIX в., решивших сделать лингвистику столь же точной наукой, как современная им химия или физика). Сравнительно-исторический метод, основной инструмент сравнительно-исторического языкознания, используется для разных целей – для генеалогической классификации языков, восстановления предыстории родственных языков, для установления дальнего языкового родства. С его помощью восстанавливается, или, как говорят лингвисты, реконструируется, прошлое родственных языков, и, поскольку в его основе лежит сравнение форм *разных* языков, им можно пользоваться только в том случае, если имеется не менее, чем два предположительно родственных языка. В основе сравнительно-исторического метода лежит предположение, что сходство между словами (чаще морфемами) некоторых языков может быть убедительнее всего объяснено как результат их генетического родства, т. е. их происхождения от одного языка-предка, или праязыка. Пользуясь этим методом, лингвисты пытаются, с одной стороны, воссоздать как

¹ «История языка это, в сущности, самое темное из темных искусств, это единственный инструмент для воссоздания теней исчезнувших столетий. Благодаря истории языка мы двигаемся назад в прошлое и раскрываем таинство, называемое человечеством» (в дальнейшем перевод везде мой, кроме специально оговоренных случаев. – Е. Ф.).

² Цитируется по книге Campbell L. Historical Linguistics: An Introduction. 2nd ed. Cambridge (Massachusetts), 2006. С. 122.

можно полнее особенности праязыка путем сравнения родственных языков – бывших диалектов некогда одного языка, а с другой стороны, определить, какие изменения имели место в этих диалектах, по мере того как эти последние превращались в самостоятельные языки. Со времен А. Шлейхера, использовавшего метафору «язык это живой организм»³, лингвисты до сих пор говорят о языке в терминах родства. Например, Л. Кемпбелл пишет: «По тому, как классифицируются языки, видно, что мы говорим о [генетическом] (*вставка моя. – Е. Ф.*) взаимоотношении языков в терминах [биологического] (*вставка моя. – Е. Ф.*) родства. Мы говорим о “языках-сестрах”, о “языках-дочерях”, о “языке-родителе” и о “языковых семьях”»⁴. Следовательно, возможно выделить генетически общие признаки у исконно родственных морфем и проецировать эту общность назад в прошлое, чтобы реконструировать форму, существовавшую еще в праязыке.

1. Что можно сравнивать сравнительно-историческим методом?

Для соблюдения чистоты этой процедуры важно, чтобы сравниваемые слова в каждом из этих языков были исконными, а не заимствованными из какого-либо третьего языка. Риск заимствования, который совершенно исключить невозможно, сводят к минимуму благодаря тому, что сравнивают слова так называемого базового слоя лексики (*core vocabulary*), т. е. слова, реже всего заимствуемые из одного языка в другой. Это термины близкого родства, части тела, числительные первого десятка, личные местоимения, названия животных, основные глаголы движения, названия небесных тел и времен года. Естественно, что основой для сравнения таких слов может быть лишь определенное сходство в звучании и значении. Так, никому не придет в голову сравнивать рус. *песня*, др.-греч. *ψῆδῆ* и лат. *carmen*, несмотря на сходство в их значении, так же как едва ли кому придет в голову сравнивать рус. *рана*, лат. *gāna* ‘лягушка’ и др.-греч. *ῥανίς* ‘капля’, несмотря на частичное сходство в звучании их корня, поскольку трудно найти разумное основание для сопоставления значений этих слов (т.е. эти значения трудно вывести друг из друга или из некоего четвертого исходного значения).

Однако даже полное совпадение звучания и значения отдельных слов не доказывает еще генетического родства. Такое совпадение, если исключить вариант заимствования, часто на проверку оказывается простой случайностью, вполне естественной и неизбежной,

³ Впрочем, для А. Шлейхера это скорее всего не было метафорой. Он, по-видимому, действительно считал язык неким организмом наподобие дерева.

⁴ Campbell L. Op. cit. P. 123: «As can be seen from the way languages are classified, we speak of linguistic relationships in terms of kinship; we talk about ‘sister languages’, ‘daughter languages’, ‘parent language’ and ‘language families’».

если учесть, как много слов в языках (десятки и сотни тысяч), и как сравнительно мало число звуков в звуковых системах языков (от десятка до чуть более сотни). Например, в одном из языков майя (язык какчикель) *mess* означает ‘беспорядок, мусор’ и своим значением и звучанием напоминает англ. *mess* ‘беспорядок, нечистота’. Результатом чистой случайности является также сходство таких слов, как лат. *deus* и др.-греч. θεός, поскольку латинское слово восходит к др.-лат. *deivos*, а древнегреческое когда-то содержало корневое *-s-*, сохранившееся в эпитете θεόςφατος ‘изреченный богом’. Также сравнительно-исторический метод неприменим к звукоподражательным словам, показывающим сходство, основанное на звуковом символизме. Сходство таких слов, как англ. *cuckoo*, нем. *Kuckuck*, рус. *ку-ку*, *кукушка*, основано не на генетическом родстве, а на прямой имитации свойств обозначаемого объекта. Также должны быть исключены слова, звуковая форма которых основана на имитации речи младенцев (обычно это слова типа *мама*, *папа*, *баба*, *дед*), поскольку такие слова представляют собой интерпретацию взрослыми первых звуков младенца. Сюда же относятся слова в разных языках, обозначающие физиологически обусловленные действия типа ‘хрюкать, чихать, целовать’, названия птиц по их характерному крику, обозначение звуков, происхождение которых не связано с деятельностью человека, типа рус. *всплеск*, англ. *splash*. Кроме того, существуют примеры звукового символизма, когда в ряде языков определенная последовательность звуков ассоциируется с определенным эмоциональным образом, например, англ. *flash* ‘вспышка’, *flare* ‘вспыхивать’, *flicker* ‘мерцать’, вероятно, не без влияния со стороны *flame* ‘пламя’.

2. Сравниваем ли мы по «сходству звона»?

Одного или даже нескольких совпадений еще недостаточно, чтобы делать вывод о языковом родстве. Он имеет под собой основание, только если такого рода совпадение обнаружится в десятках слов и морфем. Только в последнем случае можно говорить о регулярном соответствии как показателе родства языков. Другими словами, если языки родственны, то в целом ряде предположительно родственных слов в одной и той же позиции в слове появится один и тот же звук, скажем, звук *r*. Например, древнегреческий, латинский, древнеиндийский, готский, старославянский и литовский языки закономерно демонстрируют *r* в одной и той же части слова, и это соответствие встречается во многих словах. Так, в примере (1) слова со значением ‘три’, ‘несу, беру’, ‘красный, рыжий’, ‘мать’ показывают, что в одном и том же окружении (соответственно – после *t*, между гласными, в начале слова и в конце слова) выступает один и тот же звук *r*. Тем не менее есть и исключения: в греч. ἑρϋθρός *r* находится не в начале слова, а др.-инд. *mātā* и лит. *mótė* вместо

конечного *-r* демонстрируют долгий гласный – соответственно *-ā* и *-ē*. ст.-слав. **МАТИ** также вместо конечного *-r* содержит гласный *-ī*. К сожалению, в случае с *ἐρυθρός* приходится прибегать к чисто количественному аргументу (см. об этом также ниже в п.9.): логически более правдоподобно предположить, что в одном языке (в древнегреческом, в котором встречаются протетические гласные перед начальным сонантом) появился начальный гласный, чем то, что в пяти других языках этот начальный гласный мог утратиться. Кроме того, в индоевропейских языках чаще встречаются слова со структурой корня «согласный + гласный + согласный» *fer-ō* либо реже «гласный + согласный» *ag-ō*, но едва ли встречаются корни типа «гласный + согласный + гласный + согласный» такие, как *ἐρυθ-*.

(1) Лат.	Др.-греч.	Др.-инд.	Гот.	Ст.-слав.	Лит.
<i>trēs</i>	τρεις	<i>tráyaḥ</i>	<i>þreis</i>	три	<i>trỹs</i>
<i>ferō</i>	φέρω	<i>bhárāmi</i>	<i>baíra</i>	БЕРЖ	(<i>beriu</i> ‘сыплю’?)
<i>ruber</i>	ἐρυθρός	<i>rudhiráḥ</i>	<i>raups</i>	РЫЖДЬ	<i>raũdas</i>
<i>māter</i>	μήτηρ	<i>mātā</i>	др.-в.-н. <i>muoter</i>	МАТИ	<i>mótė</i> ‘жена’

Что касается др.-инд. *mātā* и лит. *mótė*, опять же легче представить себе отпадение конечного сонанта в двух языках, чем его присоединение в трех других. Кроме того, то, что конечное *-r* когда-то было в им. п. ед. ч. этих языков (включая старославянский), подтверждается формами косвенных падежей: вин. ед. др.-инд. *mātaram*, лит. *móterj* и ст.-слав. **МАТЕРИ**. Из примера (1) можно также сделать вывод, что одни семантические различия кажутся естественными, например, такие как ‘мать’ и ‘жена’ или ‘нести’ и ‘брать’, другие же, такие как ‘брать’ и ‘сыпать’ (лит. *beriu* ‘сыплю’), могут даже поставить под сомнение сопоставление сравниваемых слов.

Случай с *-r-* относительно прост, поскольку в большинстве индоевропейских языков этот звук оказался устойчив по отношению к звуковым изменениям.

Сложнее обстоит дело со звуком *s*, который уже не будет сохраняться с такой же устойчивостью. Рассмотрим пример (2) со словами ‘род’, ‘снег’, ‘старый’:

(2) Лат.	Др.-греч.	Др.-инд.	Готск.	Ст.-слав.	Лит.
<i>genus</i>	γένος	<i>jánaḥ</i>	—	—	—
<i>ninguit</i> ‘снежит’	νιφάς	<i>sníhyati</i> ‘мокнет’	<i>snaiws</i>	СНѢГЪ	<i>sniẽgas</i>

Лат. *genus* и др.-греч. γένος сохраняют конечное *-s*, в то время как в др.-инд. *jánaḥ* конечное *-s* ослабляется и переходит в придыхание, обозначаемое знаком *ḥ*. То же самое фонетическое развитие мы видим в др.-инд. *śánaḥ*, по сравнению с др.-греч. ἔνος и лит. *sēnas*. В данном случае направление изменения легко определить: *s* может перейти в придыхание, но придыхание едва ли может перейти в *s*. Начальный звук *s-* также ослабляется и переходит в придыхание, но этот процесс происходит уже не в древнеиндийском, а в древнегреческом языке. На это указывает сравнение др.-греч. ἔνος, лат. *senex*, гот. *sineigs* и лит. *sēnas*.

В случае со словом ‘снег’ труднее решить, является ли начальный звук *s-* в древнеиндийском, готском, старославянском и литовском исконным. Если *s-* считать исконным, то мы должны предполагать его исчезновение в латинском и древнегреческом словах.

В примере (2) видно, что уже сопоставляются не просто слова, которые имеют сходство в звучании и значении. В отличие от примера (1), где звук *r* сохранялся во всех сравниваемых словах (если не считать др.-инд. *mātā* и лит. *mótė*, и ст.-слав. **матн**), звук *s* уже не остается тождественным самому себе. В одних случаях он остается как *s*, в других – переходит в придыхание. И позиционные правила для этого перехода противоположны в древнеиндийском и древнегреческом языках. В таких случаях лингвисты формулируют закономерные фонетические соответствия между языками, например, начальное др.-греч. *h-* соответствует начальному др.-инд. *s-*, и наоборот, конечное др.-инд. *-ḥ* соответствует конечному др.-греч. *-s*. Такое вынужденное отступление от сравнения звуков на основе сходства их звучания обосновывается тем, что данная формула соответствий должна (в идеале) регулярно и без исключений воспроизводиться во всех сопоставлениях между данными звуками сравниваемых языков. Младограмматики полагали, что если данное соответствие не выдерживается, то речь должна идти либо о другом соответствии, например, др.-греч. начальное *h-* – лат. начальное *j-*: ἵπταρ – *iesur*, результаты которого в древнегреческом совпали с первым, либо о действии таких факторов, лежащих вне действия фонетических законов, как аналогия или заимствование. Из этого следует, что морфемы или слова считаются родственными только при условии, что каждый звук в сопоставляемых морфемах будет вписан в установленные ряды фонетических соответствий между данными языками. Таким образом, несходство в звучании между сравниваемыми морфемами разных языков должно объясняться теми изменениями, которые произошли в каждом из этих

языков, а поскольку, по утверждению младограмматиков, звуковые изменения регулярны и не знают исключений, такое несходство должно быть регулярным, а следовательно, в принципе предсказуемым. Этим сравнительно-исторический метод отличается от метода сравнения слов «по сходству звона», которым пользовался В. К. Третьяковский. В таких его сопоставлениях, как *этруски – хитрушки, Италия – Удалия, Норвегия – Наверхия, Британия – Братания*, трудно найти регулярность в соответствиях звуков одного языка звукам другого языка.

Итак, ответ на вопрос «сравниваем ли мы по «сходству звона», будет и утвердительным и отрицательным. Сравниваем, потому что сходство звучания это единственное, на что мы можем опереться, применяя сравнительно-исторический метод. Однако, поскольку каждый из сравниваемых родственных языков изменялся по-своему, и нередко эти изменения были кардинальными, естественно, что те слова, которые в диалектах праязыка звучали совсем или почти одинаково, после определенного периода самостоятельного развития этих двух уже отдельных языков начинают звучать по-разному. Единственное, на что мы можем надеяться, это то, что определенные звуки языка А в определенных фонетических условиях изменялись более или менее одинаково, и что определенные звуки языка Б также в определенных фонетических условиях изменялись более или менее одинаково. В результате «сходство звона» в идеале должно получиться в той форме, которая реконструируется для праязыка, а сравнивать между собой нам приходится такие звуки, которые в разных языках могут звучать уже совсем непохоже, например, начальное др.-инд. *s-* и начальное др.-греч. *h-*. Потому младограмматики и выдвинули положение о регулярности фонетического изменения, что, если бы любой звук без всяких правил изменялся в любой другой звук, мы никогда не смогли бы сравнивать *определенные* звуки в родственных языках, устанавливать *закономерные соответствия* между звуками этих языков и сводить эти соответствия (если повезет) к одному звуку в праязыке.

Иногда возникает такой вопрос: если между звуками родственных языков наблюдаются регулярные фонетические соответствия, то почему нельзя, пользуясь такой схемой соответствий, просто «переводить» слова одного языка в другой язык? К сожалению, это возможно только для отдельных слов. Например, зная, что начальное лат. *s-* регулярно соответствует начальному др.-греч. *h-*, а также что латинское конечное *-em* достаточно регулярно соответствует конечному др.-греч. *-α*, мы можем легко «перекодировать» латинские слова для ‘6’ ‘7’ и ‘10’ *sex, septem* и *decem* в соответствующие древнегреческие *ἕξ, ἑπτά* и *δέκα*.

Чаще приходится сталкиваться с ситуацией, когда в каком-то одном или нескольких индоевропейских языках древнее слово праязыка исчезло и было заменено другим (как, например, и.-е. **senos* было заменено в русском языке словом *старый*, также древним словом, этимологически сопоставляемым с лит. *stóras* ‘толстый’, др.-исл. *stórr* ‘большой, сильный’). Нередко бывает и так, что слово сохранилось, но принадлежит к другому типу склонения, как гот. *kuni* ‘род’, содержащее тот же корень, что и лат. *genus*.

3. Что такое бесспорная этимология?

Любое этимологическое сопоставление – всегда гипотеза. Иногда эта гипотеза в высшей степени правдоподобна, как в случае сравнения лат. *genus* и др.-греч. γένος, где и форма, и значение идеально соответствуют друг другу. Тогда этимология считается общепризнанной, т. е. бесспорной, до тех пор, пока какой-нибудь ученый не предложит другой, как ему кажется, более удовлетворительной этимологии. Например, этимология др.-греч. νέφος ‘облако’ и рус. *небо* кажется столь же бесспорной, что и этимология лат. *genus* и др.-греч. γένος. В обоих случаях к хорошо известным и.-е. корням **gen-*, **nebh-* присоединяется суффикс с чередованием гласных *-es-/-os-*, отразившемся в таких формах, как лат. *genus* (<**genos*), *generis* (<**geneses*), др.-греч. νέφος, рус. *небо* (< **nebhos*), др.-греч. νέφη (< νέφεα < **nebhesa*), *небеса* (< **nebhesa*). Однако известный отечественный этимолог О. Н. Трубачев предложил видеть в слове *небо* сложение: отрицание **ne-* и корневое **bh-* со значением ‘блестящий’. Таким образом, по мнению О. Н. Трубачева, в слове *небо* не корень **nebh-* ‘влажный’, а тот же корень, что и в прилагательном *белый* **ne-bhel-*. Он пишет: «...в случае νέφελη – *nebula* – *Nebel* мы исходим не из корня и.-е. **nebh-* ‘влажный’, как обычно принято, а из сложения с отрицанием **ne-bhel-* / **ne-bhl-* (далее ср. **bhělъ*, см.), т. е. из аналогичного представления о ‘не-светлом, не-ясном (небе)’. Грамматикализация исхода **nebes-* как основы на *-es-*, таким образом, могла бы считаться вторичной⁵». Итак, из гипотезы О. Н. Трубачева следует, что *небо* не принадлежало первоначально к основам на *-s*, и словообразовательное единство др.-греч. νέφος ‘облако’ и рус. *небо* не отражает древнего индоевропейского состояния. Отсюда видно, что любая, даже самая очевидная этимология может быть подвергнута сомнению. Однако предлагая новую этимологию, важно показать, чем новое объяснение лучше традиционного. К сожалению, аргументация О. Н. Трубачева не только не содержит критики традиционной этимологии, но и в позитивном плане ограничивается довольно абстрактными рассуждениями о соотношении «‘неба ясного’» и «‘неба облачного’». Так, О. Н. Трубачев пишет: «Остается реальное

⁵ Трубачев О. Н. Этимологический словарь славянских языков. Вып. 24. М., 1997. С. 104.

соотнесение (оппозиция) наименований, представлений 'неба ясного' и 'неба облачного'. Как уже сказано, к славянскому обозначению неба **nebo* и к родственным индоевропейским применима изначальная идея облачности неба. Эта идея как бы имплицитно "отрицательность" представления ('не-ясное' небо), почему кажется уместным поставить вопрос о том, насколько случайно последовательность звуков **nebo* (**nebos-*, **nebes-*) занимает место в алфавитном отрезке *ne-* нашего словаря. Поэтому, далее, нам показалось наименее противоречивым умозаключение о наличии здесь реальной конструкции с отрицанием (**ne-bos-* (и.-е. **ne-bhos-*) 'не блестящий, не-ясный', в данном случае об облачном небе)⁶. Из разобранный этимологии О. Н. Трубачева видно, что, предлагая новое этимологическое решение, необходимо показать, в чем слабость традиционной этимологии, и дать веские аргументы в пользу новой.

Иногда этимологическая гипотеза бывает явно неправдоподобна и в семантическом, и в фонетическом отношении, как, например, приведенные выше этимологические изыскания В. К. Третьяковского. Но более частый случай - это когда этимологическое сопоставление выглядит правдоподобно, однако не может быть доказано с абсолютной точностью. Например, некоторые лингвисты предполагают родство между такими латинскими глаголами, как *gign-ō* 'рождаю' и *nōsc-ō* 'узнавать, познавать'. Фонетически такое сопоставление оправдано: оба глагола восходят к одинаково звучащим корням **g'nō-* 'рождать' (аблаутный вариант корня **g'en-* 'рождать': ср. γένος 'род' - γυνός 'родственник', аор. ἔ-γνω-ν 'я узнал(а)' = перф. *nōvī*) и **g'nō-* 'знать' (аблаутный вариант корня **g'en-* 'знать': ср. лит. *žénklas* 'знак' - *co-gnōscō* 'узнаю'), однако семантическая сторона данного сопоставления требует специального обоснования. О.Н. Трубачев предполагает следующее семантическое развитие: 'быть родственным, быть единокровным (человеку)' → 'знать (человека)'⁷. Следующим шагом может быть отнесение к этому и.-е. корню и сопоставление таких слов, как лат. *(cō-)gnōmen* 'фамильное имя', др.-греч. τὸ γνῶμα 'примета, признак' и ц.-слав. **знама** 'признак'. Данное сопоставление О.Н. Трубачева выглядит весьма правдоподобно, хотя все же остается этимологической гипотезой. В случае, если оно верно, мы можем вписать в верхний ряд примера 2 (стр. 8) также ст.-слав. **знати** и лит. *žinóti* 'знать'. Таким образом, мы обнаружим новое фонетическое соответствие для начального заднеязычного:

⁶Трубачев О. Н. Указ. соч. С. 103.

⁷Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного родства. М., 2006. С. 157.

лат. *genus* – др.-греч. γένος – др.-инд. *jánaḥ* – гот. *kuni* – ст.-слав. **ЗНАТИ** – лит. – *žinóti*

Поскольку соответствие: лат. *g* – др.-греч. γ – др.-инд. *j* – гот. *k* – ст.-слав. **з** – лит. *ž* воспроизводится и в ряде других примеров, например, лат. *grānum* – др.-греч. τὸ γίγαρτον ‘виноградная косточка’ – др.-инд. *jīrnāḥ* ‘трухлявый, растертый’ – гот. *kaúrn* ‘зерно’ – ст.-слав. **зрно** – лит. *žirnis* ‘горошина’, построенный нами верхний ряд соответствий для начального согласного в примере (2) является регулярным, другими словами, отвечает сформулированным ранее требованиям фонетических соответствий.

4. Существует ли «идеальное» фонетическое соответствие?

Следует учитывать, что набор звуков индоевропейского праязыка не просто по-разному изменился в отпочковавшихся от него языках. В ходе самостоятельного развития дочерних языков некоторые унаследованные от праязыка звуки исчезли как самостоятельные единицы, т. е. совпали с другими звуками, либо дали несколько разных звуков. В результате картина соответствий между родственными языками напоминает скорее не ряд параллельных линий, а хитрым образом сплетенную паутину. Так, (рассмотрим пример 3) в позиции начала латинского слова в одном звуке *f*-, совпали три разных индоевропейских придыхательных звука – **bh*-, **dh*- и **g^wh*-.

(3) Лат.	Др.-греч.	Др.-инд.	Ст.-слав.	Лит.
<i>frāter</i>	φράτηρ	<i>bhrātā</i>	братръ	<i>broterėlis</i>
<i>fūmus</i>	θυμός	<i>dhūmāḥ</i>	дымъ	<i>dūmai</i>
<i>formus</i> ‘теплый’	θερμός	<i>gharmāḥ</i> ‘жара’	горѣти	<i>garėti</i> ‘жечь’

Таким образом, для начала латинского слова наиболее важным признаком оказалась не звонкость, не смычность, и не место образования, а придыхательность. В результате начальному латинскому звуку *f*- в славянских языках, в которых как раз придыхательность оказалась наименее устойчивым признаком, могут соответствовать три разных согласных звука – **b*-, **d*- и **g*-. др.-греч. θερμός (< и.-е. **g^whermós*) и θυμός (< и.-е. **dhūmós*) – пример, когда два разных звука (**g^wh* и **dh*) сливаются в одном звуке *th*, передаваемым буквой θ. Не меньше примеров, когда один звук в разных позициях изменяется в разные звуки: например, др.-греч. φόνος (< **g^whonós*) – θείνω (< **g^whenyō*) демонстрируют различное развитие лабиовелярного в позиции перед *-o-* (**g^who-* > φο-) и перед *-e-* (**g^whe-* > θε-) гласными. Из латинского языка можно привести такие однокоренные слова, как *facere* и

con-dere. И.-е. корень **dhē-* ‘класть, ставить’ в его редуцированном варианте **dha*⁸ в начале латинского слова отразился в форме *fa-* (ср. происхождение начального *f-* в лат. *fūmus* (пример 3)). В середине слова обычным развитием **dh-* была утрата аспирации, т. е. из придыхательного **dh-* получался простой (непридыхательный) звонкий *d*, который мы находим в *con-dere*. Интересно, что в разных индоевропейских языках от данного корня с первоначальным значением ‘класть’ образуются имена со значением ‘дело’. Возможно, развитие значения в каждом конкретном случае было различным, однако набор значений производных в целом схож: ‘дело, обстоятельство, поступок’. Ср. лат. *faciō* > *factum*, др.-рус. **дѣти** ‘класть’ > **дѣло**, нем. *tun* > *Tat*, англ. *to do* > *deed*.

Нередко фонетические изменения в языках приводят к тому, что соответствия уже не содержат никакого фонетического сходства. Однако даже в случаях столь сильного расхождения в звучании, как фр. *fil*s – исп. *hijo* ‘сын’, англ. *wheel* – др.-греч. κύκλος – др.-инд. *śakraḥ*, эти расхождения хорошо вписываются в систему фонетических соответствий между сравниваемыми языками, а происхождение этих соответствий удовлетворительно объясняется известными нам фактами истории каждого из этих языков.

Какое соответствие было бы «идеальным», с точки зрения лингвиста? И существует ли такое соответствие в принципе? Вероятно, «идеальным» было бы такое соответствие, при котором, во-первых, сохранялось бы сходство в звучании, а во-вторых, наблюдалась бы полная регулярность, т. е. данные звуки во всех позициях соответствовали друг другу. Если бы такое соответствие где-то и существовало, это было бы крайне нетривиальным фактом, и речь бы шла, вероятно, о двух близкородственных языках, недавно отделившихся от праязыка. Поэтому единственное требование, которое можно предъявлять к идеальному соответствию, это требование регулярности. Но даже и оно, как мы увидим ниже, выдерживается далеко не всегда. Тем не менее, это правило регулярности носит достаточно жесткий характер и всегда является доминирующим по отношению к сравнению на основе звукового сходства. Например, для лит. *o* соответствием является рус. *a*, поэтому ст.-слав. **мати** является идеальным соответствием для лит. *mótė* ‘жена’. Следовательно, на основе соблюдения этого соответствия в данной паре слов может ставиться вопрос об их родстве. С другой стороны, такие слова, как рус. *вата* – лит. *vatà*, не могут служить примером родства этих языков, поскольку их корневой вокализм не отвечает правилам русско-литовских фонетических соответствий.

5. Что доказывает родство языков – корни или окончания?

⁸ Точное продолжение и.-е. корня **dhē-* мы находим в форме перфекта *fēcī*.

Ю. В. Откупщиков назвал один из разделов своей замечательной книги «К истокам слова» «Окончательное решение выносят ...окончания». Он пишет: «На первый взгляд может показаться, что, например, слово со значением ‘вдова’, имеющее удивительно сходные формы в различных индоевропейских языках, убедительно свидетельствует о родстве этих языков: ст.-слав. **ВЪДОВА**, др.-инд. *vidhava*, лат. *vidua*, гот. *widuwo* и т. д. Однако несмотря на этот, казалось бы, бесспорный пример, у нас нет основания на 100 % исключить (как и в подобных случаях) возможность заимствования»⁹. Ю.В. Откупщиков затем на примере четырех падежей склонения с основой на *-ā* показывает, что разные индоевропейские языки демонстрируют убедительное сходство в окончаниях. Читаем также на с. 32: «Отсюда следует естественный вывод, что совпадения в окончаниях четырех падежей единственного числа не могут быть результатом заимствования. Именно такого рода совпадения и позволили ученым сделать окончательный вывод о родстве индоевропейских языков, о том, что все они восходят к единому древнейшему “предку” – к праиндоевропейскому языку». Действительно, древние заимствования могут настолько хорошо «вписаться» в систему заимствующего языка, что по своему внешнему виду и поведению никак не отличаться от исконной лексики. Например, лат. *scribere* так органично вошло в грамматическую систему немецкого языка, заняв место сильного глагола (*schreiben, schrieb, geschrieben*), что, если бы мы не знали историю его происхождения, нам было бы трудно диагностировать этот глагол как заимствование. Таким образом, корневые морфемы очень важны для установления языкового родства, и с них, собственно, и начинается сравнение предположительно родственных языков, но окончательную точку в этом вопросе должно поставить сравнение системы глагольных и именных окончаний. Логическим основанием для этого служит то, что хотя отдельные окончания и могут заимствоваться, вряд ли возможен случай заимствования из одного языка в другой всей системы окончаний. Если заимствуется вся парадигма целиком, речь должна уже идти не о заимствовании, а об автоматическом переходе на другой язык. Интересные мысли о методике определения родства языков высказывает В. Б. Касевич: «Если сходство в строе языков может оказаться случайным, то наличие сколько-нибудь значительного числа общих слов, морфем не может быть случайным: оно объясняется или общим происхождением, или заимствованиями. Доказав, что в данном случае заимствований не было (хотя доказать это бывает отнюдь не просто), мы оставляем лишь первый вариант:

⁹ Откупщиков Ю. В. К истокам слова. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973. С. 31–33. Лучше использовать это издание, поскольку последующие издания подверглись сокращению.

наличие общих морфем говорит об общем происхождении»¹⁰. К сожалению, В. Б. Касевич не делает различий между грамматическими и корневыми морфемами. Я бы не только согласился с примечанием В. Б. Касевича о том, что доказать факт заимствования бывает отнюдь не просто, но пошел бы дальше и высказал бы утверждение, что во многих случаях, когда речь идет об очень древних заимствованиях, определить их представляется невозможным в принципе. Поэтому сравнение не отдельных изолированных корневых или даже грамматических элементов, а целых *наборов грамматических морфем, их парадигм*, остается здесь (во всяком случае для языков с более или менее развитой морфологией) единственным надежным аргументом в пользу языкового родства.

6. Можно ли иногда пренебречь фонетикой?

Всегда ли следует в процессе исследования учитывать уже установленные учеными фонетические соответствия? Разумеется, всегда, в противном случае мы рискуем сравнивать все что угодно с чем угодно, потакая своим семантическим фантазиям. Фонетике, безусловно, принадлежит центральное место в рамках сравнительно-исторического метода. Однако и слепо доверяться известным фонетическим соответствиям, делая из фонетики фетиш, также не стоит. Следует помнить, во-первых, что нет правил без исключений, которые подтверждают правило, и, во-вторых, что даже правильно сформулированное фонетическое соответствие никогда не отражает всей сложности того, что реально происходит в языке. Оно отражает только отдельный фрагмент языковой реальности, и делает это в упрощенном виде, не учитывая того, что разные слова могут вести себя в языке по-разному. В-третьих, сама формулировка фонетического соответствия иногда может содержать некоторые неточности или даже ошибки. В истории науки существовало довольно много соответствий, от которых в дальнейшем лингвисты отказались, поскольку смогли предложить более точные формулы описания соотношения звуков между родственными языками. Например, К. Бругман на основе соответствий др.-инд. *rkṣa-* ‘медведь’ (символ *r* передает здесь слогаобразующий вибрант) – др.-греч. ἄρκτος ‘медведица’; др.-инд. *takṣan-* ‘плотник’ – др.-греч. τέκτων ‘плотник’ постулировал для индоевропейского праязыка существование межзубного глухого спиранта *ʃ*, который, по его мнению, дал др.-инд. *ṣ* и др.-греч. *τ*. Таким же образом в др.-греч. *χθών* и др.-инд. *kṣam-* второй звук считался продолжением индоевропейского звонкого межзубного спиранта *ð*. Однако после открытия хеттского слова *tekan*, (род. п. ед. ч. *taknas*) ‘земля’ исходной формой стали считать и.-е. **dheghōm* с обусловленным склонением вариантами

¹⁰ Касевич В. Б. Элементы общей лингвистики М., 1977. С. 133.

dheghom-*, **dhghem-*, **dhghom-*. Из **dheghom-* развилась хеттская форма, из **dhghom-* в результате контактной метатезы в начале слова возникло др.-греч. $\chi\theta\omega\mu$ -, позднее – $\chi\theta\omega\nu$. Упрощением начальной консонантной группы **dhgh-* в *gh-* объясняются лат. *humus*, ст.-слав. **земля и др.-греч. $\chi\theta\omega\acute{\alpha}$. Др.-инд. *ks* – результат особого развития группы согласных. В новом свете предстает теперь и соответствие др.-инд. *rksa-* – др.-греч. $\acute{\alpha}\rho\kappa\tau\omicron\varsigma$ ‘медведица’, поскольку сюда, по-видимому, относится и хетт. *hartagga-*. В данном случае мы должны исходить из праформы **rtko-*, которая просвечивает в хеттском через сложное написание этого слова и которая в древнегреческом в результате метатезы превратилась в $\acute{\alpha}\rho\kappa\tau\omicron\varsigma$ ¹¹. Поскольку фонетические соответствия не были даны нам Богом, как скрижали Моисею, а выведены людьми на основе анализа весьма фрагментарного материала, их формулировка всегда будет нуждаться в дальнейшем совершенствовании.

Известный романист и большой специалист в области этимологии Г. Шухардт писал: «Фонетические законы и социальный характер языка несовместимы друг с другом. Отсюда и те противоречия, которые мы наблюдаем у Г. Пауля и, не говоря об остальных, у Мейер-Любке. Я никогда не был ниспровергателем, не являюсь им и теперь; я признаю право на существование “фонетических законов”, но лишь в качестве формул, разъясняющих сближение или совпадение различных процессов, а отнюдь не определяющих их. Выражение “фонетически или со стороны фонетических законов невозможно” действует мне на нервы; это в лучшем случае очень удобная, но вместе с тем и негодная манера выражаться»¹².

Другими словами, безоглядно верить в фонетику неверно, а вообще не учитывать фонетику ненаучно. Если то или иное этимологическое решение не вполне безупречно с точки зрения того, что нам на сегодняшний день известно о том, как протекали звуковые изменения в разных индоевропейских языках, и о том, каковы фонетические соответствия между этими языками, это значительно понижает ценность такой этимологии, делает ее сомнительной, но не невозможной. Однако чтобы заслужить право на дальнейшее внимание со стороны ученых, такая этимология должна, во-первых, быть исключительно убедительна в остальных своих аспектах – в словообразовательном и семантическом, а во-вторых, автор должен максимально убедительно объяснить природу возникших фонетических трудностей.

¹¹ В отрывке про спиранты Бругмана использован соответствующий пассаж из книги: Семереньи О. Введение в сравнительное языковедение. М., 1980. С. 64–65.

¹² Шухардт Г. Избранные статьи по языковедению. М., 2003. С. 53–54.

Так, в своей этимологии, посвященной рус. *невеста*, Ю. В. Откупщиков пишет: «Начиная от Ф. Миклошича и до наших дней наиболее распространенными являются два этимологических объяснения этого слова: 1) *невѣста* < **neǰoidta* ‘неизвестная’ (и.-е. корень **ǰoid-* ‘знать’); 2) *невѣста* < **neǰoǰedta* ‘новобрачная’ (корни **neǰ-* ‘новый’ и **ǰed(h)-* ‘вести, брать замуж’). Обычно первое из приведенных толкований признается удовлетворительным в фонетическом отношении, но недостаточно удовлетворительным в смысловом плане. Второе объяснение, напротив, считается убедительным в отношении смысла, но слабым фонетически (необъяснимым остается корневое *ѣ* вместо ожидаемого *e*)»¹³. Ю. В. Откупщиков считает, что по семантическим соображениям вторая этимология гораздо правдоподобней, поскольку и.-е. глагольный корень **ǰoid-* ‘знать’ употреблялся только к вещам (*знать* что) и не употреблялся по отношению к людям. В последнем случае использовался и.-е. глагольный корень **g'en-* (*знать* кого). К недостаткам этимологии *невѣста* < **neǰoidta* ‘неизвестная’ относится также то, что ее авторы не приводят примеров из какого-либо языка, где невеста называлась бы ‘неизвестная’. Что касается второй этимологии, то глагольный корень **ǰed(h)-* ‘вести, брать замуж’ широко употреблялся в индоевропейской брачной терминологии (лит. *vėsti* ‘жениться’, др.-рус. *водити жену* ‘жениться’, др.-рус. *водимаѣ* ‘жена, супруга’, др.-инд. *vadhūh* ‘невеста’, др.-греч. ἔδνον < **ǰednon* ‘брачные дары’, др.-рус. *вѣно* < **ǰed(h)s-no-m* ‘приданое’ и др.) В словообразовательном отношении сильной стороной данной этимологии является наличие таких «двойников» реконструируемой славянской формы **neǰoǰedta*, как лит. *naivedà* ‘невеста’ и др.-инд. *navavadhū* ‘молодая жена; новобрачная’. Ю. В. Откупщиков отмечает дальше: «Причина, по которой большинство исследователей отказалось от этимологии *невѣста* ‘новобрачная’, заключается в том, что не было найдено удовлетворительного объяснения долготы корневого *ѣ* в этом слове... В реконструируемой форме **neǰoǰesta*, на наш взгляд, имела место не гаплогония, а выпадение второго сонанта *ǰ* с последующим слиянием гласных *oe* в дифтонг, который и дал *ѣ* в слове *невѣста*. Подобное предположение имеет свои pro et contra. Против него говорит тот факт, что в отличие от таких языков, как греческий и латинский, в которых *ǰ* исчезал между гласными (лат. *latriña* < **lavatriña*, др.-греч. πλέω < *πλέρω), славянские языки сохранили интервокальный *ǰ* (*плавати*, *ковати* и др.). Однако в конкретном случае со словом **neǰoǰesta* ряд обстоятельств мог содействовать выпадению второго интервокального *ǰ*. Во-первых, перед

¹³ Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001. С. 133.

нами случай словосложения. На границе двух слов в индоевропейских языках, как известно, действовали многочисленные – и до конца не выясненные – закономерности фразовой фонетики (правила сандхи). В подобном положении мы можем ожидать отклонения от обычных норм фонетического развития. Вторая половина рассматриваемого сложного слова (*-*uesta*) начинается с сонанта *u*, артикуляция которого была в подобном положении неустойчивой, о чем свидетельствует, например, ст.-слав. **оса** – слово, утерявшее свой начальный звук *u* (это подтверждается формами: ст.-слав. **воса**, лит. *vapsà*, др.-в.-н. *wafsa*). Если взять целиком compositum **neuo-uesta*, то здесь второй *u* оказывается в интервокальном положении, в котором сонант также отличается крайней неустойчивостью артикуляции. Наконец, наличие двух соседних слогов *-uo* и *-ue*, начинающихся с одного и того же звука, также должно было содействовать выпадению одного из них». Из приведенной цитаты хорошо видно, сколь важным ее автор считает автор фонетический аспект этимологии. Невозможно просто констатировать, что имеются некоторые фонетические трудности, связанные с количеством корневого гласного. Почти страница детальной аргументации была написана, чтобы объяснить, как и почему возник долгий гласный вместо ожидаемого краткого. Несмотря на то что Ю.В. Откупщиков предлагает здесь свое, пусть и менее стандартное, но вполне аргументированное, фонетическое объяснение, он в конце статьи делает вывод: «...предлагаемое нами объяснение происхождения корневого **ѡ** вряд ли будет всеми признано убедительным». Из этого должно быть ясно, насколько выше объяснительная ценность регулярного фонетического изменения по сравнению с пусть и засвидетельствованным (существует же пример утраты начального *u* в ст.-слав. **воса** > **оса**), но единичным. Сложность этимологического анализа заключается также в том, что новый исследователь может обнаружить новые факты и, основываясь на них, выдвинуть новую этимологию проблемного слова. Так, Шмолстиг, анализируя факты старославянского языка, обнаружил, что глагол **вѣдѣти** (и.-е. глагольный корень **uoid-* ‘знать’) мог употребляться не только к вещам, но и к людям, например, **ѡко не вѣмь чловека сего** (Марк, 14, Зогр. еванг.)¹⁴. Основываясь на том, в разных индоевропейских языках глагол, родственный ст.-слав. **знати** мог употребляться в библейском значении ‘познать телесно’, а также на том, что глагол **вѣдѣти** мог применяться к людям, Шмолстиг предложил свою интерпретацию этимологии *невѣста*. По его мнению, слово *невѣста* имело первоначальное значение ‘еще не познанная мужчиной, девственница’. Таким образом, все три этимологии – Трубачева (*невѣста* < **neuoïdta*

¹⁴ Старославянский словарь М., 1994. С.164.

‘неизвестная родственникам жениха’ (и.-е. корень **uoid-* ‘знать’)), Откупщикова (*невѣста* < **neuoedta* ‘новобрачная’ (корни **neu-* ‘новый’ и **ued(h)-* ‘вести, брать замуж’)) и Шмолстига (*невѣста* < **neuoirda* ‘еще не познанная мужчиной’ (и.-е. корень **uoid-* ‘знать’)) остаются в равной мере правдоподобными.

Другой яркий пример того, сколь определяющим является фонетический анализ для убедительности этимологии, – объяснение Ю. В. Откупщиковым происхождения русского слова *стогны*¹⁵. Ю. В. Откупщиков предлагает свою собственную этимологию слова *стогны*, которая, как и в случае с разбираемым выше объяснением слова *невеста*, сталкивается с определенными фонетическими трудностями. Ю. В. Откупщиков, как и во многих других своих этимологиях, начинает с критики общепринятого объяснения, показывая, что общепризнанная этимология является уязвимой в фонетическом отношении. Он пишет: «Древнейшие старославянские и древнерусские памятники знают следующие формы интересующего нас слова: **СТЪГНА СТЕГНА, СТЪГНА и СТОГНА**... Обычно ст.-слав. **СТЪГНА** и **СТЪГНА** сопоставляют со словом **СТЪЗА** ‘стезя’, (ДО)СТИГАТИ и возводят к и.-е. корню *(s)*teigh-* ‘идти’. Эта этимология признана настолько убедительной, что в ее правильности, кажется, никто не сомневался. Однако у этой практически общепризнанной этимологии имеется ряд слабых пунктов, прежде всего в фонетическом отношении. И.-е. корень *(s)*teigh-* имел ряд надежно засвидетельствованных чередований корневого гласного: **ei* / **oi* / **i*. Древнегреческие формы *στείχω-* ‘я иду’, *στοῖχος* и аттич. *στίχος* ‘ряд, линия’ наглядно иллюстрируют это чередование, которое может быть прослежено также в германских и балтийских языках: гот. *steigan* ‘подниматься’, *staiga* ‘тропинка, путь’, др.-исл. *stig* ‘шаг, ступень’, лтш. *stèigt* ‘спешить’, *staĩgāt* ‘ходить, идти’, *stiga* ‘просека, тропинка’. В старославянском языке нулевая ступень огласовки этого корня представлена в **stigh-* **СТЪЗА**, а ступень **ei* в (ДО)СТИГАТИ. Огласовка **oi* (> Ѣ) в славянских языках не засвидетельствована. ...Старославянские и древнерусские формы **СТЪГНА** и **СТОГНА** имеют огласовку корня, которая несовместима с и.-е. чередованием *ei* / *oi* / *i* и не засвидетельствована ни в одном индоевропейском языке для образований с корнем *(s)*teigh-*. С другой стороны, наличие параллельных форм **СТЪГНА** и **СТЪГНА**, **СТЕГНА** и **СТОГНА** свидетельствует, по-видимому, о том, что перед нами реликты хорошо известного индоевропейского чередования *e* / *o*. А в этом случае придется отказаться от возведения приведенных старославянских и древнерусских слов к индоевропейскому корню *(s)*teigh-*

¹⁵ Откупщиков Ю.В. Стогны града // Грани русистики. СПб., 2007. С. 324–329.

...». Следует отметить, что чередование **ь** и **ъ** в формах **стьгна** и **стьгна** едва ли можно удовлетворительно объяснить смешением этих букв в старославянских и древнерусских памятниках. В связи с этим Ю. В. Откупщиков пишет: «...закрепление в языке форм *стега* и *стега*, с одной стороны, *стогна* – с другой, видимо, говорит о том, что огласовка корня в словах **стьга** и **стьгна** различалась уже в древнем произношении, что также свидетельствует против общности происхождения этих слов...». В связи с вышеизложенным представляется, что ст.-слав. **стьгна** и **стьгна** следует возводить не к корню **(s)teigh-* ‘идти’, а к **(s)teg-/*(s)tog-* ‘покрывать’. Общеславянская праформа **steg-ná/ *stog-ná*, судя по всему, означала *крытую*, т. е. мощеную площадь, улицу или дорогу». Показав, что традиционная этимология неубедительна также и в словообразовательном и семантическом отношении, Ю. В. Откупщиков только в конце статьи предлагает свое решение фонетической трудности, связанной с его объяснением. Он пишет: «В заключение остановимся на некоторых деталях, касающихся фонетической стороны истории слова **стьгна**. Праславянские формы **steg-ná/ *stog-ná* должны были иметь место тона на суффиксальной части слова. Это – обычное место индоевропейского тона у отглагольных образований с суффиксом **-no- (*-na)*. Оказавшись в безударном положении, корневой гласный подвергся редукции, в результате чего возникли такие формы, как **стьгна** и **стьгна**. Если признавать эти формы очень древними, не явившимися результатом сравнительно поздней редукции, то следует допустить, что корневые гласные **ь** и **ъ** восходят к индоевропейским **i* и **u*, а это допущение неприемлемо, поскольку в индоевропейском языке *i* и *u* не чередовались. Преимущественное употребление слова **стьгна** во множественном числе (в отличие от праславянского ударения на окончании **steg-ná*, ударение в древнерусском **стьгна**, вероятно, уже было в формах мн. ч. на основе. – Е. Ф.) могло явиться причиной смещения первоначального ударения в единственном числе с суффиксального гласного на корень¹⁶. Это смещение ударения и привело к появлению (а вернее, к восстановлению) форм с корневыми гласными *e* и *o*: **стега** и **стогна**. Разумеется, высказанное здесь предположение о связи между изменениями в огласовке корня рассматриваемых слов и изменением в месте тона является лишь гипотезой. Но самый факт смещения ударения с суффиксальной части на корень не может вызывать сомнений... Таким образом, этимология, связывающая ст.-слав. **стьгна** с корнем

¹⁶ Ю. В. Откупщиков отмечает: «Ср. ед. ч. *стенá*, но мн. ч. *стéны*. Если бы ед. ч. у этого слова употреблялось гораздо реже, чем множественное, мы могли бы и здесь ожидать смещения ударения в ед. ч. **стéна*».

steg-* ‘покрывать’, помимо прочего, объясняет также и наличие различной огласовки корня у данного слова. В то время как традиционная этимология, возводящая ст.-слав. **СТЬГНА к корню *(*s*)*teigh-* ‘идти’, не дает более или менее приемлемого объяснения расхождению между формами **СТЕГНА** (**СТЬГНА**) и **СТОГНА** (**СТЪГНА**)».

Представленные выше этимологии демонстрируют, что, если этимолог сталкивается с фонетическими трудностями при объяснении какого-либо слова, это еще не значит, что предлагаемая этимология заведомо неверна. Однако чтобы сделать свою этимологическую версию более правдоподобной, автору придется объяснить, как могли возникнуть существующие фонетические затруднения.

7. Можно ли «подправлять» звуковые соответствия?

Иногда два слова, идеально соответствующие друг другу и в семантическом, и в словообразовательном отношении, никак не удается «увязать» друг с другом фонетически. В таком случае исследователи вынуждены либо объявить их неродственными словами, либо как-то иначе объяснять отношения между ними. В этом отношении интересна этимология лат. *habēre* ‘иметь, держать’. Его неоднократно сопоставляли с нем. *haben* ‘иметь’. Однако согласно системе фонетических соответствий между латинским и немецким языками начальное лат. *h-* не может соответствовать начальному немецкому *h-*, потому что оно должно соответствовать начальному германскому *g-*. Ср. следующие пары слов: лат. *hostis* ‘враг’ – нем. *Gast* ‘гость’; лат. *hortus* – нем. *Garten* ‘сад’; лат. (*h*)*anser* – нем. *Gans* ‘гусь’; лат. *haedus* – гот. *gaitis* ‘козленок’; лат. *helvus* – нем. *gelb* ‘желтый’; лат. *hesternus* ‘вчерашний’ – нем. *gestern* ‘вчера’. С другой стороны, нем. *haben* ‘иметь’ не может быть сопоставлено с лат. *habēre*, поскольку начальное нем. *h-* не может соответствовать начальному лат. *h-*. Оно должно соответствовать начальному латинскому *c-*, что видно из примеров: нем. *Haupt* – лат. *caput* ‘голова’; нем. *Horn* – лат. *cornū* ‘рог’; нем. *Herz* – лат. *cor*; нем. *Hirsch* – лат. *cervus* ‘олень’; нем. *Häfling* – лат. *captīvus* ‘пленник’; нем. *Hahn* – лат. *gallus* ‘петух’. Традиционное объяснение устанавливает генетическую связь между корнями в лат. *habēre* ‘иметь, держать’ и нем. *geben* ‘давать’. Также традиционно считаются родственными корни у глаголов второй пары – лат. *capere* ‘брать’ и нем. *haben* ‘иметь’.

Например, Клюге пишет о нем. *geben* ‘давать’: «Корень **ghabh-*. К нему относятся также др.-ирл. *gaibim* ‘беру’, *gabāl* f. ‘взятие’, лит. *gabanà* ‘охапка, пригоршня’, *gabėnti* ‘доставлять’, *gabėntis* ‘брать с собой’, др.-инд. *gābhastih* ‘рука’ и лат. *habēre*»¹⁷. О нем. *haben*

¹⁷ Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20. Auflage. Berlin, 1967. S. 237.

Клюге¹⁸ пишет, что этот глагол соотносится с нем. *heben* ‘поднимать’ как длительный глагол с глаголом действия и что с лат. *capere* ‘брать’ следует сопоставлять гот. *hafjan* ‘поднимать’ (= совр. нем. *heben*). Клюге при этом отмечает: «Никакого родства с лат. *habēre*, ср. *geben*» (“Keine Verwandtschaft mit lat. *habēre*, vgl. *geben*”).

Напротив, Вальде и Хофманн считают, что *habēre* и *capere* содержат один корень, а несоблюдение фонетических соответствий объясняется звукоподражательной природой самого слова. Они пишут: “И.-е. **qap-* ‘хватать’ ...является, может быть, звуковым жестом резкого схватывания, имеющим многочисленные (фонетические. – Е. Ф.) варианты (**ghabh-*, **gabh-* и т.д., см. также глагол *habeō...*)”¹⁹. Относительно лат. *habēre* они пишут: «*habē-re* ‘иметь, держать’ есть результатив к *capīō* ‘хватаю, беру’...тот же глагольный суффикс *ē* содержится в гот. *haban...*»²⁰.

На первый взгляд может показаться, что ссылка на звукоподражательность слова не является достаточной причиной, чтобы закрыть глаза на нарушенное фонетическое соответствие. Тем не менее, Вальде и Хофманн правы в том отношении, что звукоподражательные слова действительно относятся к той группе слов, в рамках которой фонетические соответствия не соблюдаются. Любопытно, что известный специалист по фоносемантике С. В. Воронин не только объединяет *habēre* и *capere*, относя их к индоевропейскому корню **ghabh-/,*kap-*, но и проводит сопоставление с неиндоевропейскими звукоизобразительными параллелями: «Выход в еще более широкую сферу ностратики позволяет уже с уверенностью говорить о характере примарной мотивированности (см. особенно мордовский и тамильский примеры): ностр. *ḡaba / ḡap’a* ‘хватать’ – каффа *qap-* ‘глотать’, мордов. (мокшан.) *kapēde-* ‘проглотить, хапнуть’, марииск. (вост.) *kora* ‘ладонь, лапа’, тамил. *kavvi-* ‘хватать ртом, жадно есть’, кодагу *kabb* ‘хватать широко раскрытым ртом’, тамил. *kappi* ‘набивать рот’, орок. *xapki-* ‘схватить за горло, душисть’. Рассмотренные под этой рубрикой лексемы – признанные звукоизображения <...>. Характер примарной мотивированности здесь ясен: при первичной номинации жест хватания рукой “моделируется” в звукоизображении озвучиваемым жестом хватания ртом. Семантическая же эволюция такова: ‘хватать (хапать) ртом’ → ‘хватать рукою’ → ‘брать’ → ‘держат, иметь’²¹».

¹⁸ Ibid. S. 279.

¹⁹ Walde A., Hofmann J. B. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938. S. 159.

²⁰ Ibid. S. 630–631.

²¹ Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л., 1982, С. 154.

Эрну и Мейе, подобно Ключе, полагают, что лат. *habēre* и *capere* принадлежат разным индоевропейским корням. Они пишут: «Лат. *habē-* относится к др.-ирл. *gaibim* ‘беру’, а др.-в.-н. *habē-* (*haben* ‘иметь’) относится к лат. *capīō*, гот. *hafja* (см. *capīō*)». Также они пишут об и.-е. корне **kap* (*capere*): «Этот корень конкурировал с другим, синонимичным ему и начинающимся с *gh-* ...»²².

Другой путь объяснить соотношение этих слов – предположить, что два исконно разных корня в силу схожести своих значений сблизилась и стали употребляться как формы одного слова. Такое явление называется контаминацией. Идею о возможной контаминации этих двух корней поддерживает Леманн. Он пишет: «Этимология неизвестна, даже после тщательного исследования (“Etymology uncertain, even after copious treatment”); вероятно, ... контаминация таких праиндоевропейских форм, как *ghabh-* + *ēy-* и *kap-*»²³.

Наконец, существует попытка объединить лат. *habēre* и *capere* в рамках одного индоевропейского корня **kap-* / **ghabh-*, варианты которого объясняются различными фонетическими условиями. Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов предложили новый взгляд на систему смычных фонем в индоевропейском языке (так называемая глоттальная теория)²⁴. В рамках этой теории становится возможным объяснить фонетическое различие между лат. *habēre* и *capere* как результат варьирования согласных в пределах одного корня. Если принять объяснение Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, то все вышеперечисленные слова являются фонетическими вариациями одного индоевропейского корня, причем лат. *habēre* и нем. *haben* ‘иметь’ предстают как глаголы состояния с суффиксом *-ē*, соотносимые с такими глаголами действия, как лат. *capere* ‘брать’ и гот. *hafjan* ‘поднимать’. Тем не менее, все перечисленные точки зрения остаются лишь гипотезами, и большинство попыток тем или иным образом «поправить» уже установленные фонетические соответствия трудно доказуемы.

8. Что главнее в фонетическом изменении – слова или звуки?

За вопросом, вынесенным в заглавие настоящего раздела, кроется целая эпоха в истории развития лингвистики, начинающаяся ее становлением как подлинно научной дисциплины в середине XIX столетия и длящаяся до сегодняшнего дня. Проблемы, которые

²² Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine: Histoire des mots. Paris, 1959. P. 287–288.

²³ Lehmann W. P. A Gothic Etymological Dictionary. Leiden, 1986. P. 167.

²⁴ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Кн. 1-2. Тбилиси, 1984. С. 143.

страстно обсуждались лингвистами того времени, хотя и решаются сегодня в иной научной перспективе, однако все еще остаются в очень большой степени дискуссионными.

1) Предтечи младограмматизма. До XIX в. изучение звуковых изменений не было научным. Звуковые изменения, как и любые другие изменения в языке, рассматривались негативно, как «языковая порча» некогда идеального праязыкового состояния. Большинство дискуссий о звуковых изменениях состояли просто в каталогизации последних и по своей природе были атомистичны. Объяснения их причин разнились от мифа о вавилонской башне до влияния на произношение диеты, климата или расы.

Бум, который пережило сравнительно-историческое языкознание в первой половине XIX в., был вызван прежде всего успехами, достигнутыми в установлении целой системы регулярных соответствий (в особенности закон *Гримма*, открытый Расмусом Кристианом Раском в 1818 г. и систематизированный Якобом Гриммом в 1822 г.). Казалось, что в руках лингвистов теперь есть надежный инструмент установления языкового родства и реконструкции праязыка. Однако ни Гримм, ни другие современные ему ученые не спешили абсолютизировать точность применяемого ими исследовательского метода. О. Семереньи пишет: «Интересно, что ни Раск, ни Гримм не абсолютизировали открытые ими регулярности в звуковых изменениях. Раск считал, что согласные “часто” изменяются по указанным правилам. Гримм писал, что передвижение согласных осуществляется “в массе”, “но в частностях никогда не протекает в чистом виде. Остаются и слова в старом оформлении, мимо которых проходит поток обновления”... Хотя сорока годами позже Г. Курциус напишет, что “в жизни звуков... можно обнаружить твердые законы, которые проявляются почти так же последовательно, как силы природы”, он, однако, отметит при этом, что “надо различать два вида” звуковых изменений: “регулярные, или всеохватывающие”, и “нерегулярные, или спорадические”, причем последние наблюдаются “только в более или менее ограниченном числе случаев”»²⁵.

Сама идея о том, что фонетические изменения протекают без исключений, принадлежит А. Шлейхеру. А. Ю. Русаков пишет об этом: «Постулат о “звуковых законах”, приписывающий звуковым изменениям регулярный и безысключительный характер, был выдвинут и разработан А. Шлейхером, хотя его окончательная формулировка принадлежит младограмматикам... Идея о регулярности звуковых изменений является одним из краеугольных камней общелингвистической концепции младограмматиков, в целом восходящей к идеям Шлейхера и долгое время доминировавшей в языкознании.

²⁵ Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 33.

Одновременно эта идея являлась фундаментом сравнительно-исторического языкознания, дисциплины, возникшей в начале 19 в. и в течение всего прошлого столетия составлявшей ядро научного языкознания. Эта идея имплицитно определяла научный метод основоположников сравнительно-исторического языкознания, во второй половине 19 в. она была сформулирована эксплицитно»²⁶.

2) Колыбель младограмматизма. Во второй половине XIX в. благодаря более тщательному исследованию уже известных языковых фактов, а также появлению новых лингвистических данных, многие нарушения регулярных фонетических соответствий нашли логичное объяснение как результат действия других, одновременно либо последовательно действующих фонетических процессов. Поскольку оказалось, что один из процессов мог приостанавливать действие другого либо хронологически следовать за ним, меняя языковые факты, сами исключения предстали как результат пусть и более сложного, но не менее регулярного языкового изменения. Важнейшими объяснениями исключений из фонетических соответствий были закон Грассмана и закон Вернера, которые подготовили почву для формулировки в 70-е годы XIX в. фундаментального положения, своего рода аксиомы, выдвинутой младограмматиками, работавшими в Лейпциге. Этой аксиомой стало сформулированное ими кредо о непреложности (безысключительности) звуковых законов: «Любое звуковое изменение, в той мере, в какой оно действует механически, протекает по законам, не знающим исключений»²⁷. Младограмматики полагали, что звуковое изменение происходит во всех словах, где для данного изменения есть условия, с равной скоростью и одновременно проходя все этапы, при этом сам процесс говорящими не осознается, оставаясь лишь чисто физиологическим фактом изменения в артикуляции звуков. Все исключения объяснялись либо действием другого фонетического закона, т. е. другим регулярно происходящим звуковым процессом, либо факторами сугубо внешними по отношению к фонетике и вступающими в свои права уже после того, как звуковое изменение как таковое уже завершилось. Такими факторами могли быть либо аналогия — чисто морфологический процесс, происходящий уже не на уровне звуков, а на уровне слов, значащих единиц, вызванный ассоциациями и поэтому имеющий психологическую

²⁶Русаков А. Ю. Нерегулярные фонетические соответствия как проблема индоевропейского сравнительно-исторического языкознания: (Автореф. диссертации канд. филол. наук.) М., 1985. С. 2.

²⁷ Перевод сделан мной с оригинала: «Aller lautwandel, so weit er mechanisch vor sich geht, vollzieht sich nach ausnahmslosen gesetzen... » (Osthoff H., Brugmann K. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Hildesheim; New York, 1974. (Оригинальное издание было опубликовано в Лейпциге в 1878 г.)).

природу, либо факт проникновения в язык чужеродного для данной системы элемента, т. е. заимствование. В этом младограмматики продемонстрировали модульный подход к языку, в целом характерный и для современной лингвистики, когда языковая система представляется как набор модулей, т. е. самостоятельных систем, функционирующих независимо друг от друга. По их мнению, изменение не может осуществляться одновременно и в звуковой, и морфологической системе в силу их изначально различной, даже противоположной природы, они функционируют совершенно автономно, и их взаимодействие ограничивается так называемым «парадоксом Стертеванта». «Парадокс Стертеванта» заключается в том, что регулярное действие звуковых законов нарушает регулярность в морфологических формах, в то время как нерегулярное действие аналогии (принципы действия аналогии до сих пор не удалось точно сформулировать) восстанавливает регулярность языковых форм. Таким образом, фонетика и морфология попеременно отменяют результаты действия друг друга, по очереди то регулярным образом разрушая, то нерегулярным образом восстанавливая системные отношения между словами и формами слов. В качестве примера возьмем лат. *honor, honōris*. В более раннюю эпоху эти формы выглядели иначе: *honōs, *honōsis*. Затем с началом действия закона ротацизма в косвенных падежах единственного числа и во всех формах множественного числа основа стала оканчиваться на *-r (honor-)*. Форма же им. п. ед. ч. не могла подвергнуться действию ротацизма, поскольку *-s-* изменялось в *-r-* только в интервокальной позиции²⁸. В результате данного фонетического изменения вид основы утратил свое единство, поскольку возникли две чередующиеся формы основы — *honōs* и *honōr-*. В латинском языке много слов на *-or* (типа *orātōr, orātōris*), где основа унифицирована, и нет такой модели, в которой им. п. ед. ч. на *-ōs* соответствовал бы основе, содержащей *-ōr* в косвенных падежах. Поэтому вновь возникшее соотношение форм *honos, honōris (lābōs, labōris* и ряд других слов) не смогло вписаться в какую-нибудь другую уже существующую словообразовательную модель, вследствие чего ничто не смогло препятствовать процессу влияния всех остальных форм на форму им. п. ед. ч. и выравнивания основы в им. п. ед. ч. по образцу всех остальных форм. В отличие от перехода *-s- >* в *-r-* в интервокальной позиции замена конечного *-s* на *-r* в форме *honōs* была не фонетическим, а чисто морфологическим (аналогическим) процессом.

²⁸ Строго говоря, форма им. п. ед. ч. могла подвергаться ротацизму в том случае, если следующее слово в непрерывном потоке речи начиналось с гласного. Например, *honōs est* должно было произноситься как [honōrest], однако вариант *honōs*, встречающийся перед согласным следующего слова, оказался более устойчив и был обобщен (см. об этом также на с. 55).

Однако закон Грассмана и закон Вернера не могли объяснить всех исключений из сформулированных ими фонетических законов. Поэтому проблема регулярности звукового закона стала предметом горячих споров в лингвистике, которые не утихают и сегодня. Как пишет А. Ю. Русаков, «сама проблема нерегулярных звуковых соответствий между индоевропейскими языками возникла после того, как был выдвинут тезис о регулярности звуковых изменений, и является логическим и неизбежным следствием появления этого тезиса»²⁹.

3) Звуковой закон у младограмматиков. Проблема звуковых законов, будучи центральным пунктом теории младограмматиков, кардинально определила их взгляд на язык. Г. Шнайдер пишет: «Понятие “звуковой закон” всегда находится в непосредственной связи с понятием “язык”. Оно проистекает из понимания языка, и его изменения являются изменениями взглядов на то, что такое язык»³⁰. Выражение их взглядов на принцип регулярности значительно менялся от одного автора к другому внутри группы младограмматиков и даже в разных работах одного и того же автора. К сожалению, о младограмматиках существуют устойчивые стереотипы, вызванные односторонним пониманием их наследия и преувеличением некоторых сторон их теории. Примером такого преувеличения является неизменное цитирование такого слогана, как «Звуковые законы не знают исключений». Почти любое описание младограмматической теории ограничивается сведением их взглядов на языковой закон к принципу регулярности. Так, Л. Кемпбелл и М. Микско в своем «Глоссарии по исторической лингвистике» рассматривают термины «младограмматическая гипотеза» и «гипотеза регулярности» как абсолютные синонимы³¹. Как пишет Г. Шнайдер³², концепция, предложенная Г. Остхоффом и К. Бругманом в их программном введении к «Морфологическим изысканиям в области индоевропейских языков»³³, «рассматривается изолированно и вне исторического контекста». Кроме того, младограмматики нередко не следовали в своей реальной практике тому, что они сами же заявляли. Например, они заявляли о необходимости тщательнее исследовать современные живые языки и, соответственно, вместо текстов поставить человека в центр своего исследования. Однако им было трудно применить заявленный ими же принцип на практике, поскольку то, чем они на самом деле занимались, была глубинная реконструкция

²⁹Русаков А. Ю. Нерегулярные фонетические соответствия.... С. 2.

³⁰Schneider G. Zum Begriff des Lautgesetzes in der Sprachwissenschaft seit den Junggrammatikern. Tübingen, 1973. S. 1.

³¹ Campbell L., Mixco M. A Glossary of Historical Linguistics”. Edinburgh, 2007. P. 136.

³² Schneider G. Op. cit. S. 2.

³³Osthoff H., Brugmann K. Op. cit. S. XIII.

поязыковых состояний, неизбежно носящая абстрактный и приблизительный характер. Поэтому младограмматическую теорию следует понимать скорее как абстрактный конструкт, теоретический принцип.

Сами младограмматики, во всяком случае, некоторые из них, это осознавали, что ясно из следующей цитаты из Б. Дельбрюка: «Следует признать, что полная закономерность звукового изменения не наблюдается нигде в мире данных фактов, но имеются налицо достаточные основания, ведущие к допущению, что звуковое изменение, протекающее закономерно, есть один из факторов, из совместного действия которых вытекает эмпирический облик языка... Звуковые законы, устанавливаемые нами, суть, как оказалось, не что иное, как единообразия, возникающие в известном языке и в известное время, и имеющие силу только для этого языка и времени. Применимо ли к ним вообще выражение “закон”, остается сомнительным. Между тем я избегаю входить в рассмотрение понятия о законе, применяемого в естественных науках и статистике, так как я нахожу, что в языковом употреблении понятие “звуковой закон” настолько утвердилось, что уже не может быть искоренено, и кроме того, я не могу предложить вместо него лучшего термина. Термин этот, кроме того, безвреден, если помнить твердо, что он не может иметь никакого другого смысла, кроме здесь означенного... Но я не могу помириться с определением звуковых законов, как законов природы. С химическими или физическими законами эти исторические единообразия очевидно не имеют никакого сходства. Язык складывается из человеческих поступков и действий (Handlungen), и поэтому звуковые законы относятся не к учению о закономерности в явлениях природы, а к учению о закономерности человеческих поступков, повидимому произвольных»³⁴. Г. Пауль, автор «Принципов истории языка», «библии» младограмматизма, выражает ту же самую мысль, что и Б. Дельбрюк: «Прежде всего необходимо уяснить себе, что вообще следует понимать под звуковыми законами. Слово “закон” употребляется в весьма различных значениях, что легко может привести к путанице. Понятие звукового закона не следует употреблять в том смысле, в каком мы говорим о законах в физике или химии, иначе говоря, в том смысле, какой я имел в виду, противопоставляя законоустанавливающие науки историческим. Звуковой закон не содержит в себе указаний на то, что непременно должно наступить всякий раз при данных общих условиях, он констатирует лишь регулярность определенной группы исторических явлений»³⁵.

³⁴ Дельбрюк Б. Введение в изучение языка М., 2003. С. 134—135.

³⁵ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 87.

Таким образом, в учебной и научной литературе существует упрощенное понимание того, как младограмматики понимали звуковые законы. С одной стороны, младограмматики следовали идее Шлейхера о языке как о природном явлении, с другой стороны, они осознавали всю относительность этого сравнения и постоянно подчеркивали всю разницу между законами природы и, как они говорят, историческими законами.

Тем не менее некоторые последователи младограмматиков восприняли тезис о регулярности слишком буквально и довели его до логического завершения. Например, В. Георгиев пишет: «Нет никакого принципиального различия между языковыми законами и законами природы, изучаемыми в так называемых (естественных) науках... как законы природы реализуются всегда и везде, т. е. они не знают исключений в определенных условиях, так же безысключительны и языковые законы»³⁶. Здесь сыграла свою роль терминологическая путаница, поскольку слово «звуковой закон» было понято двояким образом. Младограмматики, используя слово «закон», вначале пытались передать идею, что существует определенная регулярность в звуковом изменении, поскольку для них было ясно, что невозможно описать какой-либо процесс научным образом без опоры на формулу. Как пишет Г. Шнайдер, «следующий шаг на пути превращения гипотезы о регулярности в гипотезу строгой регулярности, не допускающей никаких исключений, может быть “обоснован” лишь как методологическая аналогия, которая присуща и современной лингвистике, но ни в коей мере не как логическая или фактическая необходимость»³⁷. Г. Шнайдер цитирует Ортеля, который предлагает объяснять, как регулярность становится законом: „Серия относительного единообразного звукового перехода была выражена в виде краткой формулы. Вследствие этого относительного единообразия эта формула была названа “законом”. И наконец, завершило порочный круг рассуждение, что поскольку это “закон”, он со всей необходимостью должен быть универсальным»³⁸.

Неправильное понимание гипотезы регулярности, выдвинутой младограмматиками, отчасти было также связано с тем, что их тезис о нерегулярности звукового закона либо неверно переводился на другие языки либо цитировался вне контекста. Так, уже цитированный выше слоган младограмматиков о том, что «любое звуковое изменение, в той мере, в какой оно действует механически, протекает по законам, не знающим исключений»³⁹ обычно переводится на русский язык не с помощью союза *в той мере как*,

³⁶ Georgiev V. Introduction to the History of Indo-European Languages. Sofia, 1981.

³⁷ Schneider G. Zum Begriff... S. 9.

³⁸ Oertel H. Lectures on the Study of Language. New York; London, 1902. P. 267.

³⁹ Osthoff H., Brugmann K. Op. cit. S. XIII.

а с помощью союза *поскольку*. Если учесть, что основное значение русского союза *поскольку* казуальное, а не градуальное, то перевод немецкого предложения «*Aller lautwandel, so weit er mechanisch vor sich geht, vollzieht sich nach ausnahmslosen gesetzen...*» оказывается не вполне точным. Дело в том, что основное значение немецкого союза *so weit* градуальное (= рус. *насколько*), а не казуальное (= рус. *так как*). Таким образом, мысль К. Бругмана следует понимать не в том смысле, что «каждое изменение, поскольку оно механично, не имеет исключений», а что «каждое изменение, насколько оно является механичным, настолько оно и протекает по законам, не знающим исключений». В первом случае любое фонетическое изменение механично, а следовательно, безусловно, во втором случае, только некоторые из них.

Случаем искажения смысла цитаты путем вырывания ее из контекста может служить следующий пример. В 1879 г. Г. Пауль писал: «каждый фонетический закон действует с абсолютной необходимостью: он так же мало допускает исключения, как химический или физический закон»⁴⁰. Данный отрывок звучит как максима, как абсолютная истина, в то время как, помещенная в свой настоящий контекст, ее категоричность будет совсем иной. Полный контекст этого места из книги Г. Пауля выглядит следующим образом: «*Мы начинаем с предположения, что каждый фонетический закон действует с абсолютной необходимостью: он так же мало допускает исключения, как химический или физический закон. Только с этим допущением метод, которому я следую, будет действенным. Любой, кто решит отбросить это допущение, не должен признавать и самого метода. Тем самым он вообще уничтожает возможность возвести грамматику в ранг науки. Впрочем, наше утверждение не может претендовать на большее, чем на статус гипотезы*». Выделенные мною курсивом части цитаты показывают, что Г. Пауль понимал строгую регулярность действия фонетического закона только как рабочую гипотезу, которую необходимо принять, чтобы начать научное исследование и установить точные фонетические соответствия между родственными языками. Такое же понимание принципа строгой регулярности характерно и для сегодняшнего состояния индоевропеистики. Так, А. Ю. Русаков пишет: «Сравнительно-историческое изучение языков возможно только при признании регулярности звуковых изменений, в противном случае невозможно отождествление регулярных рядов морфем в родственных языках, лежащее в основе сравнительно-исторического метода»⁴¹. Ср. также следующее высказывание Ф. Бальди:

⁴⁰ Paul H. Untersuchungen über den germanischen vocalismus. Halle, 1879. S. 165—166.

⁴¹ Русаков А.Ю. Нерегулярные фонетические соответствия как проблема индоевропейского сравнительно-исторического языкознания: (автореф. канд. дисс.) М., 1985. С. 2.

«Утверждение о генетическом родстве двух или более языков должно быть подкреплено набором повторяющихся соответствий в фонологических системах двух или более языков, и процесс реконструкции возможен, только если принята определенная форма гипотезы регулярности»⁴².

Таким образом, следует признать, что в теории младограмматиков было определенное несоответствие между теоретическими положениями и реальным анализом языковых фактов, что, безусловно, было вызвано стремлением младограмматиков сделать лингвистику точной наукой сродни физики или химии, оперирующими обладающими абсолютной воспроизводимостью, т. е. не знающими исключений, определениями.

Тем не менее наличие таких фонетических изменений, которые протекали непоследовательно, с большим количеством исключений, вносило логическое противоречие в формулировку звукового закона младограмматиками. Это противоречие хорошо иллюстрируют две следующие цитаты из «Принципов истории языка» Г. Пауля: «...под последовательным действием звуковых законов следует понимать лишь то, что в процессе звукового изменения в данном диалекте все единичные случаи, характеризующиеся одинаковыми звуковыми условиями, протекают вполне одинаково»⁴³. Однако через четыре страницы Пауль пишет: «В итоге остаются еще некоторые типы звуковых изменений, для которых последовательное прохождение, — как можно это теоретически обосновать, — необязательно. Эти типы составляют относительно незначительную часть всех звуковых изменений и могут быть точно отграничены от других. Сюда относятся, с одной стороны, случаи подражательного воспроизведения звука с помощью других артикуляций и, с другой, ...случаи метатезы, ассимиляции и диссимиляции»⁴⁴. Таким образом, чтобы спасти понятие звукового закона, Г. Пауль отказывается некоторым типам звуковых изменений в статусе законов.

Положение о безысключительном характере звуковых законов вызвало ожесточенную дискуссию между младограмматиками и учеными старшего поколения. После того как Август Лескин употребил знаменитое выражение «звуковые законы не допускают исключений», старшие лингвисты дали своим молодым амбициозным коллегам шутовское прозвище *младограмматик* (*Junggrammatiker*), которое за теми и закрепилось. Позже, в 1872 г. Вернер перефразировал высказывание Лескина в выражение «нет исключений без правил» или «должно быть правило для нерегулярности, проблема в том,

⁴² Baldi P. The Foundations of Latin, Berlin, New York, 2002. P. 4.

⁴³ Пауль Г. Принципы истории языка. С. 89.

⁴⁴ Там же. С. 92.

чтобы найти его». Младogramматиками были первоначально ученые немецкой школы К. Бругман, Г. Остхофф, Г. Пауль, Э. Сиверс, датчанин К. Вернер (Karl Brugmann, Hermann Osthoff, Hermann Paul, Eduard Sievers, Karl Verner). Большинство из них работали в последней четверти XIX в. в Лейпцигском университете.

Полемически заостренное утверждение младogramматиков о том, что звуковые законы не знают исключений, вызвало бурную, полную эмоций дискуссию и раскол лингвистов на два лагеря — сторонников и противников предложенного младogramматиками взгляда на язык (под истинным предметом лингвистики тогда понималась именно история языка, поэтому книга Г. Пауля так и называется «Принципы истории языка»). В несколько модифицированном виде это противостояние сохраняется до сих пор.

4) Оппоненты младogramматиков. Среди оппонентов младogramматиков были очень известные ученые, такие как Г. Курциус, Г. Асколи, Н. Крушевский, В. Уитни, О. Есперсен, М. Бреаль, Ж. Жильерон, К. Фосслер (G. Curtius, G. Ascoli, W. Whitney, O. Jespersen, M. Bréal, J. Gilliéron, K. Vossler) и др. Но наиболее ярким и последовательным противником младogramматизма был Гуго Шухардт, давший наиболее полную и глубокую критику младogramматической концепции звукового закона. Классик по своему базовому образованию, в течение всей своей жизни Шухардт предпочитал заниматься конкретными лингвистическими проблемами, в первую очередь, этимологией, историей развития латинского вокализма от древнелатинской до романской эпохи⁴⁵. Кроме романских языков он изучал многочисленные языки самых разных языковых семей, такие как валлийский, баскский, нубийский, венгерский, грузинский, семитские языки, занимался проблемой креольских языков и т. д. В то же самое время исследование конкретного лингвистического материала не было самоцелью для Шухардта, который писал: «Описательное языкознание это лишь предварительная ступень подлинной, объясняющей науки (“Die beschreibende Wissenschaft ist nur eine Vorstufe der eigentlichen, der erklärenden Wissenschaft”)⁴⁶. В своем несколько саркастичном памфлете «Über die Lautgesetze. Gegen die Junggrammatiker»⁴⁷, обращенном, как видно уже из названия, против младogramматиков и посвященном его

⁴⁵ Schuchardt H. *Der Vokalismus des Vulgärlateins*. New York, (Drei Bände in einem Band) 1975. (The first edition was published in Leipzig (Bd I, 1866, Bd II, 1867, Bd III, 1868).

⁴⁶ Schuchardt H. *Das baskische und die Sprachwissenschaft // Ein Vademecum der allgemeinen Sprachwissenschaft* (Zusammengestellt u. eingel. v. L. Spitzer), 2., erweit. Aufl., Halle, 1928. S. 207.

⁴⁷ Существует перевод этой работы на русский язык: *О звуковых законах. Против младogramматиков.* / Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М. 2003. С. 23—56.

близкому другу младограмматику же Густаву Мейеру⁴⁸, Шухардт пишет: «Характер отмеченного тезиса младограмматиков, что признано и ими самими, исключает возможность применения *индуктивной системы доказательств*. Попытки же доказать его правильность с помощью дедуктивной аргументации я считаю неудачными, так как они базируются на явно искусственных положениях: в них не учитываются едва уловимые, но тем не менее существующие различия; переходные формы считаются взаимно исключаящими друг друга; то, что найдено эмпирически, объявляется априорным, сложное — простым. Что касается дедуктивного характера моего последующего изложения, то те немногочисленные примеры, которыми я иногда пользуюсь, служат лишь целям наглядности, и в силу этого возражения со стороны моих оппонентов должны быть направлены не на отдельные факты, а на совокупность моих взглядов в целом»⁴⁹.

Прежде всего, Шухардт полагает, что проводимое младограмматиками разделение между фонетическим изменением и аналогией, слишком искусственно. По мнению Шухардта, существует внутренняя сложная связь между этими двумя факторами. Он пишет: «...на наших глазах ликвидируется противоречие между физиологическими и психическими факторами, и поскольку мы правильно понимаем их внутренние соотношения, постольку нами уясняются также и внешние»⁵⁰. Таким образом, Шухардт полагает, что «...фонетические законы, могущие подвергнуться нарушению под влиянием аналогии, обусловлены психологически; последнее подтверждается тем, что между явлениями обеих категорий не существует никакой пропасти, а существует переход, обнаруживаемый в ряде примеров из романских языков: *conte = comite* (граф), *dunque = nunc* (теперь), *treatro = teatro* (театр), *egolino amino = egli amino* (они любят), *non grieve ma lieve = non grave magis leve* (не тяжелый, а скорее легкий)... Здесь предвосхищаются не только близкие, но и более удаленные звуковые представления, причем образование по аналогии покоится по большей части не только на внешнем, но и на внутреннем сопоставлении слов; в силу этого их можно воспринимать как высший разряд ассимиляций». Шухардт пытается реконструировать реальные фонетические условия акта речи, принимая во внимание частотность определенных звуковых последовательностей, способных вызвать различного вида дистантные ассимиляции. Так, он пишет: «...широкое

⁴⁸ «Dem Junggrammatiker Gustav Meyer freundnachbarlichst zugeeignet». // Vennemann Th., Wilbur T. H. Schuchardt, the Neogrammarians, and the Transformational Theory of Phonological Change. Frankfurt, 1972. S. 9.

⁴⁹ Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 2003. С. 23—24.

⁵⁰ Шухардт Г. Там же. М., 2003. С. 27.

распространение какого-либо звукового комплекса является фактором, благоприятствующим появлению идентичного комплекса (ср. *ié = íe*, в итал. *pieta* ‘жалость’); часто встречающееся фонетическое изменение становится нормой»⁵¹. Шухардт высказывает мысль, что практически любое фонетическое изменение имеет более или менее аналогическую природу, во всяком случае, трудно утверждать, что какое-либо из звуковых изменений полностью свободно от психологических ассоциаций.

Другим важным пунктом теории младограмматиков, который Шухардт считал ошибочным, была их аксиома о безысключительности звуковых законов. Критикуя положение младограмматиков о том, что звуковые законы действуют не зная исключений *в рамках одного и того же диалекта*, Шухардт замечает, что само понятие диалекта у младограмматиков сводится по существу к идиолекту одного говорящего, речь которого, впрочем, также лишена единообразия.

К сожалению, младограмматики рассматривали взаимоотношение языковой системы и говорящего механически и оставляли на долю последнего лишь пассивную роль. Шнайдер пишет: «Язык для них (младограмматиков) все еще нечто существующее самостоятельно, они “наделяют” его жизнью не больше, чем просто вещь, объект естественнонаучного исследования. Человек как говорящий привлекается лишь постольку, поскольку он позволяет языку “пройти через его речевой аппарат”... Говорящий мыслится ими наподобие попугая. Другими словами, отношение между говорящим и слушающим представлено таким образом, словно слушающий никак не участвует в понимании услышанного, не вносит никакого вклада в общение и абсолютно пассивно воспроизводит раз и навсегда данные единицы языка»⁵². (Подобные упреки высказывались позднее также в адрес генеративистов).

Поэтому оппоненты младограмматиков постоянно критиковали их в том, что те недостаточно учитывают: а) семантику и б) лингвистическое сознание говорящего — недостатки вполне понятные, если учесть, что для языковой теории младограмматиков отнюдь не представлял центрального интереса тот факт, что язык это средство общения, которое формируют сами же говорящие. Язык для них предстает, скорее, как однородный, замкнутый на самом себе объект, в определенную эпоху достигающий апогея своего развития и затем по наступлении «железного лингвистического века» словно бы извне подвергающийся разрушительным атакам пришедших извне звуковых изменений и

⁵¹ Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 2003. С. 28.

⁵² Schneider G. Op. cit. S. 22.

звуковых законов. В противоположность этому Шухардт видел причины изменения в языке в деятельности говорящих. Более того, он полагал, что, если не все, то по крайней мере многие из фонетических изменений происходят осознанно, а не «вслепую» или бессознательно для говорящих, как утверждали младограмматики. Он писал: «Модное, т. е. более или менее осознанное, или, вернее, произвольное изменение в произношении может повлечь за собой многочисленные новшества: оно может подвергнуться искажениям, может как бы подняться ступенью выше или вызвать параллельные изменения. Если, наконец, как это легко проследить исторически, известная особенность в произношении, свойственная какой-нибудь выдающейся личности — владетельной особе, придворному или актеру, — находит подражание в его кругу, или же аналогичная особенность в произношении учителя прививается им ученикам, то нельзя оспаривать, что внесение изменений в установившееся произношение может быть произвольным... Но если индивидуальное отклонение может быть актом личного произвола, то оговорка Дельбрюка, считающего что тезис об абсолютном характере фонетических законов сохраняет силу в индивидуальной речи, оказывается несостоятельной. Короче говоря, я всецело согласен с Блумфильдом, который в духе Уитни замечает в связи с нашим вопросом: “the word *inviolable* or *infallible* in matters of grammar is always to be deprecated, if for no other reason than the one that the *conscious will* of any language-user undeniably stands above phonetic facts”⁵³»⁵⁴.

Таким образом, поскольку младограмматики видели причину языковых изменений внутри языка как такового (если они не находили для них причину внутри языковой системы, тогда изменения понимались как иррациональные разрушающие силы извне, как «порча» языка), им было трудно допустить, что языковые изменения происходят именно потому, что меняются сами говорящие на этом языке. В этом была наиболее уязвимая позиция младограмматиков. Их пугала сама мысль о том, что говорящие могут быть главным источником изменений в языке, потому что им казалось, что в этом случае невозможно описать и объяснить язык научным образом: ведь если примешивается непредсказуемый «человеческий фактор», как можно формулировать точно фонетические законы и уж тем более предсказывать их результаты? Допущение этого означало бы, что они могут объяснить и описать изменения, происходящие непосредственно с говорящими.

⁵³ Шухардт Г. Указ. соч. С. 34—35.

⁵⁴ «В рассуждениях на грамматические темы такие слова, как *нерушимый* или *неуклонный*, должны быть решительно отвергнуты уже в силу того, что осознанное желание говорящего безусловно важнее, чем факты фонетики».

Интересно, что младограмматики делали некоторые шаги и в этом направлении. Так, Гарднер отмечает, что помимо собирания лингвистического материала младограмматики были очень внимательны и к современным достижениям в психологии. Он пишет: «Страсть младограмматиков к собиранию материала оставила глубокую печать на их мыслях о языке. Ключом к открытию того, как работает язык, могли быть физические характеристики высказываний. Действительно, новые достижения психофизики, казалось, были таким многообещающим инструментом. Тем не менее, несмотря на попытки пионера в психологии Вильгельма Вундта, психологи никогда на деле не обращались к явлениям языка. Интересно, что на повороте столетия лингвисты отслеживали достижения психологов, пытаясь решить, какая же из вновь выдвигаемых психологических теорий правильна. Теперь психологи пристально следят за лингвистами, пытаясь угадать, какое же из лингвистических направлений окажется наиболее плодотворным для психологии»⁵⁵.

Таким образом, младограмматики были чутки к современным им психологическим исследованиям, и это также нашло место в предлагаемом ими новом взгляде на задачи лингвистики. Так, Бругман и Остхофф писали в своем манифесте, что «только тот историк языка, который раз и навсегда оставит перегруженную гипотезами атмосферу кузницы, в которой куются формы праиндоевропейских корней, и шагнет на чистый воздух реально осязаемого дня, чтобы из этого источника почерпнуть информацию о тех вещах, которые серая теория никогда не откроет ему, только тот лингвист, который навсегда откажется от прежде распространенного, но все еще используемого метода исследования, в соответствии с которым люди наблюдают язык только на бумаге, все переводят в терминологию, системы правил и грамматический формализм, и верят, что они тогда постигли сущность явлений, когда придумали термин для вещи, — только он может прийти до правильного понимания того, как живут и меняются языковые формы, и только он может научиться методическим принципам, без которых вообще невозможно достичь никаких правдоподобных результатов в исследованиях по истории языка и без которых любое проникновение в те периоды прошлого, которые лежат за пределами исторических свидетельств, подобно путешествию по морю без компаса»⁵⁶. Данное высказывание вполне могло бы принадлежать Шухардту, однако написано оно было Бругманом тремя страницами раньше сформулированного им знаменитого положения о безысключительности звуковых законов.

⁵⁵ Gardner H. *The Mind's New Science: A History of the Cognitive Revolution*. New York, 1985. P. 198.

⁵⁶ Osthoff H., Brugmann K. *Morphologische Untersuchungen...* S. IX—X.

Действительно, эволюция взглядов младограмматиков шла в сторону все большего понимания языка не как естественно-научного, а как социального явления. Так, Шнайдер пишет: «Можно утверждать, что младограмматики все больше и больше отказываются от своей четко выраженной естественно-научной позиции в пользу социальной концепции языкознания»⁵⁷. Таким образом, теория младограмматиков не была застывшей схемой, а значительно менялась в зависимости от конкретного ученого и периода исследования.

Наконец, что касается критики Шухардтом тезиса о безысключительности звуковых законов, провозглашенной младограмматиками, то его аргументы становятся ясны из следующего отрывка: «История этого блистательного софизма младограмматиков, сбившего с толку многих, достойна внимания. Корни его уходят к былым воззрениям, отрывавшим язык от человека, отводившим языку свою особую жизнь,— воззрениям, которым первоначально была свойственна мистически-романтическая, а затем строгая естественно-научная окраска. Учение о непреложности фонетических законов, хотя фактически и не восходящее к А. Шлейхеру, но возведенное в его духе, маячит перед нами словно древность, перенесенная в нашу эпоху, признающую за языкознанием право именоваться наукой о духе, видящую в языке не созданный природой организм, но продукт социальной жизни. Особенно удивляет меня, что мы сталкиваемся с этим учением в “Prinzipien” Пауля, который с такой глубиной охарактеризовал в названной работе сущность языковых явлений; впрочем, оно фигурирует здесь в очень смягченном виде. Вообще говоря, сторонники этого учения в поисках доказательства принуждены были отказаться от первоначальной догматичности изложения, и в многочисленных поправках и дополнениях к основному тезису младограмматиков без труда вскрываются его внутренние противоречия. Лучшей критикой этого тезиса могло бы явиться, возможно, простое сопоставление многочисленных редакций, в которых мы встречаем его, начиная с Остгофа и до Дельбрюка. Широкое распространение тезиса младограмматиков — отнюдь не аргумент в его пользу. Лишь немногие разделяют упомянутый тезис в силу того, что пришли в своих исследованиях к аналогичным выводам или подвергли его всесторонней проверке; большинство же усвоило его из-за отмеченного выше методического удобства. Этот тезис вполне пригоден для того направления, которое ныне ведет науку по пути к ремеслу. Столь метко названная В. Шерером “механизация методов” сводит до минимума требования к самостоятельной мысли и дает возможность привлечения к “научной” работе

⁵⁷ Schneider G. Op. cit. S. 19.

огромной массы фактически непригодных для этой цели людей»⁵⁸. Если опустить высокомерную ремарку о «непригодных к научной работе людях», рассуждения Шухардта о младограмматическом тезисе абсолютной регулярности звуковых законов можно считать вполне логичными.

Т. Феннеманн и Т. Вильбур в своей статье «Теория фонологического изменения Гуго Шухардта» суммируют взгляды ученого в 29 тезисах⁵⁹. Правда, при этом они используют более современную лингвистическую терминологию. Приведем лишь некоторые из этих тезисов.

Тезис 1. Звуковое изменение имеет психологическую основу.

Тезис 2. Происхождение звуковых законов — это спорадическое изменение.

Тезис 3. Механизм распространения звукового изменения заключается в заимствовании через подражание.

Тезис 4. В принципе нет никакой разницы между заимствованием одним человеком у другого человека и заимствованием из одного диалекта в другой.

Тезис 5. Звуковое изменение на всех его стадиях должно быть заметно для говорящих, чтобы они могли его имитировать.

Тезис 6. Гипотеза младограмматиков о том, что фонетическое изменение происходит незаметно для говорящих, является чисто произвольным допущением младограмматиков.

Тезис 7. Звуковое изменение всегда социально мотивировано.

Тезис 9. Спорадическое изменение, как правило, встречается в наиболее частотных словах.

Тезис 10. Спорадическое изменение обычно вызывается разного рода ассимиляциями (при этом сам процесс изменения остается психологическим), однако оно может быть вызвано и аналогией. Оно может осуществляться как результат личного выбора говорящего.

Тезис 11. Распространение звукового изменения через лексикон может быть постепенным, начинающимся с частотных слов. Исключения могут встречаться на обоих концах этой шкалы (т.е. и среди частотных, и среди нечастотных слов).

Тезис 12. Спорадическое изменение может развиться в звуковой закон благодаря процессу вовлечения в это изменение новых слов (процесс генерализации).

⁵⁸ Шухардт Г. Указ. соч. С. 49.

⁵⁹ Vennemann Th., Wilbur T., Schuchardt H., the Neogrammarians, and the Transformational Theory of Phonological Change. Frankfurt, 1972. S. 171.

Тезис 13. Звуковые законы обычно подвергаются процессу генерализации (т.е. фонетическое изменение стремится захватить в сферу своего действия как можно больше слов с данными фонетическими условиями).

Тезис 14. Генерализация звукового закона (так же, как и спорадического изменения) может начаться с одного часто употребительного слова.

Тезис 15. Психологическая основа для генерализации звукового закона, т. е. для распространения изменения по другим словам языка, заключается во врожденной способности к аналогии, которая, в свою очередь, основывается на врожденном знании о том, в чем состоит лингвистическая генерализация.

Тезис 16. В языке действуют три вида аналогии: фонетическая, синтаксическая и семантическая. Между ними есть промежуточные этапы, но нет четкой границы.

Тезис 17. Эти три вида аналогии необязательно действуют друг против друга в процессе звукового изменения, напротив, они могут действовать вместе для большей генерализации звукового закона.

Тезис 18. Звуковые законы регулярны⁶⁰ (хотя эта регулярность не всегда может быть обнаружена механическими процедурами, предложенными младограмматиками, поскольку язык это скорее социальный продукт, нежели природный).

Тезис 19. Социальная основа для генерализации звуковых законов это желание не отстать от образца. Подражающий должен самостоятельно сформировать для себя образец, основываясь на ограниченном количестве наблюдаемых отличий. Пытаясь отразить все примеры, в которых происходит данное изменение, он может перенести данное изменение и на другие слова.

Тезис 20. Звуковые законы существуют. В противном случае они не могли бы подвергаться генерализации.

Тезис 21. Звуковые законы необязательно прекращают свое существование по достижении определенной степени генерализации. Они могут существовать и дальше и готовы к дальнейшей генерализации в любое время.

Тезис 22. Лингвистика — это скорее психологическая и социальная, нежели естественная наука.

Тезис 23. Целью лингвистики, как и любой другой науки, должна быть трансформация из описательной в объяснительную дисциплину.

⁶⁰В отличие от данного тезиса Шухардта («звуковые законы регулярны»), младограмматики утверждали, что звуковые законы вообще не знают исключений, т.е. что они *абсолютно регулярны*.

Что касается личности Шухардта, то о ней Феннеманн и Вильбур написали следующее: «Гуго Шухардт был мятежником. Одна из многих вещей, против которых он воевал, была догма младограмматиков. Он предвидел, что эта догма вскоре будет полностью принята всем научным сообществом и что эта догма незаслуженно должна была стать общепринятым кредо среди ученых. Он также совершенно ясно увидел, что претензии этой догмы на исключительную объективность и научную надежность были спорными. Он указал решительным образом, что младограмматики были «научны» относительно ложных понятий. Он пытался подвинуть их к пересмотру основ их теории и практики, а также объяснить им, что то, что они представляли как объективные факты жизни языка, было в действительности лишь продуктом пустого теоретизирования с различной степенью вероятности»⁶¹.

“Truth cannot be exact. What can be measured is not truth.
That which is not living can be measured and its height be found”

Krishnamurti's Notebook,
July, 16⁶²

5) Теория лексической диффузии.

Теория регулярности, т. е. тезис младограмматиков об абсолютной регулярности фонетических изменений, не знающих исключений, спровоцировавшая острую дискуссию в последней четверти XIX в., продолжает подвергаться острой критике и сегодня. Самым серьезным вызовом для нее стала теория лексической диффузии, выдвинутая американским лингвистом Вангом в 1969 г. Если Шухардт и другие ученые (в основном, диалектологи) приводили лишь отдельные разрозненные примеры, в основном из романских языков, чтобы продемонстрировать различные исключения из принципа регулярности, то Ванг, осуществив системное исследование на материале китайского языка, обнаружил, что фонетическое изменение происходит не одновременно во всех словах языка, содержащих условия для данного изменения. Ванг полагал, что звуковое изменение распространяется по лексикону постепенно, начиная с самых частотных слов и постепенно, как вирус, поражая все новые и новые слова. По его мнению, не просто меняются звуки в словах данного языка, а меняются сами слова, причем каждое слово проходит путь изменения индивидуально, со своей скоростью, или даже не подвергается изменению вообще. Теория

⁶¹Vennemann Th., Wilbur T. P. VII.

⁶² «Истина не может быть точной. То, что может быть измерено, не является истиной. Можно измерить и найти высоту только у того, что не является живым». Кришнамурти. Записная книжка. 16 июля.

лексической диффузии вступает в противоречие с классическим утверждением младограмматиков о том, что фонетическое изменение одновременно поражает все слова, в которых звук находится в соответствующей фонетической позиции, и что изменение протекает механически, т. е. незаметно для самих говорящих.

Как замечает А. Ю. Русаков: «Прежде всего, предметом спора между младограмматиками и их оппонентами являлся вопрос, на каком собственно уровне звуковое изменение происходит? Вопрос этот, тесно связанный с основами лингвистической концепции рассматривавших его лингвистов, можно сформулировать более конкретно: что собственно меняется, звук сам по себе или звук в конкретном слове»⁶³. Далее А. Ю. Русаков приводит следующую цитату из Ф. де Соссюра: «Суть вопроса заключается в том, что затрагивают фонетические изменения — слова или только звуки»⁶⁴ и цитату В. Лабова: «Что является базовой единицей в эволюции звуковой системы — слово или звук»⁶⁵.

А. Ю. Русаков пишет далее: «Сторонники абсолютной регулярности звуковых изменений придерживались и придерживаются точки зрения, согласно которой звуки меняются совершенно независимо от слов, в которых эти изменения реализуются. Это положение, естественно вытекавшее из представления об автономности звуковой стороны языка, в сущности, являлось краеугольным камнем теории звуковых изменений младограмматиков в ее классическом виде». В подпункте 3 (звуковой закон у младограмматиков) уже шла речь о том, что лагерь младограмматиков был неоднороден. А. Ю. Русаков неслучайно добавляет слова «в ее классическом виде». Это еще раз подчеркивает тот факт, что в сравнительной лингвистике сложился устойчивый образ младограмматической теории, ставший «классическим». Этот образ исчерпывается тезисами об абсолютной регулярности звуковых изменений (нем. “die Ausnahmslosigkeit”), и их автоматичности, одновременности и неосознанности вследствие автономности звуковой системы языка. Этот устойчивый имидж младограмматической теории главным образом обязан своему существованию даже не столько знаменитому слогану из работы Остхоффа и Бругмана (см. сноску 33), сколько работам их не менее знаменитых последователей, таких, например, как В. Георгиев (см. цитату В. Георгиева в сноске 36) и А. Мейе. Ср., следующее высказывание А. Мейе: «Регулярность в изменении звуков

⁶³Русаков А. Ю. Нерегулярные фонетические соответствия... С.11—12.

⁶⁴ Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 127.

⁶⁵ Labov W. Resolving the Neogrammarian Controversy. // Language. 1981. Vol. 57, № 2. P. 268.

проистекает из изменений в артикуляторной системе, а не в отдельно взятом слове»⁶⁶. Часто бывает так, что последователи придают идеям своих предшественников более категоричную и упрощенную форму. Впрочем, с не меньшей категоричностью эта мысль выражена еще А. Шлейхером: «Следует показать, как органы речи влияют на готовое слово и модифицируют его. Поскольку органы речи, в сущности, одинаковы у всех людей, то также и звуковая порча слов должна во всех языках быть одинакова»⁶⁷.

Таким образом, теория Ванга входит в противоречие с основными положениями классической младограмматической теории. Материал китайского языка, который исследовал Ванг, оказался очень подходящим для того, чтобы проверить гипотезу младограмматиков, поскольку морфологической аналогии, которая может нарушать регулярность звукового изменения в рамках словоизменительных парадигм, в китайском практически не существует⁶⁸.

Ванг переформулировал два основных младограмматических положения таким образом, что основной тезис теории лексической диффузии по отношению к этим положениям стал звучать прямо противоположным образом. Младограмматики полагали, что звуковое изменение фонетически постепенно (*phonetically gradual*), проходя незаметно для говорящих одни и те же этапы эволюции и лексически внезапно (*lexically abrupt*) поражая одновременно все слова с соответствующей фонетической позицией. Согласно формулировке Ванга, «слова изменяют свое произношение отдельными, заметными скачками (т. е. являются фонетически внезапными), но в разное время (т. е. лексически постепенно)»⁶⁹. Позиция Ванга в данном вопросе совпадает с позицией диалектологов рубежа XIX–XX вв., которые также не приняли младограмматический тезис о регулярности и безысключительности звукового изменения. Для них, как и для Шухардта, процесс изменения совершается не на уровне звуков, а на уровне слов. Чтобы противопоставить себя младограмматикам, такие романисты-диалектологи, как Жюль Жильерон (*Jules*

⁶⁶ Цит. Aitchison J. *Language Change. Progress or Decay?* 3rd ed. Cambridge, 2001. P. 85.

⁶⁷ Цит. по книге: Beneš V. *Wilhelm von Humboldt, Jacob Grimm, August Schleicher. Ein Vergleich ihrer Sprachauffassung.* Winterthur, 1958. S. 95.

«Es soll dargetan werden, wie auf das fertige Wort die Lautorgane ihren Einfluß geltend machen und es modifizieren. Wie diese Organe im Wesentlichen allen menschen gemeinsam sind, so muss auch [...] der lautliche Verfall der Worte im Wesentlichen bei allen Sprachen derselbe sein».

⁶⁸ См. об том подробнее: Labov W. *Principles of Linguistic Change. Vol. I: Internal Factors.* Oxford, 1994. P. 424.

⁶⁹ Цит. по книге: Labov W. *Principles...* P. 424. «We hold that words change their pronunciations by discrete, perceptible increments (i.e. phonetically abrupt), but severally at a time (i.e. lexically gradual)».

Gilliéron), Луи Гоша (Louis Gauchat), использовали в качестве слогана высказывание Шухардта «Каждое слово имеет свою историю». Если для сравнительно-исторического языкознания центральным всегда был тезис «звуковые законы не знают исключений», то в классической филологии, имеющей дело с критикой текстов, стало более популярным высказывание Шухардта. Поэтому попытка внести достижения языкознания в классическую филологию, продемонстрированная в учебнике латинского языка В. В. Файера и Е. С. Наумовой, выглядит как очень интересная и диковинная инновация. Авторы этого учебника пишут⁷⁰: «**Фонетический закон** – правило, отражающее изменение и сохранение звуковых единиц языка. Он действует в определенной позиции ограниченное время и не знает исключений. Мнимые исключения из одного фонетического закона объясняются действием другого закона или нефонетическими изменениями (грамматической аналогией)... Мы будем изучать фонетические законы в сокращенном и упрощенном виде, и следует иметь в виду, что строгая научная формулировка должна быть более развернутой». Ср. также: «изменения в фонетике регулируются очень строгими, почти математически точными правилами, которые называют фонетическими законами»⁷¹. Младограмматическая позиция оказалась самой популярной в лингвистике, и неслучайно авторы учебника выбрали именно ее.

Итак, сторонники теории лексической диффузии обнаружили, что типичное звуковое изменение имеет хронологическую структуру⁷²: *медленно-быстро-медленно*. В большинстве случаев изменение начинается медленно, затрагивая лишь несколько слов. Когда определенное количество слов уже захвачено изменением, оно набирает силу и скорость, и дойдя до критической массы, как говорит Ж. Эчисон, наступает состояние, похожее на «отрыв от земли», «взлет» («take-off»), когда в течение относительно короткого времени изменение охватывает огромную массу слов. Затем, после того как изменение прошло свой пик, оно медленно сходит на нет, оставляя после себя дюжину слов, так и не подвергшихся этому изменению. Трудно сказать, изменятся ли в конечном счете эти слова или нет, поскольку изменение затрагивает этот остаток очень неохотно. Ж. Эчисон сравнивает это с тем, как если бы кто-то приложил громадные усилия, чтобы вымыть пол, и уже не заботится о том, чтобы удалить последнюю оставшуюся паутину с потолка. На

⁷⁰ Файер В. В., Наумова Е. С. Латинский язык. М., 2007. С. 13.

⁷¹ Там же. С. 11.

⁷² Здесь частично использован материал замечательной книги: Aitchison J. Language Change. P. 91—97.

диаграмме с горизонтальной осью, обозначающей время, и вертикальной осью, обозначающей количество слов, вовлеченных в процесс изменения, динамика такого изменения показывает s-образную кривую с активной (почти вертикальной) серединой и слабыми (почти горизонтальными) началом и концом. Как правило, изменение начинается в словах, содержащих какую-то одну фонетическую позицию, а затем распространяется на другие группы слов, в которых изменяющийся звук находится хотя и в похожих, но уже в несколько других фонетических условиях. Так, например, Эчисон приводит пример того, как утрата носового в конце французских слов протекала (в зависимости от гласного, предшествующего носовому) последовательно в течение четырех веков (с X по XIV): в X в. изменение начинается со слов типа *an* 'год', в XI в. – продолжается в словах типа *en* 'в', в XII в. – перекидывается на слова типа *bon* 'хороший', в XIII в. – распространяется на слова типа *coin* 'угол', *bien* 'хорошо', *fin* 'конец', и в XIV в. – уже будучи на стадии затухания, захватывает слова типа *brun* 'коричневый'. Эта тенденция фонетического изменения расширять фонетические условия своего действия называется правилом генерализации (ср. тезисы Шухардта №11–15 выше). На самом деле в данном случае имела место последовательность нескольких разных накладывающихся друг на друга фонетических изменений, которые более поздними поколениями были восприняты как единый процесс. Каждое из этих микроизменений имеет s-образную структуру *медленно-быстро-медленно*. Также если посмотреть на все эти изменения как на один процесс, длящийся четыре столетия, то можно увидеть ту же s-образную структуру, показывающую относительно медленный темп протекания в X и в XI вв., быстрый темп в XII, XIII вв. и замедление в XIV в., завершившееся полной остановкой. Любопытно, что подобный темп протекания изменения, в целом, характерен и для живого существа, не только для языка. Довольно часто процесс развития состоит из трех стадий – подготовки, собственно действия и восстановления, необходимого, чтобы подготовиться к новому действию.

Другим примером лексической диффузии, который приводит Эчисон в своей книге⁷³, может служить сдвиг места ударения, медленно происходящий в современном английском языке в двусложных именах существительных. Еще в начале XVI в. все двусложные слова в английском языке, которые могли быть и существительным, и глаголом, имели ударение на втором слоге. Затем, начиная со второй половины XVI в., лишь в нескольких именах ударение сдвинулось на первый слог, создавая

⁷³ Aitchison J. Op. cit. P. 89—91.

противопоставление существительных *rébel* ‘бунтарь’, *récord* ‘запись’ глаголам *rebél* ‘восставать’, *recórd* ‘записывать’. В 1582 г. к этому добавилось еще 5 слов, к 1660 г. таких слов уже было 24, к 1700 г. – 35, к 1800 г. – 70, а к 1934 г. – 150. На сегодняшний день остается еще около тысячи слов, оставшихся незатронутыми этим процессом. Это такие слова, как *mistáke*, *dislíke*, *repórt*. Многие слова находятся в середине пути, демонстрируя колебания в ударении. Так, например, существительное *address* может иметь различное место ударения. Американцы предпочитают говорить *áddress*, носители других разновидностей английского языка все еще в целом предпочитают исторически более древнюю форму *addréss*.

В истории русского ударения также имел место сдвиг ударения в личных формах двусложных глаголов типа *ходить*, *пилить*, *белить*. Первоначальное ударение и в инфинитиве, и в личных формах было на тематическом гласном *-и-*. Затем ударение во всех личных формах (кроме 1 л. ед. ч.) с тематического гласного *-и-* перешло на основу. Поэтому сейчас ударение в формах *хóдишь*, *хóдит*, *нóсишь*, *нóсит* и др. находится на основе, противопоставляя личные формы форме инфинитива *ходи́ть*, *носи́ть*, сохранившей древнее место ударения. Однако в некоторых словах этот процесс еще не дошел до конца. Так, от глагола *манить* встречаются обе формы – *ма́нит* и *манíт*, причем форма с новым ударением более частотная, а форма с древним ударением является скорее поэтическим архаизмом. Разумеется, существует некоторое количество слов, не подвергшихся данному изменению, например, *сулить*, *хулить*, *претить*, *винить*, *чернить*, *грозить*, *хамить* и даже просторечное *гнобить*, однако уже само количество этих исключений говорит о том, что это изменение уже прошло свой пик и близко к завершению. Нельзя также не учитывать возможного аналогического влияния со стороны глаголов, относящихся к иной акцентуационной модели. Например, личные формы глаголов модели типа *сиде́ть* – *сидíт*, *лежа́ть* – *лежíт* могли затормозить данный процесс.

Существование рекомендуемой специалистами по культуре речи архаической формы *звони́шь*, *звонíт*, с точки зрения структуры самого языка, является довольно странным явлением для столь частотного слова. Впрочем, литературная норма часто кодифицирует явления, уже ставшие либо становящиеся архаизмами и тем самым идет вразрез с тенденциями в языке. Достаточно вспомнить хотя бы пример со словом *кофе*, которому настойчиво приписывается нехарактерная для несклоняемых неодушевленных слов категория мужского рода. Такая кодификация напрямую связана со стремлением одной части общества лингвистически идентифицировать себя и отличаться от остальной части общества с помощью употребления структурно аномальных форм. Примером за

46

пределами языка могут служить нередко выступающие в качестве образчиков красоты анорексичного вида модели или мужчины шварцнеггеровского вида с излишне накаченной мускулатурой.

Нередко в литературном языке не просто используются устаревшие формы, но даже специально изобретаются никогда не существовавшие «красивые» формы. Таковыми являются, например, употребляющиеся в значении ‘питье’ и ‘еда’ такие древнерусские слова, как *пѣтеры* и *ѣдеры* в выражении *много было у батюшки и пѣтеру и ѣдеру*⁷⁴.

В том случае, если все без исключения фонетические изменения имеют s-образную структуру протекания, тезис младограмматиков о том, что изменения являются механическими процессами и протекают во всех словах одновременно, оказывается ложным. Тем не менее, некоторые изменения, действительно, протекают, пусть и не одновременно, но достаточно регулярно во всех словах. Как правило, эти изменения связаны с определенными универсальными артикуляторными закономерностями. Например, в быстрой речи зубной носовой *n* перед *p* следующего слова ассимилируется по месту артикуляции и переходит в губной носовой *m*. Так, в двух английских фразах *I want you to warn Peter* и *I want you to warm Peter*, произнесенных с естественной скоростью разговорной речи, *warn* и *warm* произносятся одинаково⁷⁵. На границе между словами такие изменения неизбежно являются временными, а вот внутри слова мы имеем дело с более устойчивым фонетическим изменением. Примером такого регулярного фонетического изменения в латинском языке является переход *p, b > m* перед *n*. Так, на основании лат. *Sabīnī* ‘сабиняне’ и *sopor* ‘глубокий сон’ для лат. *Samnium* и *somnus* реконструируются праформы **Sabniom* и **sopnos*. В данном случае основанием для перехода *(-pn-) > -bn- > -mn-* является приспособление в потоке речи артикуляции смычного взрывного к следующему за ним носовому. Регрессивная ассимиляция заключается в том, что проход в носовую полость открывается на долю секунды раньше, чем начинает произноситься носовая, но этого предвосхищения носовой артикуляции уже вполне достаточно, чтобы *b* превратился в *m*.

Другим примером регулярного изменения, основанного на особенностях сочетания соседних согласных, является возникновение вставного (эпентетического) *b* в консонантной группе *-mr-*. Так, др.-греч. ἄμβροτος ‘бессмертный’ происходит из более древней формы **ἄμροτος*, содержащей группу согласных *-mr-*. Переход от артикуляции *m* к

⁷⁴ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. С. 268.

⁷⁵ Aitchison J. Op. cit. P. 157.

артикуляции *r* представляет собой трудность, поскольку достаточно небной занавеске закрыть проход в носовую полость на долю секунды раньше, как на месте *m* автоматически возникает *b*. Несмотря на универсальный артикуляторный характер такого рода изменений, они не являются строго обязательными для всех языков. Можно сказать, что такие изменения представляют собой фонетические тенденции, которые активизируются и становятся фонетическими законами в определенную эпоху отдельных языков. Так, есть основания считать, что артикуляторно наиболее естественным типом слога является открытый слог, в пределах которого происходит движение от напряжения речевых органов к их расслаблению. Гласный конец слога в то же самое время подразумевает, что завершение слога будет самой звучной его частью. Наибольшая естественность модели открытого слога видна уже из того наблюдения, что если начать много раз подряд произносить последовательность закрытых слогов, например, *at-at-at*, то уже довольно быстро эта последовательность заменится на последовательность открытых слогов *ta-ta-ta*. Тем не менее во многих языках наряду с открытыми существуют также и закрытые слоги, и лишь некоторые языки в определенную эпоху своего развития преобразуют данную тенденцию в звуковой закон, как произошло, например, в праславянском языке.

Итак, несмотря на то что некоторые типы фонетических изменений обладают очень высокой регулярностью, как пишет В. Лабов, «в настоящий момент никакой здравомыслящий человек не станет придерживаться того, что может быть названо младограмматической догмой, а именно: звуковое изменение всегда постепенно, всегда регулярно, всегда поражает все слова в одно то же время»⁷⁶. Сам Лабов, поддерживая аргументы как в пользу младограмматической гипотезы, так и в пользу теории лексической диффузии, решительно не высказывается ни в пользу одной, ни в пользу другой позиции. Он пишет: «Тщательное рассмотрение всех противоречащих друг другу свидетельств ведет к заключению, что необходима теория более высокого уровня (“higher-level theory”) — теория, которая примет во внимание и объяснит факты, приводимые двумя противоборствующими сторонами. Такого синтеза можно достичь, только если мы определим условия, при которых каждая из противоположных точек зрения обоснована. Это невозможно сделать простым пересмотром уже собранных фактов либо переделыванием того, что уже сказано другими, одним словом, пытаясь быть умнее своих предшественников. Необходимый синтез будет основан на более широком и богатом материале, почерпнутом из более широкого числа источников и измеренного более

⁷⁶ Labov W. Principles... P. 438.

точными методами»⁷⁷. Лабов, являясь основателем современной социолингвистики, пришел к логичному выводу, что изучить сам ход фонетического изменения, исследуя его детали и причины, можно только на примере живых, проходящих на глазах процессов. В частности, он исследовал речь ньюйоркцев и выяснил, что тенденция произносить звук *r* в позиции перед согласным и в конце слова, активно прогрессирующая в этом городе, была вызвана к жизни представителями, а точнее представительницами нижнесреднего класса, имитировавшими речь представителей верхнего слоя общества. Выяснилось, что этот звук особенно часто появляется в формальном стиле речи и что мы имеем дело с сознательным копированием более престижной манеры говорить. Таким образом, данное изменение является типичным примером лексической диффузии, когда изменение происходит у разных людей, в разной ситуации говорения и с разной скоростью в разных словах. Лабов полагал, что осознанным для говорящих изменение становится не с самого начала своего протекания, а уже захватив в свою орбиту определенное количество слов.

Попытка Лабова более или менее строго поделить фонетические изменения на «регулярные» и распространяющиеся путем лексической диффузии встретила обоснованную критику в лагере диффузионистов⁷⁸. Так, например, Лабов относил к числу регулярных изменений синкопу редуцированного гласного («шва»), в то время как реальный материал показывает обратную картину: в частотных словах, таких как *memory*, *every*, *factory*, *nursery*, этот редуцированный гласный выпадает, а в более редких словах, таких как *desultory*, *cursory*, этот гласный сохранялся.

Выход в свет в 1994 г. первого тома фундаментального исследования Лабова «Принципы лингвистического изменения. Внутренние факторы», в котором его автор сделал попытку представить обе методологические позиции — младограмматическую и диффузионистскую — как взаимодополняющие и действующие на разных уровнях лингвистического изменения, не оказала примиряющего воздействия на враждующие лагеря.

Сторонники лексической диффузии продолжают утверждать, во-первых, что любое фонетическое изменение, проходит ли оно несколько этапов или представляет собой внезапный сдвиг, распространяется по лексикону постепенно. Во-вторых, ссылаясь на данные психолингвистических исследований, они показывают, каким образом происходит распространение по лексикону нового звукового образа, хранящегося в памяти говорящих.

⁷⁷ Ibid. P. 422.

⁷⁸ Phillips B. S. *Word Frequency and Lexical Diffusion*. Hampshire, 2006. P. 11—13.

На вопрос, почему многие из фонетических изменений кажутся регулярными, диффузионисты дают следующее объяснение. Во-первых, они полагают, что во многих случаях, когда не осталось никаких свидетельств о постепенном характере протекания фонетического изменения через лексикон, это объясняется тем, что данное изменение уже захватило все слова с соответствующей фонетической позицией. Во-вторых, самих слов, в которых произошло фонетическое изменение, могло быть очень малое количество, в силу чего изменение произошло быстро и незаметно. В-третьих, те слова, на которые изменение не успело распространиться, сторонники младограмматической гипотезы объясняют другими факторами (например, видят в них заимствования из соседнего диалекта). В-четвертых, некоторые диффузионисты считают, что изменения младограмматического типа это такие, которые произошли так быстро, что возникает обманчивое впечатление одновременности этого процесса для всех слов⁷⁹.

Если младограмматики, занимаясь реконструкцией индоевропейского праязыка, главным образом имели дело с конечным результатом фонетического изменения и, разумеется, не могли наблюдать живой процесс изменения во всей его полноте, то диффузионистов интересует прежде всего, почему и как процесс изменения запускается в действие и каковы этапы его протекания. Лабов пишет о младограмматиках, что «они были в большой степени ориентированы на изучение живых языков и на использование фактов настоящего для интерпретации фактов прошлого. Они сами не имели в своем распоряжении методов, необходимых для того, чтобы изучать непосредственным образом речь говорящего сообщества, и, подчеркивая роль индивидуума и индивидуальной психологии, они удалялись все дальше и дальше от возможности это сделать»⁸⁰.

Несмотря на ряд фактов лексической диффузии, обнаруженных в различных языках, подавляющее большинство лингвистов, занимающихся историей языка, не были этим убеждены. Они продолжают объяснять исключения из звуковых законов как результат заимствования из соседних родственных диалектов либо как результат действия грамматической аналогии. Так, Кемпбелл пишет: «По более тщательном рассмотрении, большинство из этих случаев оказываются не настоящими примерами лексической диффузии, но находят иное более правдоподобное объяснение. Часто оказывается, что фонетические условия довольно сложны – в некоторых случаях, представленных как примеры лексической диффузии, отсутствовали важные фонетические условия... Когда

⁷⁹ Phillips B. S. Op. cit. P. 191—192.

⁸⁰ Labov W. Principles... P. 421.

фонетические условия хорошо изучены, именно младограмматическая регулярность стоит за изменениями, а не лексическая диффузия»⁸¹. Хотя Кемпбелл и склонен примирить оба подхода, тем не менее причины нарушения строгой регулярности он видит только во влиянии на языковую систему факторов, действующих извне: «В итоге, звуковое изменение является регулярным внутри своей собственной системы, хотя диалектное заимствование и различные влияния извне системы могут приводить к изменениям, которые менее регулярны. Следовательно, чтобы объяснить изменение, нам нужны в равной степени и “звуковые изменения не знают исключений” и “каждое слово имеет свою историю”»⁸².

Часто данные о том или ином фонетическом явлении в истории языка бывают столь скудными, что мы можем составить лишь отрывочное представление о том, как оно протекало. Однако некоторые архаические латинские надписи хорошо интерпретируются с точки зрения теории лексической диффузии. Так, надпись **IVNONE SEISPITEI MATRI** (1². 1430)⁸³ показывает три различных этапа эволюции дифтонга *ei*, причем распределение его рефлексов Ю. В. Откупщиков в своих лекциях прямо связывал с частотностью употребления всех трех слов. Впрочем, и здесь интерпретация может оказаться ошибочной. Так, Н. Н. Казанский предостерег меня против недооценки возможного стилистического варьирования различных фонетических вариантов одного и того же слова, которые могли варьироваться писцом в зависимости от жанровых стратегий построения текста. Впрочем, если, как показало исследование Лабова, «говорящие Нью-Йорка использовали различные формы одного и того же слова в разные дни, и неоднократно, различные формы одного и того же слова в одном предложении»⁸⁴, то почему автор вышеупомянутой латинской надписи не мог использовать различные формы разных слов в рамках одной надписи? Таким образом, предположение о том, что вышеупомянутые три слова надписи пережили монофтонгизацию в разное время, а не одновременно (процесс лексической диффузии), логически никак не исключает свободы писца использовать более старую или более новую формы слова в рамках одного предложения.

Какой позиции ни придерживаться – теории лексической диффузии или младограмматической гипотезы об абсолютной регулярности фонетического изменения –

⁸¹ Campbell L. *Historical Linguistics: An Introduction*. 2nd ed. Cambridge (Massachusetts), 2006. P. 223.

⁸² Campbell L. *Op. cit.* P. 224.

⁸³ Тронский И. М. *Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции)*. 2-е доп. изд. М., 2001. С. 169.

⁸⁴ Aitchison J. *Language Change...* P. 85.

ни та, ни другая теория, взятые по отдельности, ни их синтез, не могут адекватно отразить всю сложность процессов изменения в истории любого языка.

9. Почему ученые спорят, или кто более прав?

“...perché gli beni de la mente non altronde,
che dall’ istessa mente nostra riportiamo”.

(G. Bruno, de l’infinito, V)⁸⁵.

После изложения столь долго длящегося и не решенного до сих пор спора относительно принципов лингвистического исследования⁸⁶ самый раз спросить себя, почему ученые вообще спорят. Очевидно, субъективность заложена в самой природе человеческого мышления. Так, Шмолстиг пишет: «Мы никогда не можем быть абсолютно уверены, что какая-либо реконструкция хода исторических событий правильна. Мы должны рассматривать все реконструкции в терминах эвристической вероятности, а не абсолютной надежности. В большой степени эта эвристическая вероятность зависит от вкуса исследователя, и, хотя об этом можно пожалеть, сама природа аналогического мышления заключается в том, что одни люди будут убеждены одними параллелями, а другие другими. Поэтому ни одна теория не преуспеет в том, чтобы убедить всех исследователей, в особенности новая»⁸⁷.

Шмолстиг показывает, насколько зыбки и субъективны те критерии, которые обычно применяются к оценке научной теории. Он пишет: «Принято считать, что если две гипотезы согласуются с теми же самыми фактами и в других отношениях, важных для их подтверждения, не отличаются, то более убедительной будет считаться наиболее простая. Существует, по меньшей мере, две проблемы, связанных с этим. Во-первых, совершенно неясно, что представляет собой простота, и, во-вторых, почему простая гипотеза должна быть в большем согласии с исторической реальностью, чем сложная»⁸⁸. Шмолстиг приводит затем следующую цитату из Пирса: «...каждый успех науки, который открывает истину нашему взору, обнаруживает мир неожиданной сложности»⁸⁹. В качестве примера того, как более простое и самоочевидное объяснение может оказаться ложным, Шмолстиг

⁸⁵ «...потому что сокровища разума нашего не откуда-либо еще, а именно из самого разума нашего мы черпаем» Дж. Бруно. О бесконечном, V.

⁸⁶ Лабов определяет сущность данного спора как «prototypical example of a long-standing, unresolved dispute over principles». См.: Labov W. Principles of Linguistic Change. Vol. I. Internal Factors. Oxford, 1994. P. 421—422.

⁸⁷ В данном разделе главным образом используется следующая монография: Schmalstieg W. R. Indo-European Linguistics. A New Synthesis. Pennsylvania; London, 1980. P. 1.

⁸⁸ Schmalstieg W. R. Op. cit. P. 4—5.

⁸⁹ Peirce Ch. S. Philosophical Writings of Peirce. New York, 1955. P. 156.

приводит пример реконструкции парадигмы будущего время испанского и французского глаголов.

Sing.	Spanish	French
1 pers.	<i>viviré</i>	<i>vivrai</i>
2 pers.	<i>vivirás</i>	<i>vivras</i>
3 pers.	<i>vivirá</i>	<i>vivra</i>
Plur.		
1 pers.	<i>viviremos</i>	<i>vivrons</i>
2 pers.	<i>viviréis</i>	<i>vivrez</i>
3 pers.	<i>vivirán</i>	<i>vivront</i>

Самым простым и экономичным было бы предположить, что столь сходные парадигмы спряжения будущего времени в двух родственных языках восходят к праязыку, а не развились самостоятельно в каждом из них. На самом деле, мы знаем, что эти парадигмы сформировались независимо в каждом из языков путем слияния формы инфинитива *vivere* и личной формы *habeo*. Если бы мы располагали только данными современных романских языков, очевидно, проще всего было бы возвести обе парадигмы к праязыку. Конечно, есть вероятность, что такая форма уже существовала в вульгарной латыни, однако не была там засвидетельствована.

Шмолстиг приводит также пример, как издатель Югославского Академического Словаря поместил слово *katolik* в группу протославянских слов. Отмечая ложность такого решения, а именно то, что протославянского языка уже не существовало, когда славяне начали заимствовать из греческого и латинского языков, Шмолстиг пишет, что в шутку можно было бы утверждать, что слово *telefon* является протославянским, поскольку оно существует во всех славянских языках. Следуя той же логике, а именно, что лит. *dantistas* является хорошим соответствием для современного французского *dentiste*, можно было бы решить (если бы литовский и французский были единственными сохранившимися индоевропейскими языками), что занятие дантиста восходит к индоевропейским временам.

Наше знание об индоевропейском языке явно фрагментарно. Мы знаем, что некоторые индоевропейские языки вымерли, но существует ли хоть какая-нибудь возможность узнать, сколь много индоевропейских языков исчезли совершенно бесследно? Таким образом, так называемое «простое» решение может оказаться ложным в том случае, если какая-то важная часть информации, противоречащая дошедшим до нас сведениям, полностью исчезла в силу исторической случайности.

Например, закон диссимиляции придыхательных в древнегреческом и древнеиндийском языках, известный как закон Грассмана, можно было бы интерпретировать как относящийся к индоевропейской эпохе, если бы не сохранилось никаких других индоевропейских языков, в которых действие закона Грассмана не имело места. Так, и.-е. **bheudh-* ‘будить’ дало др.-инд. *bodhate* ‘бодрствует, замечает’, др.-греч. *πεύθεται* ‘выведывает, узнает’, но при этом гот. *biudan* ‘предлагать’ прямо отражает форму с двумя придыхательными, поскольку готские согласные *b* и *d* являются закономерным продолжением и.-е. придыхательных согласных **bh* и **dh* (ср. др.-греч. *φέρω* – англ. *bear* ‘нести, поддерживать’, др.-греч. *θύρα* – англ. *door* ‘дверь’). Таким образом, если бы мы не располагали материалом готского языка и некоторыми косвенными свидетельствами внутренней реконструкции древнегреческого языка (действие закона Грассмана в индоевропейскую эпоху дало бы в древнегреческом не форму *πεύθεται* < прагреч. **φεύθεται* [*pheuthetai*], а несуществующую форму **βεύθεται* < и.-е. **bheudhetai*), было бы проще отнести действие закона к праязыковой эпохе.

Пулграм пишет, что наш взгляд на протоиндоевропейский язык – это зрительная иллюзия, являющаяся следствием схемы генеалогического древа, предполагающей нисхождение по линии лингвистического родства, и что реконструированный протоиндоевропейский язык, в сущности, искусствен⁹⁰. Он указывает, что реконструкция протороманского дала бы такие формы под звездочкой, которые бы не соответствовали никакой известной нам форме латинского языка. Пулграм отмечает, что никакая реконструкция протороманского не дала бы больше, чем двух падежей для имени и четырех для местоимения.

Таким образом, Шмолстиг отмечает, что, основываясь на данных лишь романских языков, мы должны были бы реконструировать латинский язык, не имеющий падежных окончаний. Шмолстиг пишет далее⁹¹: «In fact it is hard to see how anything but **bold speculation** would ever lead one to such a conclusion. A careful scholar would surely conclude on the basis of the attested languages that it was a **provable conclusion** that the ancestor language had no case endings. This is a good example, however, of how **speculative fantasy** would give us a more accurate account than a careful cataloguing of the facts. The facts never force a conclusion. They always need interpretation and the interpretation depends on the skill of the investigator, not the facts themselves. The most outrageous speculation may turn out to be more correct than the

⁹⁰ Pulgram E. Proto-Indo-European Reality and Reconstruction // *Language*. 1959. № 35. P. 421–426.

⁹¹ Schmalstieg W. R. Op. cit. P. 7.

most careful linguistic analysis». («Действительно, сложно увидеть, как что-то еще, кроме **чистой догадки** могло бы привести в данном случае ученого к тому, чтобы восстанавливать падежные окончания в латинском языке. Добросовестный ученый, несомненно, заключил бы на основании засвидетельствованных языков, что отсутствие падежей в праязыке является **обоснованным выводом**. Это хороший пример того, как **фантазия, основанная на догадке**, дала бы нам более точный результат, чем тщательное каталогизирование фактов. Факты никогда не определяют вывод⁹². Они всегда нуждаются в интерпретации, а интерпретация зависит от исследователя, а не от фактов самих по себе. Самая вызывающая догадка может оказаться более правильной, чем самый тщательный лингвистический анализ»). Слово *speculation*, которым пользуется Шмолстиг, не всегда легко для перевода. На с. 208 (прим. 2) своей книги Шмолстиг комментирует то, как он сам понимает разницу между *science* и *speculation*: «I am indebted to my colleague, Thomas Magner for a cogent description of the difference between *science* and *speculation*. *Science* is what you do in your office on Monday morning, whereas *speculation* consists of the ideas which occur to you while relaxing in your back yard on Sunday afternoon. I believe that it is fundamentally nonsensical to draw a precise distinction between *scientific theory* and *speculation*» («Я обязан моему коллеге Томасу Ф. Магнеру за внятное описание разницы между понятиями *science* и *speculation*. *Science* это то, чем вы заняты у себя на работе в понедельник утром, в то время как *speculation* состоит из идей, которые приходят к вам, когда вы отдыхаете у себя на заднем дворе в воскресный полдень. Я считаю полным безумием пытаться прочертить точное разграничение между *scientific theory* и *speculation*»).

В качестве примера Шмолстиг отмечает, что было бы странно, опираясь только на два хорватских глагола (*mogu, hoću*), предполагать, что в протославянском языке глагольное окончание 1. л. ед. ч. было *-o (о носовое). Ведь все остальные хорватские глаголы имеют в 1 л. ед. ч. окончание -m. На основании хорватского спряжения *znâm, znâš, znâ* и т. д. и польского *znam, znasz, zna* и т. д., очевидно, было бы рискованным реконструировать протославянское *zna-j-o, zna-ješi, zna-jetъ*, т. е. формы, засвидетельствованные в старославянском языке. В данном случае нам повезло, и мы располагаем данными старославянского и целого ряда других славянских языков. Однако

⁹² Ср. также утверждение Т. Куна: «Философы науки неоднократно показывали, что на одном и том же наборе данных всегда можно возвести более чем один теоретический конструкт» (Кун Т. Структура научных революций М., 2009. С. 122). Ср. также следующее высказывание: «...нет ни одной интересной теории, которая была бы в согласии со всеми известными фактами в ее области» (Feyerabend P. Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge. London, 1979. P. 31).

следует помнить, что то, что засвидетельствовано, а что нет, является лишь результатом чисто исторической случайности. Таким образом, проблема в том, что весь опыт ограничен наблюдением известных языков, а на самом деле могут быть возможны такие виды изменений в истории языка, которые просто не попали в поле наблюдения. Следовательно, если мы находим потрясающее статистическое большинство примеров одного рода и только один-единственный контрпример и предполагаем, что ситуация, подкреплённая множеством примеров, более правдоподобна, мы вполне можем ошибаться. Другими словами, нет оснований считать, что большее количество языков демонстрирует состояние, более естественное для человеческого разума. Шмолстиг пишет, что «тот факт, что засвидетельствовано больше примеров языков, теряющих падежное склонение, чем языков, развивающих падежное склонение, не доказывает еще того, что утрата падежей более естественна по сравнению с развитием падежей. В самом деле, если только первый человеческий язык не появился на свет сразу с падежным склонением (трудно понять, как это могло случиться, если только этот язык не пришел к нам в таком виде прямо от Бога), все языки с падежами должны были обрести падежи в какой-то момент своей истории»⁹³.

Работа историка языка напоминает составление сложного паззла, для которого большая часть кусочков паззла отсутствует, а те кусочки, что имеются в наличии, легко могут увести в ложном направлении. Ж. Эчисон раздел, посвященный работе лингвиста, занимающегося историей языка, назвала «Заполняя лакуны» («Filling gaps»). В качестве эпиграфа к этому разделу она выбрала следующий отрывок из романа Айрис Мердок «The nice and the good» (в русском переводе название романа «О приятных и праведных»): «Существуют некоторые области науки, одна – ранняя греческая история, другая – римское право, где скудость свидетельств представляет особую трудность для дисциплинированного ума. Это игра с очень малым числом кусочков, где мастерство игрока заключается в усложнении правил. Изолированный и мало красноречивый факт должен быть вставлен в ткань гипотезы столь тонко, чтобы заставить ее говорить, и как раз само плетение этой ткани завораживало Дукана»⁹⁴. В самом деле, если дошедший до нас

⁹³ Schmalstieg W. R. Op. cit. P. 19.

⁹⁴ Перевод и подчеркивание мои. Текст оригинала (цит. по: Aitchison J. Language Change. Progress or Decay? 3rd ed. Cambridge, 2001. P. 23.) следующий: «There are certain areas of scholarship, early Greek history is one and Roman law is another, where the scantiness of the evidence sets a special challenge to the disciplined mind. It is a game with very few pieces where the skill of the player lies in complicating the rules. The isolated and uneloquent fact must be exhibited within a tissue of hypothesis subtle enough to make it speak, and it was the weaving of the tissue which fascinated Ducane».

материал крайне фрагментарен, правила реконструкции более древнего языкового состояния усложняются. Одно из таких правил заключается в том, для установления более древних языковых норм важными считаются не регулярные в дошедших до нас языках формы, а как раз напротив, формы аномальные. Норму индоевропейской эпохи реконструируют по исключениям, сохранившимся от этой эпохи в засвидетельствованных более поздних языковых состояниях. Это до некоторой степени напоминает работу следователя, пытающегося найти хоть какие-то оставшиеся улики в хорошо замаскированном преступником месте преступления. Шмолстиг пишет об этом: «подавляющее число примеров не составляет доказательства, но, скорее, именно лингвистические аномалии открывают более раннюю регулярность. Таким образом, надежные выводы могут быть найдены не в большом количестве примеров, но в последовательных нерегулярностях в некотором числе языков»⁹⁵.

Шмолстиг также пишет о том, что такие понятия, как «надежный вывод» и «доказательство» не являются объективными. Эти понятия достаточно субъективны. Шмолстиг цитирует работу Шейна, который пишет следующее: «Поскольку теории и анализ это порождение людей, “человеческий” элемент входит в оценку». Шейн пишет также: «Хотя может быть множество типов аргументов, я считаю, что существует мало хороших, а еще меньше убедительных. На данный момент, лучший аргумент, подобно красоте, находится в уме наблюдающего («For the moment, the best argument, like beauty, is in the mind of the beholder»)⁹⁶.

Роберт С. Бекес пишет: «...the proto-forms are intended to represent realities, that is, to represent linguistic forms which were once actually spoken; but everyone knows that our insight is limited, and that the real reality⁹⁷ might have been other than what we think it was...at the present time there is no agreement as to the general principles which ought to be applied when describing languages. In fact, what for one linguist is the only correct method, is for another fundamentally wrong» («...ождается, что праформы должны представлять реальность, т. е. лингвистические формы, которые реально употреблялись в речи. Но каждому ясно, что наше понимание ограничено, и что фактическая реальность, вероятно, была иной, чем той, как мы себе ее представляем...в настоящее время не существует согласия относительно

⁹⁵ Schmalstieg W. R. Op. cit. P. 19.

⁹⁶ Schane S. A. The best argument is in the mind of the beholder. // Assessing Linguistic Arguments. Ed. by J. R. Wirth. New York; London. 1976. P. 167–185.

⁹⁷ Шмолстиг отмечает в письме ко мне относительно данной цитаты: «(sic! the expression ‘real reality’ sounds odd to native speakers of English)» (sic! выражение ‘real reality’ звучит странно для носителя английского языка).

общих принципов, которые должны применяться для описания языков. На самом деле, что для одного лингвиста единственно правильный метод, то принципиально неправильно для другого»⁹⁸.

Шмолстиг считает, что «теория верифицируемости гипотезы основана на том понятии, что ученый может изобрести тест, чтобы показать, является ли что-то верным либо ложным. Но затем, по всей вероятности, ему придется изобрести дальнейший тест, чтобы определить, является ли первый тест убедительным, и так до бесконечности... Когда ученый находит научный аргумент убедительным, он обычно находит его таковым, поскольку это согласуется с фактами, которые он выучил, и с тем, как он представляет себе устройство мира⁹⁹. Фактически это разновидность подсознательного статистического суждения. По большей части специалист в истории языка обратится к своим знаниям, чтобы посмотреть, можно ли обнаружить параллели в той сфере, которую он знает лучше всего. На мой взгляд, нет никакой возможности избежать этого вида аналогического умозаключения, и я сам использую его в моей аргументации»¹⁰⁰. Поскольку, как уже говорилось выше, факты никогда не определяют вывод, приходится признать субъективность всех наших знаний о мире, в частности, наших знаний о языке. Причем общепринятые мнения могут быть столь же ошибочны, как и мнения, в данный момент отвергнутые большинством ученых. Например, идея гелиоцентрической астрономии, предложенная Аристархом еще в III в. до н. э., долгое время (до Коперника) оставалась маргинальной в науке. Известная фраза Тита Ливия: *ut plerumque fit, maior pars partem meliorem vicit* (Titus Livius Ab urbe condita liber XXI, 4,1) содержит только часть правды. Точнее было бы сказать, что, хотя всегда побеждает большинство, истина не может быть установлена просто большинством голосов. Причем, во многих случаях весьма сомнительно, что истина вообще может быть установлена.

Часто приходится встречаться с утверждением, что в учебных пособиях должны высказываться главным образом «бесспорные», точнее сказать, общепринятые положения. Между тем, как мы уже видели в случае с Аристархом, общепринятость теории еще не означает ее истинности. Так, в предисловии ко 2-му изданию своего учебника «An Introduction to Old Church Slavic» Шмолстиг написал следующее: «Я прочитал все отзывы

⁹⁸ Robert S. Beekes Comparative Indo-European Linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 3–5.

⁹⁹ Ср. утверждение Пирса о том, что «правдоподобная гипотеза это такая, которая согласуется с уже имеющимися у нас идеями, хотя эти идеи могут и быть совершенно ошибочными». (Peirce Ch. S. Philosophical Writings of Peirce. New York, 1955. P. 54.)

¹⁰⁰ Schmalstieg W. R. Op. cit. P. 18–19.

о первом издании этой грамматики и попытался воспользоваться ими для второго издания. Тем не менее, я должен сказать несколько слов о замечании Г. Д. Пола. Последний возражает, например, что мое объяснение распределения сандхи вариантов, хотя, возможно, и является оригинальной идеей, однако не представляет собой *communis opinio*. Пол пишет, что во “Введении” автор должен предлагать главным образом то, что бесспорно; что менее бесспорно, должно быть обозначено как таковое. Лично я не знаю какого-либо способа, как определить, что бесспорно, а что менее бесспорно в размышлениях относительно исторической грамматики славянских языков. Я полагаю, что мои собственные взгляды правильны, и я не вижу причин распространять неправильные взгляды, даже если большинство славистов их принимают. Я не верю, что истина устанавливается большинством голосов, пусть даже и специалистов в данной области. Не существует Великих Научных Архиепископов, формирующих элиту, которая может дать правильные ответы на все вопросы (см.: Lakatos I. *Mathematics, Science and Epistemology*. Vol. 2. Cambridge; London; New York, Melbourne, 1978). Я не предлагаю никакого фонологического или морфологического развития, которое невозможно по какой-либо причине, известной мне. К несчастью, Пол, вероятно, прав, полагая, что студенты некритично принимают все, что бы они ни читали в учебниках, и именно тогда эта механически воспринятая догма переходит из поколения в поколение (см.: Kuhn Th. S. *The structure of scientific Revolutions*. 2nd ed. Chicago, London, 1970. P. 136–138). Но если студенты принимают догму некритично, я не вижу никакой причины, почему они не должны принимать скорее ту догму, которую я предлагаю и в правильность которой я верю, чем то, что, как могут думать Великие Научные Архиепископы, является правильным»¹⁰¹.

Трудность в реконструкции исторических процессов относится не только к восстановлению праязыковых состояний. События исторической и хорошо документированной давности также не могут быть воссозданы с достаточной убедительностью. Так, Шухардт пишет следующее: «История слова на протяжении тысячелетия или даже двух обычно не может быть установлена в полном объеме и с полной достоверностью. Любимое изречение Ричля: “Nil tam difficile est, quin investigari possit” к данному случаю неприложимо. Здесь действуют бесчисленные факторы, причем на протяжении своего долгого странствования слово вступает в часто меняющиеся связи, плодотворные или бесплодные. Исследователь создает историю слова всего лишь на основании нескольких форм, в то время как для этого ему необходима не одна сотня их. И

¹⁰¹ Schmalstieg W. R. *An Introduction to Old Church Slavic*. Ohio, 1980.

подобно тому как всякое изменение слова восходит к индивидуальным росткам, так и в методах исследования проявляется индивидуальность каждого из нас; чтобы вскрыть тайники слов, нам нужен полный набор отмычек...Итак, хотя я рекомендую этимологизирование в качестве упражнения, считая его полезным, я все же настойчиво советую проявлять здесь особую осторожность и снисходительно относиться к его результатам. В то же время я не склонен преувеличивать его ценность. Г. Пауль как-то, обращаясь ко мне, воскликнул: что случится с наукой, если придерживаться ваших принципов? Я ответил (точно воспроизвести свои слова я не в состоянии): не действительность существует ради науки, а наука ради действительности...Вы, может быть, найдете, что я страдаю “*dementia senilis*”; тогда учтите, что этим я болен уже давно»¹⁰².

Еще одной важной причиной разногласий между учеными может быть то, что языковое изменение может вызываться сразу несколькими причинами. Так, Ж. Эчисон пишет: «Частью проблемы является то, что действуют сразу несколько причин, не только в языке в целом, но и в любом конкретном изменении. Подобно дорожному происшествию, языковое изменение может иметь много причин. Автомобильная авария редко бывает вызвана одним главным фактором, таким как внезапный отказ работы руля или сон водителя за рулем. Гораздо чаще это комбинация факторов, каждый из которых вносит свою лепту в общее дело»¹⁰³. Не всегда легко определить, где главная причина, а где лишь вспомогательный фактор, выполняющий роль катализатора. Так, переход *-u-* > *-i-* в существительных IV склонения (*cornubus* > *cornibus*) вызван главным образом фонетическими причинами, однако аналогическое влияние многочисленных слов III склонения, куда помимо собственно существительных относятся также прилагательные и причастия, могло значительно ускорить данный процесс. Менее прозрачным случаем является апокопа *-e* в формах зв. п. ед. ч. существительных II скл. с основой, содержащей *-r* (слова типа *vir*, *puer*, *magister*). Фонетические условия, при которых отпадал конечный краткий *-e*, не выяснены¹⁰⁴. Нидерман склонен считать, что это был чисто фонетический процесс. Он пишет: «...тот факт, что *-ĕ* отсутствует именно у звательного падежа слов, которые, как *vir* и *puer*, потеряли в результате синкопы краткий гласный в конечном слоге именительного падежа (*vir*, *puer* из **vir(ĕ)s*, **puer(ĕ)s*)...», сохраняясь в то же время у слов, не

¹⁰² Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 2003. С. 55.

¹⁰³ Aitchison J. Language Change. P. 134.

¹⁰⁴ Нидерман пишет: «...определить условия, в которых наступало это явление, затруднительно» / Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка М. 1949. С. 50.

подвергшихся синкопе в именительном падеже (например, *dominĕ*, зват. п., наряду с *dominŭs*, им. п.) указывает, повидимому, что зват. п. *vir* и *puer* действительно являются дериватами от *virĕ* и *puerĕ*»¹⁰⁵. Однако существует также точка зрения, что в данном случае имела место грамматическая аналогия. Так, авторы учебника латинского языка В.В. Файер и Е. С. Наумова пишут: «Еще один пример грамматической аналогии мы встречаем во II склонении латинских существительных. К основному типу этого склонения принадлежат существительные с номинативом на *-us* (древнее **-os*). В отличие от всех остальных словоизменительных классов латинского языка эти слова образуют вокатив, не похожий на номинатив (пѳм. *animus* / voc. *anime*). Однако существительные, которые в древности оканчивались на **-ros*, подверглись фонетическим изменениям..., потеряв в номинативе сходство со словами типа *animus*. В результате у этой группы существительных, как и у большинства имен латинского языка, звательный падеж стал идентичен именительному (вместо соотношения пѳм. *pueros* / voc. *puere* возникло соотношение пѳм. *puer* / voc. *puer*)»¹⁰⁶. В данном случае, разумеется, как в им. п. ед. ч., так и в зв. п. ед. ч. имел место процесс утраты краткого гласного последнего слога, прежде всего, в силу фонетических причин. Иначе придется привлекать грамматическую аналогию также для объяснения апокопы в таких словах, как *post* (< *poste*), *dein* (< *deinde*), *vĭn* (< *vĭsne*), *hic* (< *hice*), *dĭc* (< *dĭce*). Однако вполне возможно, что новая форма им. п. ед. ч. на *-er* (а не на *-us*), с одной стороны, ослабила связь слов типа *vir* и *puer* со словами типа *dominus*, а с другой стороны, могла способствовать их морфологическому сближению со словами типа *pater*, *mater*, *soror*, что ускорило процесс закрепления в языке новой (апокопированной) формы зв. п. ед. ч.

В. Дресслер пишет следующее: «...лингвисты выдвигают осмысленные толкования намного реже, чем просто постулируют объяснимость какого-либо явления; ряд объяснений вообще носит частный характер (т.е. *explanans* касается лишь некоторых аспектов *explanandum*)...В тех случаях, когда база данных представлена фактами человеческой деятельности [а именно так и обстоит дело с владением языком (*performance*)], мы сталкиваемся скорее с множественностью причин, чем с монокаузальностью. Поскольку мы не можем быть уверены, что выявили все релевантные факторы некоторого явления, наши прогнозы должны носить скорее вероятностный, чем детерминистский характер»¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка М. 1949. С. 51.

¹⁰⁶ Файер В. В., Наумова Е. С. Латинский язык М. 2007. С. 40.

¹⁰⁷ Дресслер В. Об объяснительной силе естественной морфологии / Вопросы языкознания 1986, № 5. С. 33.

Во введении к своей монографии предложивший много новых ярких и оригинальных идей Шмолстиг пишет: «It will surely be objected that my conclusions lead to linguistic anarchy, that I believe that anything is possible. This is in fact my belief. We have no contract with God that the history of language has taken place in a manner such that it is easy for us to understand it.» («Наверняка возразят, что мои выводы ведут к анархии в лингвистике, что я думаю, что все возможно. Я действительно так думаю. У нас нет контракта с Богом о том, чтобы история языка протекала так, чтобы нам было легко понять ее»)¹⁰⁸. (В письме к автору Шмолстиг также пишет: «I am in favor of an ‘agnostic humility’ or ‘humble agnosticism’ when it comes to all human knowledge»).

10. Кто видит правильно — лягушка или птица?

‘There are more things in heaven and earth, Horatio,
than are dreamt of in your philosophy’
Hamlet Act 1, scene 5, 166–167.¹⁰⁹

Интересное объяснение тому, почему в науке сосуществуют различные теории, авторы которых словно бы говорят на разных языках и неспособны услышать друг друга, предложила профессор Санкт-Петербургского университета Т. В. Черниговская. Описывая сформулированное Ф. Дайсоном¹¹⁰ деление математиков и физиков по их когнитивным стилям на птиц и лягушек, Т. В. Черниговская считает возможным распространить эту классификацию также и на лингвистов. Она пишет о статье Дайсона следующее: «Автор делит ученых на птиц, парящих в высоте и обзирающих огромные пространства, и лягушек, для которых наслаждение – разглядывать конкретные объекты и решать задачи последовательно, одну за другой. Себя Дайсон однозначно относит к лягушкам, что не препятствует его восхищению друзьями и коллегами другого типа. В статье описывается главная оппозиция – Френсиса Бэкона («лягушки») и Рене Декарта («птицы»), и даже более глобально – разбирается противопоставление английской традиции конкретных исследований (бэконовский эмпиризм) и французской (декартовский догматизм). К первым Дайсон относит, в частности, Фарадея, Дарвина и Резерфорда, а ко вторым – Паскаля,

¹⁰⁸ Schmalstieg W. R. Indo-European Linguistics. A New Synthesis. P. 4.

¹⁰⁹ «О, Горацио, на небе и на земле существует больше вещей, чем ты мечтаешь в своей философии» (На данную цитату из Шекспира мне указал профессор Шмолстиг).

¹¹⁰ Дайсон Ф. Птицы и лягушки в математике и физике. // Успехи физических наук. 2010. Т.180, №8, С. 859–870.

Лапласа и Пуанкаре [...]. Мне представляется очевидным, что такое деление на эмпириков и теоретиков или – даже точнее – на учёных, предпочитающих индукцию дедукции или наоборот, вполне применимо и к иным областям знаний, в частности, к лингвистике... Общеизвестно граничащее с идиосинক্রазией взаимное неприятие генеративистов и функционалистов. История этих противостояний насчитывает десятилетия, но сами военные действия фактически не происходят, так как оппозиционные группировки находятся в разных измерениях, и даже факт значимости противника и возможность реальной борьбы не признаётся обеими сторонами. «Птицы», воспитанные Хомским и его последователями, не видят смысла в «ботанике»: наращивание объёма гербариев с языковыми фактами вне универсальных алгоритмов кажется им чем-то вроде вышивания бисером, что в их понимании естественно лежит вне науки.

Ещё более яростный отпор встречают их собственные исследования в противоположном лагере, и основной аргумент сводится к тому, что генеративисты в любых изводах имеют дело с эпифеноменами и продуктом картезианских трюков, а не с фактами языка, точнее языков, которые чрезвычайно многообразны и пестры, более того – динамичны и зависимы от контекстов всех видов»¹¹¹.

На мой взгляд, разница в когнитивных стилях, описанная Т.В. Черниговской для генеративистов и функционалистов, вполне отражает реальные различия в стилях мышления младограмматиков, которые по методу описания языка во многом схожи с генеративистами, и сторонников теории лексической диффузии, которые по стилю своей работы с материалом скорее напоминают функционалистов¹¹². Разумеется, такое деление учёных на «птиц» и «лягушек» весьма условно, и многие великие личности с трудом бы подошли только под одну из этих характеристик. Например, Ю.В. Откупщиков без колебаний относил себя к типу лягушек. Так, когда в конце 70-х гг. XX в. А.И. Зайцев подарил тому свою небольшую статью, посвященную частному текстологическому

¹¹¹ Черниговская Т. В. Картезианство и бэконизм в лингвистике. // От значения к форме, от формы к значению // Сб. в честь 80-летия Александра Владимировича Бондарко. М., 2011. С. 591–597.

¹¹² Некоторые нейропсихологи даже склонны предполагать, что наши реакции на мир, так же как и предрасположенность к тому, чтобы стать консерватором или либералом, в существенной мере предопределены особенностями нашего мозга, т. е. являются врожденными. Ср. следующие ссылки:
http://www.cbsnews.com/8301-503544_162-20026768-503544.html
<http://forums.bit-tech.net/showthread.php?t=139662>
<http://driftwood1.newsvine.com/news/2011/04/07/6428563-study-measures-brain-activity-of-republicans-democrats>

вопросу, с посвящением *talpa – aquilae*¹¹³, с намеком на недавно вышедшую монографию Ю.В. Откупщикова «Из истории индоевропейского словообразования», тот был несколько смущен. Ю. В. Откупщиков вспоминал, что с радостью вернул А.И. Зайцеву данное посвящение, когда у последнего вышла в свет монография «Культурный переворот в Древней Греции», с радостным упреком-восклицанием: «Ну и кто же из нас *talpa*, а кто *aquila*?». С другой стороны, Шмолстиг (в письме автору) отреагировал на статью Т.В. Черниговской следующим образом: «Я прочитал эту статью с большим интересом, и она напомнила мне об одной статье Томаса Себеока, венгерского лингвиста, который бежал из Венгрии и работал в университете штата Индиана много лет тому назад. Он также писал, вслед за Архилохом: *πολλ' οἶδ' ἀλώπηξ, ἐχῖνος δ' ἔν μέγα* “лисица знает много вещей (хитростей), а еж только одну вещь, но большую”. Я не уверен, в какую категорию я попадаю – категорию лисиц или ежей».

Т.В. Черниговская пишет дальше в своей статье: «В XXI в. стало ясно, что традиционная наука, фактически основанная в начале XVII в. Бэконом и Декартом, свою роль исполнила и далее обслуживать интеллектуальное пространство едва ли может: научные парадигмы стали столь сложны и многомерны, нестабильны и зависимы от наблюдателя, что некий когнитивный переворот неизбежен. Жить в Ньютоновском мире после Эйнштейна и Бора наивно и нечестно.

Только на первый взгляд эта ситуация не имеет отношения к гуманитарному знанию. Эсхатологические и эпистемологические аспекты познания мира – проблемы не “местного” значения и в равной мере релевантны для естественных и гуманитарных наук. Самое главное – не давать умственному взору отвлекаться от созерцания природных фактов – утверждал Бэкон. Всё, что требуется учёному – настаивал Декарт – это постигать законы Природы силой мысли, твёрдо следуя законам логики. Эти две стратегии успешно сосуществуют уже 400 лет, и непонятно, почему именно в лингвистике борьба эмпириков и “логиков” не утихает, а принцип дополнительности никого не устраивает.

Обвинения хомскианцев в незнании фактов языка и игнорировании языкового разнообразия – неоправданны, так как десятки исследователей пристально изучают языки разных типов в рамках генеративистского подхода. Обвинения функционалистов и коннекционистов в недостаточной чёткости и разработанности теоретической базы – тоже несправедливы, так как в основе таковой лежат иные принципы и когнитивные стили. Не

¹¹³ Крот – орлу.

стоит забывать также, что и сами эти противоборствующие группы не однородны и не стабильны.

На первый взгляд, противоречия могли бы быть разрешены с помощью экспериментальных исследований, в частности, методами психо- и нейролингвистики. Не стоит однако обольщаться: эксперимент и особенно его трактовка зависит от того, какая именно научная парадигма исповедуется автором: одни и те же данные могут быть описаны с акцентом в обе стороны».

Можно заметить, что обвинения в незнании фактов языка и игнорировании языкового разнообразия, адресованные генеративистам, совпадают с обвинениями, направленными в адрес младограмматиков сторонниками направления «каждое слово имеет свою историю». С другой стороны, упреки в адрес сторонников теории лексической диффузии также сводятся главным образом к тому, что те не признают «принцип регулярности», только на фоне которого собственно и становится возможным описывать любые исключения из него. В данном случае младограмматики созерцают факты с высоты птичьего полета, в общей перспективе, передающей общую смену лингвистического ландшафта, с более резко очерченными границами лугов и лесов, в то время как диффузионисты находятся внутри каждого отдельного изменения, словно «лягушки», медитируя на процесс медленного падения каждой капли с болотного листа или наслаждаясь тем, как каждая роза по очереди медленно распускает свои лепестки. Если использовать лингвистические метафоры, то диффузионисты чувствуют и описывают язык в аспектуальном плане (подобно тому как вид в языке описывает развертывание одной ситуации в ее пределах), а младограмматики делают это в темпоральном плане (т.е. видят контраст между двумя отдельными ситуациями). Таким образом, хотя и лягушка, и птица знамениты, одна – красотой своих выпученных, как у коровы, глаз (недаром самая красивая женщина Афин носила имя Φρύνη ‘жаба’)¹¹⁴, другая – отличным зрением (ср. «видит как птица», «глаз как у орла»), линзы в их внутреннем телескопе принципиально разного качества: у лягушки близорукая линза, у орла дальнозоркая. И все попытки сконструировать умный прибор для переключения, как в бинокле, близкой перспективы на дальнюю (ср. попытку Лабова примирить оба подхода) пока оказывались неудачными.

Т.В. Черниговская пишет дальше в той же статье: «Например, проблема организации ментального лексикона стала одной из самых обсуждаемых в психолингвистике конца XX и начала XXI веков. В частности дискуссии ведутся вокруг организации морфологических

¹¹⁴ Ср., также эпитет Геры «волоокая».

процедур, связанных с регулярным и нерегулярным словоизменением... В литературе принято выделять два основных противостоящих друг другу подхода: двусистемный и односистемный подход — в коннекционистской его версии или в сетевой¹¹⁵. Основное различие между этими моделями состоит в том, как их сторонники рассматривают процессы обработки и усвоения регулярных и нерегулярных форм. Сторонники двусистемного подхода (генеративисты) постулируют независимые механизмы порождения этих двух типов паттернов, согласно которым регулярные глаголы выводятся в соответствии с символическими правилами, а нерегулярные извлекаются из памяти целиком. Односистемный подход (в основном функционалистский) основан на идее единого механизма порождения форм и придаёт особый вес лексическим связям, фонологическому и семантическому сходству. Сторонники его считают, что в мозгу, который является единой нейронной сетью, не существует символических правил и принципиальной разницы в обработке и хранении регулярных и нерегулярных форм нет, поэтому все формы будут в равной степени подвержены влиянию фонологических и частотных факторов.

В основе споров между сторонниками этих двух главных гипотез лежит фундаментальное для современной когнитивной науки разграничение процессов, организованных по принципу подобия, и процессов, основанных на правилах.

Это – как многие другие примеры – призывает нас к большей толерантности и принятию того факта, что взгляды на язык как на один из самых сложных объектов науки – многообразны, и сама суть его такова, что требует многомерного, почти голографического рассмотрения, с надеждой описать его многоцветье и изменчивость с одной стороны и универсалии, присущие языку *Homo Sapiens, Loquens, Legens* и *Scribensque*, несмотря на разнообразие в пространстве и времени».

Можно провести параллель между генеративистами и младограмматиками, которых объединяет общее стремление разграничивать процессы на основе правил, и между диффузионистами и функционалистами, которые рассматривают процессы на основе подобия (ср. мнение Шухардта о том, что грамматическая аналогия и фонетические законы действуют в языке совместно).

Возможен ли многомерный, «голографический», по выражению Т. В. Черниговской, взгляд на языковые факты, который при этом не был бы уродливо механическим и при этом

¹¹⁵ Т.В. Черниговская приводит в тексте большое количество ссылок на соответствующую литературу. Я эти ссылки опускаю.

бесплезным суммированием различных подходов¹¹⁶. Следует согласиться с Т. В. Черниговской, что такой «холистический» взгляд на мир потребовал бы необычной для современного научного мира толерантности к альтернативным научным решениям. Другим важным ингредиентом такого подхода могла бы стать гносеологическая скромность, признание того, что мы не можем знать много о языке, и особенно в вопросах истории языка. Ю. В. Откупщиков любил приводить в качестве девиза следующую фразу Квинтилиана: «*Inter virtutes grammatici mihi habebitur aliqua nescire*»¹¹⁷. Другим любимым выражением Ю. В. Откупщикова были слова Маркса из шуточной анкеты, которую он заполнял по просьбе своих дочерей. На их вопрос, что он больше всего ценит в мужчине, Маркс выбрал такое качество, как сила, на вопрос, что он больше всего ценит в женщине, Маркс выбрал такое качество, как слабость, а на вопрос, каков его любимый лозунг, Маркс ответил: «Все подвергать сомнению». Откупщиков и Шмолстиг выразили свою полную солидарность с выбранным Марксом лозунгом, однако оба не преминули отметить, что философ почему-то забыл применить данный лозунг к собственной теории.

Ученые склонны идентифицировать свою личность со своими взглядами, а свои взгляды помещать в рамки одного из доминирующих направлений в современной лингвистике. Между тем на опасность такой самоидентификации указывал Шухардт, который сам предпочитал не принадлежать никакому научному движению¹¹⁸. Он писал: «Часто мы недоумеваем, в какую группу следует записать того или иного ученого; некоторые вообще желают оставаться вне всяких групп. Свою работу против младограмматиков (1884) я посвятил своему другу, “младограмматику” Густаву Мейеру, только потому, что хотел побудить его к открытому изложению своего символа веры; однако я не имел в этом успеха. Не так давно романист Э. Гамильшег открыто признал себя позитивистом, хотя Лерх и объявляет его приверженцем идеализма... Если мы зададим себе вопрос, какова же, наконец, та общеобязательная основа, на которой мы должны возводить свои построения, то принуждены будем ответить: таковой не существует; всюду и везде, добравшись до глубины, мы натываемся на догмы. Поэтому тот, кто не боится

¹¹⁶ Суть такого целостного видения объекта (своего рода инсайта) хорошо видна в известном высказывании: *Everything you add to the truth, subtracts from the truth.*

¹¹⁷ «Среди достоинств грамматика я бы назвал такое свойство, как кое-что не знать».

¹¹⁸ О потенциальной опасности идентификации себя с большой группой людей пишет, например, Кришнамурти: «*The power to oppress is evil, and every group that is large and well organized becomes a potential source of evil.* (Krishnamurti J. *On Conflict*. San Francisco, 1994. P. 1.)» («Сила подавлять – это зло, и любая большая и хорошо организованная группа людей становится потенциальным источником зла»).

самостоятельно мыслить и хочет этого, идет другим путем; он начинает с того, что измеряет себя по прочим и прочему или, наоборот, прочим и прочее по себе. Также и я; я останавливаюсь на оживленном перекрестке, не примыкая ни к идеализму, ни к позитивизму. Я не говорю: «или - или»», но «как - так»; в наших трудах слово «лишь» вообще встречается слишком часто, тогда как «а также» – очень редко... Здесь перед нами нет неизбежной альтернативы, требуется только взаимовосполнение; низменное и неподвижное находит свое продолжение в высоком и подвижном. Одно без другого ничто»¹¹⁹.

В своей книге «Структура научных революций»¹²⁰ философ науки Т. Кун показал, что прогресс в науке носит относительный характер. В частности, новые теории побеждают вовсе не потому, что все ученые данной области науки признали их превосходство над старыми теориями, а потому, что спор естественно прекращается, так как ученые более взрослого поколения, защищающие старые теории, просто уходят из жизни раньше.

Опасным явлением является институционализация доминирующей теории, превращение ее в догму. Например, ларингальная теория первоначально считалась фантазией одиночек, но со временем она заняла доминирующее положение в исторической лингвистике, и сегодня практически невозможно заниматься индоевропейскими реконструкциями, не придерживаясь того или иного его варианта. Шмолстиг (в письме автору) в шутку писал, что невозможно быть допущенным в церковь под названием индоевропейская лингвистика, если не верить в три ларингала: «...три ларингала – ‘Святые Духи’. Они святые в том смысле, что, если вы в них не верите, вас отлучат от индоевропейской церкви, и духи в том смысле, что никто никогда не слышал ни одного индоевропейского ларингала, в отличие от /d/ из *dek'm ‘десять’ в каком-нибудь из индоевропейских языков». Шмолстиг в письме к автору также писал следующее: «На мой взгляд, научная теория это социальное движение наподобие религиозного или политического движения. Одно из больших преимуществ науки, в отличие от религиозного и политического движений, состоит в том, что едва ли вы будете убиты теми, кто не разделяет ваших научных взглядов, но вполне можете быть убиты теми, кто не разделяет ваших религиозных или политических взглядов».

Ю. В. Откупщиков изъясил из своей монографии «Из индоевропейского словообразования» главу с критикой ларингальной теории, поскольку А. В. Десницкая

¹¹⁹ Шухардт Г. Личность автора в лингвистическом исследовании // Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. М., 2003. С. 261–262.

¹²⁰ Кун Т. Структура научных революций М., 2009.

посоветовала ему не выступать против популярной теории на защите докторской диссертации. Неужели это наилучший способ общения ученых друг с другом, помогающий им в совместном поиске научной истины? Очевидно, так не должно было быть в прошлом в отношении ученых, придерживавшихся ларингальной теории, когда последняя совершенно не принималась всерьез официальной исторической лингвистикой, и так не должно быть сейчас, когда не принимаются всерьез любые альтернативные ей объяснения.

Как бы ни была красива и убедительна та или иная теория, в случае ее абсолютизации трудно ожидать, что она даст истинные ответы на сложные вопросы. Как писал Г. Шухардт, «системы в науке – это гнезда, но они утрачивают всякое значение, как только истины, в них обитающие, оперяются и улетают»¹²¹.

11. Чего не может сравнительно-исторический метод?

После описания некоторых сложностей, с которыми сталкивается в своей работе историк языка, теперь для подведения итогов можно вернуться к теме первой главы – как лингвисты пользуются сравнительно-историческим методом. В его основе лежат два очень важных допущения, без которых сама процедура его использования теряет всякий смысл¹²². Первое допущение состоит в том, что язык очень условен в том смысле, что не существует никакой внутренне обусловленной связи между языковым знаком и тем, что этот знак обозначает. Те немногочисленные элементы в языке, которые хоть в какой-то степени обнаруживают подобную связь, уже оказываются за пределами возможностей этого метода. К таким относятся прежде всего заучоподражательные слова, слова детской речи, разного рода звуковой символизм (см. подробнее раздел 1.1, с. 7.). Однако в целом, это допущение действует для большинства слов в языке, в том числе для той группы слов, которая особенно важна при определении языкового родства (см. подробнее раздел 1.1., с. 6.). Так, например, при сравнении лат. *sedēre*, др.-греч. ἕζομαι, др.-инд. *sīdati*, ст.-слав. **сѣдѣти**, гот. *sitan* можно объяснить общность в звучании этих слов, но при этом трудно объяснить, почему именно ряд звуков *sed* оказался представителем значения ‘сидеть’. Поэтому лингвисты исходят из допущения об отсутствии внутренней органической связи между звучанием и значением. Речь идет скорее о происхождении слов, а не о том, как слова функционируют в языке. Разумеется, применительно к тому, как слова хранятся в памяти носителей языка и как они используются ими в тексте, данный принцип не работает. Слово «работает» в языке таким образом, что разделить его целостность на план формы и план

¹²¹ Цит. по: Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. С. 21.

¹²² Aitchison J. Op. cit. P. 24–25.

содержания затруднительно, оно предстает в сознании говорящего в виде целостного знака, входящего в многочисленные и сложно выстроенные ряды ассоциаций. Благодаря этому и становится возможным феномен молитвы, когда слова, без сомнения, могут иметь целебный эффект¹²³. В этом свойстве слов выступать целостным ассоциативным знаком коренится волшебное действие мантр, а также присущее многим религиям стремление отождествлять «священные имена Бога» с самим божеством. Несмотря на этот феномен, тем не менее, следует признать, что слова сами по себе не являются сущностями священной или божественной природы, что они имеют материальную природу, возникают в определенную эпоху в процессе человеческого общения, могут сильно меняться и со временем исчезать из языка.

Вторым допущением сравнительно-исторического метода является уже анализированный выше постулат, что звуковые изменения в основной своей части скорее последовательны и регулярны, нежели случайны и бессистемны. К сожалению, из этого правила существуют исключения, однако практика сравнительно-исторического анализа на материале разных языковых семей показала, что этот принцип вполне операционален, т. е. с ним можно работать. Эчисон так иллюстрирует действие этого принципа: «Так же, как тюльпаны, посаженные в одну и ту же землю и подверженные одним и тем же погодным условиям, обычно расцветают и вянут примерно в одно и то же время, так и звуковое изменение, вероятнее всего, поразит все примеры одного и того же звука в рамках одного диалекта»¹²⁴. Снабдив данное положение оговорками «обычно», «примерно» и «вероятнее всего», историкам языка ничего не остается делать, как принять его.

Сравнительно-исторический метод, как и любой другой, имеет свои ограничения в использовании¹²⁵. Данный метод имеет: 1) временные ограничения. Он приложим к временной глубине примерно 5000-6000 лет, что предположительно и является возрастом праиндоевропейского языка; 2) социо-исторические ограничения. Лучше всего приложим к языкам, в которых языковое изменение осуществляется главным образом в области фонологии. Кроме того, применим лишь к языкам с письменной традицией; 3) далеко не всегда способен распознать ранние заимствования; 4) предлагает идеализированные решения, не учитывающие вариативность на праязыковом уровне; 5) не способен отличить

¹²³ Терапевтический эффект слов хорошо описан в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Молитва».

¹²⁴ Aitchison J. *Language Op. cit.* P. 25.

¹²⁵ Данный список ограничений основан главным образом на работе S. P. Harrison. *On the Limits of the Comparative Method / The Handbook of Historical Linguistics / Eds. B. Joseph, R. Janda. Malden, 2003.*

инновации от архаизмов и вследствие этого может приводить к неверным результатам; 6) способен производить достаточно точные фонетические реконструкции лишь на небольшую временную глубину (ср., например, все уменьшающуюся точность результатов в случаях реконструкции соответственно протороманского, классического праиндоевропейского и ностратического праязыков); 7) неспособен отличить изменения в праязыке от общих инноваций в разошедшихся родственных языках; 8) эффективность метода проявляется главным образом в области фонологии, где принцип регулярности помогает оценить любую реконструкцию и любую этимологию. Гораздо меньшей его действенность оказывается в приложении к морфологии, синтаксису и семантике.

Несмотря на детальную разработанность сравнительно-исторического метода, качество его применения в значительной мере зависит от плохо эксплицируемого таланта и опытности ученого. Таким образом, даже самая современная компьютерная программа не смогла бы осуществлять праязыковые реконструкции. Очень многие операции зависят от опыта и интуиции ученого и не могут быть сведены к простой последовательности алгоритмических действий. Про Эдисона рассказывают, что однажды он завел заглохший мотор машины одним ударом молотка по капоту. Водитель автомобиля спросив, сколько он ему должен заплатить, услышал в ответ сумму «50 долларов», и удивился: неужели один удар молотком стоит 50 долларов? Эдисон объяснил: удар молотом стоит 1 доллар, а остальные 49 долларов стоит знание, как и куда ударить этим молотком. Подобным образом, качественное применение сравнительно-исторического метода требует с трудом и медленно приобретаемого навыка, однако, к сожалению, в отличие от Эдисона, лингвисты в абсолютном большинстве случаев никогда не смогут проверить, имеют ли их реконструкции хоть какое-либо отношение к языковой реальности, которую они с таким трудом реконструируют.

Таким образом, сравнительно-исторический метод является крайне несовершенным орудием, и, если вообще можно говорить о правдоподобии некоторых результатов, достигнутых с его использованием, то это в большей степени благодаря мастерству пользующихся им лингвистов, чем самому методу как таковому.

II. МОНОФТОНГИЗАЦИЯ В ИСТОРИИ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА

1. О рефлексах дифтонга *oi* в латинском языке.

Трудность при объяснении рефлексов дифтонга *oi* связана с удаленностью его элементов друг от друга и с устойчивостью его первого огубленного компонента. Сила огубленного тембра первого гласного сказывается в том, что вместо того чтобы

подчиниться ассимилирующему воздействию последующего *i* и стать гласным переднего ряда *e*, образовав новый дифтонг с более гармоничным (*e* и *i* ближе по артикуляции, чем *o* и *i*) сочетанием компонентов — дифтонг *ei*, лабиализованное *o* ассимилирует себе последующее *i* по признаку подъема, заставляя его перейти из верхнего подъема в средний (*oi* → *oe*). Равновесие между компонентами достигается за счет сближения артикуляции компонентов дифтонга по подъему, а не по ряду, как в дифтонге *eu* (**eu* → *ou* → \bar{o} закрытое → \bar{u}). Такой рефлекс, как *oe*, представляет собой компромисс между артикуляторными особенностями его компонентов, причем компромисс в пользу первого, а не второго компонента. Надо заметить, что рефлекс *oe* не является каким-то тупиковым или случайным. Это столь же распространенный рефлекс, что и \bar{u} . Мы находим *oe* даже в таком важном морфологическом показателе, как флексия им. п. мн. ч. существительных с основой на *-o*: *adelphoe* ‘братья’, *pilumnoe* ‘Пилумны’, *poploe* ‘народы’. Довольно много и других примеров, где данный рефлекс находим в корне: *Poenus* ‘пуниец’, *foedus* ‘договор’, *foetēre* ‘вонять’, *moenia* ‘стены’, *coerī* ‘начал’, и т. д.

Следует отдельно рассматривать эволюцию дифтонга *oi* в конечной и в неконечной позиции. Обычно в конечной позиции *oi* дает \bar{i} , как и в славянских языках: лат. *lup-ī* = ст.-слав. **вльц-и**. То, что мы находим в конечной позиции рефлекс *oe*, лишний раз доказывает равноправный характер этого рефлекса по сравнению с другими. Правда, рефлекс *oe* не мог просуществовать долго: дифтонгическое единство такого рода, где компоненты расположены на одной высоте и различаются исключительно по ряду, не может дать устойчивого дифтонгического звучания. Поэтому спустя какое-то время этот компромисс между *o* и *e* был утрачен и завершился окончательной монофтонгизацией в \bar{e} .

В неконечной позиции возможны в равной мере два рефлекса: *oe*, \bar{u} . Рефлексы *oe* и \bar{u} , при всей их внешней непохожести, представляют собой всего лишь сходные варианты сближения артикуляции компонентов дифтонга *oi*¹²⁶. В обоих случаях происходит ассимиляция второго элемента первому, только в первом варианте *i* ассимилируется по подъему, опускаясь на один шаг в фонетическом треугольнике (*oi* → *oe*), а во втором — *i* ассимилируется по ряду, отскакивая в тот же ряд, где находится первый элемент дифтонга *o* (в задний ряд), но сохраняя при этом верхний подъем (*oi* → *oi*). Дальнейшая судьба рефлекса *oi* едина с судьбой исконного дифтонга *oi*, монофтонгизировавшегося в \bar{u} .

¹²⁶ Эволюция *oi* < \bar{u} не является только латинской чертой. В беотийском диалекте греческого языка встречается тот же рефлекс, но с иными промежуточными стадиями.

Любопытно, что иногда монофтонгизация может сопровождаться не сближением артикуляции компонентов дифтонга, а усилением контраста в их артикуляции. Например, хотя один из рассмотренных выше вариантов монофтонгизации дифтонга *oi* предполагает сближение артикуляции компонентов путем перехода *i* в *u* (*oi* > *ou*), мы имеем обратный пример: и.-е. **leudheros* (ср. греч. ἔλευθερός, ст.-слав. людик, нем. *Leute*, лит. *liáudis* ‘народ’) → лат. *līber*, где **leudheros* → **louberos* → (!)**loiberos*. Ср. арх. лат. *loebesum* = *līberum*¹²⁷.

Компоненты латинского дифтонга *oi* показывают все теоретически возможные варианты сближения их артикуляции. «Классическими», наиболее типичными путями монофтонгизации и, соответственно, рефлексами, являются следующие (1-3):

1. *oi* → *ou* → *ū* (**plois* (PLOIRUME ‘plurimi’) → *plous* → *plūs*): уподобление второго элемента первому по ряду.

2. *oi* → *oe* → *ē* (греч. ποινή ‘наказание’ → *roena* ‘наказание’): уподобление второго элемента первому по степени подъема.

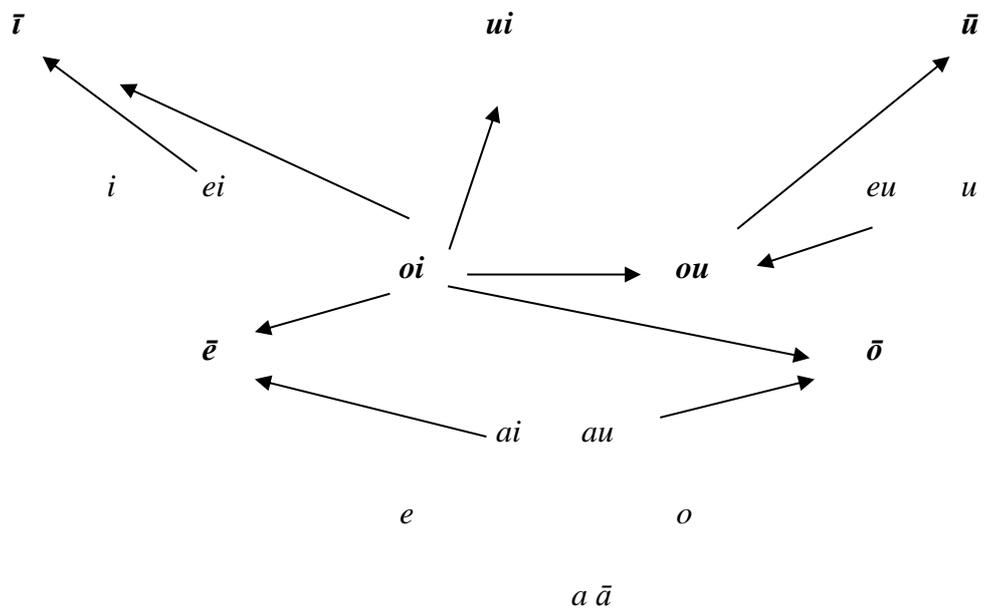
3. *oi* → **ei* (?) → *ī* (*lup-ī* ‘волки’): уподобление первого элемента второму по ряду. Но существуют и другие, менее регулярные способы сближения артикуляции *o* и *i* (4-5):

4. *oi* → *ui* (*huic* ← *hoice*): уподобление первого элемента второму по степени подъема;

5. *oi* → *ō* (*lagōna* = *lagoena* ‘узкогорлая пузатая бутылка с ручками’): заместительное удлинение первого элемента *o* в результате отпадения второго элемента *i*.

Ниже представлена схема (локализация дифтонгов в фонетическом треугольнике условна), изображающая основные пути процесса монофтонгизации латинских дифтонгов в историческую эпоху (дифтонг *oi* и его рефлексы даны полужирным шрифтом), начиная с первых следов процесса в архаической латыни III в. до н. э. до послеклассической эпохи утраты дифтонгов *ai* и *au*:

¹²⁷ И.М. Тронский объясняет переход **loub-* → **loib-* положением дифтонга между *l* и губным, не приводя других примеров подобного изменения и не останавливаясь на причинах такой эволюции. См.: Тронский И.М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). 2-е доп. изд. М., 2001. С. 84. Возможно, здесь имел место диссимилятивный процесс, вызвавший изменение губного гласного *-u-* перед губным согласным *-b-* и оказавшийся более сильным, чем тенденция элементов дифтонга *-oi-* к сближению.

2. Гипотеза В. Р. Шмолстига о праиндоевропейской монофтонгизации и ее следы в латинском языке.

В 1973 г. американский лингвист Шмолстиг опубликовал большую статью под названием «Новые мысли об индоевропейской фонологии»¹²⁸. В статье содержится целый ряд оригинальных идей, альтернативных по отношению к взглядам традиционной сравнительно-исторической лингвистики. Одной из них является гипотеза о монофтонгизации, имевшей место еще в период индоевропейского праязыка. Шмолстиг отмечает, что процессы монофтонгизации столь широко распространены в языках мира, засвидетельствованы практически в истории каждого языка с достаточно длительной письменной традицией, что было бы странно, если индоевропейский язык остался бы в своей истории обойденным этой фонетической универсалией. Механизм и условия индоевропейской монофтонгизации, как считает Шмолстиг, были во многом похожи на механизм и условия поздней монофтонгизации в истории славянских языков, и даже можно говорить о «законе открытых слогов» для определенного периода в истории праиндоевропейского.

В. Шмолстиг обосновывает свою гипотезу не только с чисто фонетической, но и с морфологической точки зрения. Причем его подход к индоевропейской морфологии несколько отличается от традиционного. Он пишет: «Как я понимаю традиционный подход, там ученые совершают операции с морфо–фонемными монстрами, чтобы породить формы поверхностной структуры. Таким образом, например, реконструируемые у Хирта основы можно сравнить с трехголовыми или пятилапыми телятами, которые возводятся к их первоначальному виду посредством совершения определенных необходимых операций. Вместо громоздких форм с дроблениями я предполагаю этимологические миниморфемы с наращениями. Эти крошечные морфемы находятся в резком контрасте с морфемами–монстрами традиционной сравнительной грамматики. Индоевропейский язык не был языком со сложной морфологией, но, скорее, языком с относительно простой морфологией, может быть односложной, с многочисленными наречиями, которые постепенно приобрели функцию падежных окончаний. Поэтому попытки породить поверхностные структуры из морфологических монстров обречены на неудачу. Следовало бы скорее начать с наименьших элементов и посмотреть, как они, складываясь, формируют морфологию»¹²⁹.

¹²⁸ Schmalstieg W.R. New Thoughts on Indo-European Phonology // *Zeitschr. für vergleichende Sprachforschung*. 1973. Bd. 87. S. 99–157.

¹²⁹ Schmalstieg W. R. New Thoughts on Indo-European Phonology... S. 105.

Особый взгляд В. Шмолстига на строение праиндоевропейской морфемы делает его собственно фонологическую гипотезу насквозь морфологичной: на той же странице он пишет: «По моему мнению, наименьшая реконструируемая морфема из раннего периода индоевропейского языка – это простой согласный с предшествующим или последующим аблаутирующим гласным (либо с гласным *a)... К миниморфемам, состоящим из согласного и последующего гласного, могли добавляться другие элементы, например, *-n, *-y, *-w»¹³⁰. Идея В. Шмолстига может показаться слишком абстрактной и даже дерзкой, особенно если учесть простоту и ненавязчивость ее формулировки. Однако благодаря ей многие факты получают свое объяснение, что видно из следующих примеров: например, Шмолстиг пишет: «простейшая форма *bhe- ‘быть, становиться’ использовала суффикс -y, чтобы создать морфему *bhe-y > *bhī- (в преконсонантной позиции). Форма *bhī- отражена в лат. *fīs, fit* ‘становится, делается’, греч. φῖτυ ‘росток, побег’, ст.-сл. **бимь** ‘я был бы’... Корень *bhe- при помощи суффикса -w дал *bhe-w (преконсонантный вариант *bhū-). Ср., например, лит. *būti*, слав. **быти**, скр. *bhūs* ‘земля’ имеет тот же вокализм корня»¹³¹.

Из приведенного примера видно, что монофтонгизация имела место только в закрытых слогах, т. е. в том случае, если после дифтонга шел согласный звук (в преконсонантной позиции):

Первоначальная форма Превокалическая форма Преконсонантная форма

*-ow	*-ow	*-ō
*-oy	*-oy	*-ē
*-ew	*-ew	*-ū
*-ey	*-ey	*-ī
*-ay	*-ay	*-ā

¹³⁰ Шмолстиг не выступает открыто против теории Бенвениста об односложности и «трехбуквенности» индоевропейского корня (*Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование*. М., 1955. 181–201), однако логика его рассуждений базируется на структуре корня, состоящего, в основном, из последовательности «C+V (V+C)». Вероятно, реконструкция Шмолстига относится к более ранней ступени праязыка, чем теория Бенвениста. Так, Шмолстиг прямо пишет: «Я хотел бы предположить, что бифонемные морфемы отражают самые ранние доступные реконструкции этапы языка» (*Schmalstieg W.R. Op. cit. S. 105.*)

¹³¹ *Schmalstieg W.R. Op. cit. S. 107–108.*

*-aw

*-aw

*-ō

Кроме того, по мысли В. Шмолстига, в аналогичной позиции (т. е. перед согласным) происходит похожий на монофтонгизацию процесс возникновения долгих монофтонгов из сочетаний пяти кратких гласных (*a e o i u*) с носовыми и плавными в результате исчезновения последних:

Первоначальная форма Превокалическая форма Преконсонантная форма

*-ir

*-ir

*-ī

*-in

*-in

*-ī

*-er

*-er

*-ē

и т. д.

В. Шмолстиг достаточно осторожен в формулировке своей гипотезы и считает, что результаты этой монофтонгизации были затемнены позднейшими морфологическими изменениями, сделавшими их почти нереконструируемыми¹³². По его мнению, ряд исключений можно объяснить с помощью теории лексической диффузии, позднейших аналогических процессов, а также синкопы безударного гласного в положении после сонантов, приведшей к возникновению новых закрытых слогов с исходом на сонант. Тем не менее, он приводит различные примеры, «которые могут быть интерпретированы как доказательство этой монофтонгизации»¹³³.

Приведем лишь несколько примеров, которые можно интерпретировать как доказательство древней (индоевропейской) монофтонгизации на том основании, что в формах одного и того же корня одни языки (например, латинский) показывают дифтонг, в то время как другие языки показывают долгий гласный, согласно гипотезе Шмолстига, появившийся в результате монофтонгизации дифтонга или дифтонгического сочетания гласного с плавным в преконсонантной позиции¹³⁴.

Корень **pei-*, (**poi-*) – **pī-* ‘пить, питье, еда, жирный’: лит. *pienas* ‘молоко’, др.-инд. *páyah* ‘сок, вода, молоко’, *páyatē* ‘набухает, изобилует’, др.-прусс. *poieiti* ‘пейте’, ст.-слав.

¹³² «I am convinced that such a monophthongization did take place, but that the results of this monophthongization have been so obscured by later morphological developments as to make it almost unrecoverable»: Schmalstieg W. R. Op. cit. S. 101.

¹³³ «I hope, however, to point out various phenomena which could be interpreted as evidence of this monophthongization, although I will be unable to solve many problems remaining with this assumption»: Schmalstieg W. R. Op. cit. S. 101.

¹³⁴ Анализ большего количества примеров и дополнительную аргументацию в поддержку гипотезы Шмолстига см. в работе: Филимонов Е.Г. Праиндоевропейская монофтонгизация и ее следы в латинском языке: Дис. канд. филол. наук. С. Петерб. гос. ун-т. СПб., 2006.

пони, др.-греч. ποί(φ)α ‘трава, луг’ – лит. *pūti*, лат. *optus* ‘жирный’, др.-инд. *pīti-* ‘питье, глоток’, *pīvará* ‘набухающая, жирная’, *pāti* ‘пьет’ (< **pēti* < **poiti*), др.-греч. πῖθι ‘пей’. Трудности, с которыми сталкивается гипотеза Шмолстига, заключаются главным образом в том, что во многих случаях как дифтонг, так и долгий гласный, встречаются в преконсонантной позиции, т. е., фонетический контекст, в котором происходила данная монофтонгизация, не всегда соблюдается. В приведенном примере данный фонетический контекст (дифтонг перед гласным, монофтонг перед согласным) соблюден только в примерах из древнеиндийского языка.

Другие примеры: **soi-* – **sē-* ‘сеять’: гот. *saian* ‘сеять’ – лат. *sēmen* ‘семя’, ст.-сл. **сѣмѣ**, лит. *sėti* ‘сеять’, *sēmens* ‘льняное семя’; **woi-* – гот. *wē-* ‘дуть’: *waian* ‘дуть’ – др.-инд. *vātaḥ* ‘ветер’, лит. *vėtra* ‘буря, ураган’, лат. *vēntus* ‘ветер’, ст.-слав. **вѣтръ**; **rois* – **rēs* ‘владение, вещь’: др.-инд. *rayiḥ* ‘владение, богатство’ – др.-инд. *rās* ‘владение, богатство’, лат. *rēs* ‘вещь’. Шмолстиг полагает, что в данном случае мы имеем два параллельных образования от одного корня: основа на согласный -y (в реконструкции Шмолстига **roy-s* после монофтонгизации **oy* > *ē* дает др.-инд. *rās*, лат. *rēs*) и основа на -i: (**roy-i-s* > др.-инд. *rayiḥ*). Предполагаемая монофтонгизация позволяет логично вывести всю парадигму данного древнеиндийского слова из индоевропейского состояния. Так, Шмолстиг приводит три парадигмы – первую (1), отражающую индоевропейское состояние до монофтонгизации:

(1)

	Sg.	Pl.
Nom.	* <i>roy-í-s</i>	* <i>roy-y-es</i>
Acc.	* <i>roy-í-m</i>	* <i>roy-y-ns</i>
Instr.	* <i>roy-y-é</i>	* <i>roy-i-bh-</i>
Dat.	* <i>roy-y-o/ei</i>	* <i>roy-i-bh-</i>
Gen./Abl.	* <i>roy-y-o/es</i>	* <i>roy-y-o/ōm</i>
Loc.	* <i>roy-y-i</i>	* <i>roy-i-s(i/u)</i>

Вторую парадигму (2), отражающую индоевропейское состояние после индоевропейской монофтонгизации:

(2)

	Sg.	Pl.
Nom.	*roy-í-s	*rḗ-y-es
Acc.	*roy-í-m	*rḗ-y-ns ¹³⁵
Instr.	*rḗ-y-é	*roy-i-bh-
Dat.	*rḗ-y-é/ói	*roy-í-bh-
Gen./Abl.	*rḗ-y-é/ós	*roy-y-ó/óm
Loc.	*rḗ-y-í	(*roy-í-s[i/u])

Третью парадигму (3), отражающую древнеиндийское состояние после перехода и.-е. *o > др.-инд. a, а также и.-е. *ē > др.-инд. ā:

(3)

	Sg.	Pl.
Nom.	ray-í-ḥ	rā́-y-aḥ
Acc.	ray-í-m	rā́-y-áḥ
Instr.	rā́-y-ā	ray-í-bhiḥ
Dat.	rā́-y-é ¹³⁶	
Abl.	rā́-y-áḥ	
Gen.	rā́-y-áḥ	rā́-y-ām
Loc.	rā́-y-í	(? засвидетельствовано rāsu < *rēsu < *roysu)

Таким образом, гипотеза Шмолстига помогает не только объяснить чередования долгого гласного и дифтонга в засвидетельствованных индоевропейских языках, но и

¹³⁵ Символ *ŋ* обозначает здесь слоговой носовой сонант под ударением. В парадигме (2) монофтонгизировавшийся перед согласным -y- долгий гласный *ḗ* (< *ou перед -y-) выделен полужирным шрифтом.

¹³⁶ И.-е. *ei, *oi, *ai > др.-инд. ḗ.

проследить эволюцию морфологических парадигм в истории отдельных языков, начиная с индоевропейской эпохи.

Находят свое объяснение при помощи гипотезы Шмолстига также греческие и латинские формы индоевропейского названия коровы. В преконсонантной позиции $*g^w ow > *g^w \bar{o}$ -. Таким образом в им. п. ед. ч. $*g^w ows > *g^w \bar{o}s$, откуда греч. дор. βῶς ‘корова’ и лат. *bōs* ‘корова’. Аналогичным образом в вин. п. ед. ч. $*g^w owt > *g^w \bar{o}t$ (дор. βῶν = скр. *gām* = умбр. *būm*). Превокалическая форма корня $*g^w ow$ - сохраняется в др.-греч. род. п. ед. ч. βο(φ)-ός, лат. *bov-is*, скр. твор. п. ед. ч. *gavā*. Др.-инд. им. п. ед. ч. *gāuḥ* представляет собой контаминацию преконсонантного варианта $*g^w \bar{o}$ - и превокального $*g^w ow$ -, давших форму $*g^w \bar{o}w$ -, к которой было добавлено окончание им. п. ед. ч. -s.

Другие примеры: $*pleu$ -, $*plou$ - – $*plū$ -, $*plō$ -: др.-греч. πλέ(φ)ω ‘плыву’, πλό(φ)ος ‘плавание’, др.-инд. *plavatē* ‘плывет’, тох. Б *plewe* ‘корабль’ (> $*plowos$), ст.-слав. **пловж** ‘плыву’, лит. *plauti* ‘мыть’, др.-в.-нем. *flowen* ‘мыть, полоскать’ – др.-греч. πλωτός ‘плывущий, плавательный’, гот. *flodus* ‘течение, поток’ и лат. *plō-rare* ‘плакать’, лит. *plūtis* ‘открытое место, полынья’, рус. *плыть*, лат. арх. перф. *plūvī* ‘идти (о дожде)’.

$*seu$ -, $*sow$ - ($*sau$ -) – $*sū$ - ‘солнце’: гот. *sauil* ‘солнце’, лит. *saulė* ‘солнце’, др.-греч. дор. ὀέλιος (< $*\acute{\alpha}(f)\acute{\epsilon}λιος$ < и.-е. $*sāwel$ -) ‘солнце’ – др.-инд. *sūras* ‘солнце’, алб. *hyll* ‘звезда’ ($*sūl$ -), англосакс. *sūðerra* ‘юг’, лат. *sōl* ‘солнце’.

Иногда латинский язык сохраняет обе формы — и дифтонг, и долгий гласный. Например, $*reu$ -, $*rau$ - – $*rū$ - ‘реветь, мычать, рычать’: лит. *raudà* ‘плач’, др.-инд. *ravati* ‘ревет’, др.-инд. *rōditi* ‘плачет’, лат. *ravus*, *raucus* ‘хриплый’, ст.-слав. **ревж** – лат. *rūdō* ‘реветь (об осле, льве)’ (-ū- у Персия), *rūgiō* ‘реветь’, ст.-слав. **рыдати, рыкати**.

$*neu$ - – $*nū$ - ‘новый, нынче’: лат. *novus*, лит. *naũjas* ‘новый’, ст.-слав. **новъ**, др.-греч. νέ(φ)ος – лат. *nūper* ‘недавно’, лит. *nūnai* ‘теперь’, др.-инд. *nūtana*- ‘нынешний’, ст.-слав. **нынче**, др.-греч. νῦν ‘теперь’, хетт. *nu-u-wa* ‘еще’.

$*teu$ - – $*tū$ - ‘ты, твой’: авест. *tava*- ‘твой’, др.-греч. лесб. τεός (< $*tefós$) ‘твой’, лат. *tuus* (< $*towos$) ‘твой’, умбр. *tover* ‘tui’, лит. *tāvas* ‘твой’ – лат. *tū*, др.-греч. гом. τύνη (-ύ- является долгой), алб. *tí* (< $*tū$), авест. энкл. *tū* ‘ты’.

$*gleu$ -, $*glou$ - – $*glū$ - ‘сжимать в ком, клей, гладкий’: др.-инд. *glāuḥ* ‘сжатая в ком масса’, лит. *glaudūs* ‘плотно прилегающий’, рус. *глюда* ‘глыба, ком’, рус. диал. *глюдкий* ‘гладкий’, *глюдка* ‘комочек земли’ – лат. *glūs*, *glūtis* ‘клей’, рус. *глыба*, рус. диал. *глыдко* ‘гладко’, *глыдка* ‘комочек земли’.

*roud- – *rūd- ‘красный, буланый’: укр. *руда* ‘руда, кровь’, лит. *raūdas* ‘буланый’, др.-греч. ἔρεῦθος ‘краснею’, др.-инд. *rōhitas* ‘красный’, лат. *raudus* ‘медяк’ – лит. *rūdà* ‘руда’, рус. *рыжеть*, лат. *rūfus* (с итальянским *f* < *dh), *rūdera* ‘медяки’. В латинском мы имеем варианты (может быть, диалектные) *rūdus* и *raudus* ‘медяк’. Архаичность словообразовательного типа на -es-/ -os- (*rūdus*, *rūderis*) делает маловероятным предположение о заимствовании обеих либо одной из этих форм из какого-либо другого языка.

Следует сказать, что гипотеза Шмолстига предлагает альтернативное объяснение возникновению долгих гласных в индоевропейском языке по сравнению с общепризнанной в современной индоевропеистике ларингальной теорией. Большинство современных индоевропеистов (известными мне исключениями являются Шмолстиг и Маньчак) разделяют точку зрения, что за реконструируемыми ларингалами стоят либо реально произносимые в праиндоевропейском языке звуки, либо языковые явления иного, нефонемного уровня. О ларингальной теории можно найти подробный раздел почти в любом из многочисленных руководств по сравнительно-историческому языкознанию¹³⁷.

Шмолстиг выражает свое отношение к ларингальной теории следующим образом: «Мне хорошо известно, что сегодня популярна реконструкция этого слова (см. прим. 138) с несколькими ларингалами. Так, например, Бекес (см. прим. 139) реконструирует праформу **h₁e'gHom*. На самом деле, в молодости я сам был большим приверженцем ларингальной теории, опубликовав о ней несколько статей. Теперь же я в целом скорее придерживаюсь принципа ‘бритвы Оккама’ *entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem* ‘не следует плодить сущности без необходимости’, также известного как *lex parsimoniae* ‘закон бережливости’, и не вижу необходимости создания большего количества гипотетических сущностей (*dei ex machinis*)» («I am well aware that today it is popular to reconstruct this word¹³⁸ with several laryngeals. Thus, for example, Beekes¹³⁹ reconstructs **h₁e'gHom* and in fact in my youth I was a strong adherent of the ‘laryngeal theory’ myself, having published several articles about it. In general, now I would rather stick to Occam's razor *entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem* ‘entities must not be multiplied beyond necessity’ also

¹³⁷ Из переведенных на русский язык и хорошо доступных популярных введений в индоевропеистику, дающих очерк (правда, на сегодня уже несколько устаревший) ларингальной теории, можно назвать работу Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980. С. 138–146.

¹³⁸ Речь идет о др.-греч. ἔρυ, см. об этом подробнее ниже.

¹³⁹ Beekes R. S. P. *Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction*. Amsterdam; Philadelphia, 1995. P. 207.

known as the *lex parsimoniae* 'law of parsimony', and I see no necessity of creating more hypothetical entities (*dei ex machinis*)»¹⁴⁰.)

В методологическом отношении ученые-ларингалисты, как и генеративисты, в целом, ближе к «ученым-птицам», для которых бóльшее значение имеет возможность рассматривать языковые факты в рамках научной парадигмы (с высоты абстрактной теории), создаваемой на базе более или менее абстрактных правил и допущений¹⁴¹, в то время как ученые, не принимающие ларингальные реконструкции (тяготеющие к типу «ученые-лягушки»), скорее испытывают чувство дискомфорта при необходимости описывать часто сильно отличающиеся друг от друга факты (разглядываемые ими под микроскопом) в прокрустовом ложе теории, выстроенной на основе дедуктивно заданных принципов. Разумеется, четкой границы между «птицами» и «лягушками» не существует, в реальности приходится иметь дело с большой серой зоной переходных случаев. Но тенденция такова, что если ларингалист-птица реконструирует десять ларингалов, то ларингалист-лягушка реконструирует только два либо вообще предпочтет говорить о ларингале как о просодическом признаке. Данную классификацию ученых по когнитивным стилям стоит воспринимать не более как метафору. Навряд ли было бы стоящим времени делом пытаться классифицировать ученых, скажем, по четырехзначной матрице типа «птица», «лягушка», «еж», «лиса» и выделять «летающих ежей», склонных к абстрактным построениям и унифицированным объяснениям, либо «рыжехвостых лягушек», изобретающих особое правило для каждого языкового факта. Несмотря на то что Хомский явно тяготел бы к первой категории, а Шухардт ко второй, сомнительно, чтобы подобная классификация оказалась удачной. Проблема не в классификации, а в понимании того, что какое бы исследовательское «тельце» ни досталось ученому, присущий каждому стилю подход определит интерпретацию языкового материала, а любая интерпретация заведомо является искажением истины. Едва ли поможет попытка искусственно вывести универсальную породу ученого-монстра, наделенного одновременно иглами, крыльями, пушистым хвостом и выпученными глазами либо способного «перерождаться» из одного тела в другое в процессе исследования. Единственным разумным выходом было бы просто

¹⁴⁰ Schmalstieg W. R. Some comments on the nominative singular of Lithuanian *n* and *r* stem nouns / Статья скоро должна появиться в журнале *Baltų Filologija*.

¹⁴¹ Ср. следующее высказывание Дж.Ф.Бейлина: «...генеративная грамматика всегда признавала теоретические проблемы, связанные с существованием множества отдельных трансформаций и принимала во внимание критику тех, кто не видел в этой концепции достаточно ограничивающей силы» (Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. М., 2006. С. 17).

осознать, что ни один из стилей, ни их комбинация не дадут истинного видения фактов. В этом случае уже само осознание ограниченности наших возможностей стало бы большим шагом вперед к «реальному» видению языковых фактов такими как они есть.

III. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФОРМЫ NOM. SING. ЛАТИНСКИХ ОСНОВ НА -R И -N.

3.1. **Традиционная реконструкция.** Относительно основ III склонения на *-r* И.М. Тронский пишет: «Основы на *-r*: *pater, māter, auctor, pār*. Характерная для им. п. ед. ч. м. и ж. р. основ на *-r* удлинённая ступень элемента, предшествующего окончанию, сохранилась в латинском языке вплоть до времен Плавта, по крайней мере в именах родства и в суффиксе *-tōr*; например, в слове *patēr: Meus fuīt patēr Antimachus, ego vocōr Lycōnidēs* (Aul. 779, трохеический септенар); другие примеры: *uxōr* (Merc. 800), *sorōr* (Poen. 364), *auctōr* (Pseud. 231) и т. д. Впоследствии *-ō-* сократилось перед *-r* в неодносложных словах, согласно § 190. В существительных на *-ōr* долгота *ō* распространилась на все склонение: им. п. *auctōr – auctōris*, в то время как в греческом языке сохранилось древнее чередование *δῶτωρ, δῶτορος*. С сокращением *-ōr* в им. п. в склонении слов на *-ōr* вновь возникло чередование *auctōr – auctōris*, но уже отличное от древнего»¹⁴². Удлинённую ступень гласного перед конечным согласным основы на *-n* предполагает И. М. Тронский также и для основ на носовой согласный. Он пишет: «Основы на *-n*. Нулевое окончание с удлинённой ступенью элемента, предшествующего окончанию. 1) *-ō < *ōn* с исчезновением сонанта (§ 354): *homō, regiō, magnitūdō*. Чередование им. п. на *-ō* и род. п. на *-īnis* сохранилось в словах *homō* (и в сложном с ним *nēmō*), *cardō, margō, ōrdō, turbō, virgō* и в суффиксальных именах на *-dō, -gō: cupīdō, altitūdō, vorāgō*; в прочих именах м. р. на *-ō* и в суффиксальных на *-iō* долгота распространилась на все склонение: *latrō, род. п. latrōnis; nātīō, род. п. nātīōnis*; в архаической латыни встречаются *hemōnem* (P. F. 89.8), *homōnem* (Энний, Ann. 138). ...2) *-ē-n*, ср. греч. *ποτήν* : *liēn, rēn* (также *giēn*), *Aniēn* (дублет к *Aniō*), долгота гласного распространилась в этих словах на все склонение: род. п. *liēnis, rēnis*»¹⁴³.

Данные других индоевропейских языков вроде бы говорят в пользу реконструкции для им. п. ед. ч. основ на *-r* и *-n* формы с долгим гласным. Общепринятой является точка зрения, что такие греческие формы им. п. ед. ч., как *μήτηρ, θυγάτηρ, κύων, ἄρκων* показывают древнюю форму, а родственные этим греческим словам др.-инд. *mātā* ‘мать’, *duhitā* ‘дочь’, *śvā* ‘собака’, *āsmā* ‘камень’, а также лит. *mótė, duktė, šuo, akmuo* уже довольно

¹⁴² Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). 2-е доп. изд. М., 2001. С. 165–166.

¹⁴³ Тронский И. М. Указ. соч. С. 166.

рано (в протобалтийском и древнеиндийском) утратили второй элемент (сонант *r* и *n*) в составе долгих дифтонгов **ēr*, **-ōn*.

3.2. **Объяснение Шмолстига.** Шмолстиг предложил иное объяснение происхождения им. п. ед. ч. основ на *-r* и *-n*¹⁴⁴. Его предложение заключается в том, что в им. п. ед. ч. первоначально была представлена чистая основа с кратким гласным перед сонантом. Таким образом, по его мнению, древней индоевропейской формой было не **mātēr*, **k'uōn*, **akmōn*, а **māter*, **k'uon*, **akmon*. Шмолстиг полагает, что если и.-е. **māter* стояло перед словом, которое начиналось с согласного, дифтонг *er* монофтонгизировался и переходил в долгое *ē*. Таким образом в позиции перед согласным возникли такие сандхи-варианты, как **mātē*, **k'uō*, **akmō*, а в позиции перед гласным продолжали существовать первоначальные формы, равные чистой основе, т. е. краткий гласный + сонант. В дальнейшем, поскольку обе формы им. п. ед. ч. употреблялись примерно с одинаковой частотой, произошла их контаминация, и на месте двух вариантов **māter* (вариант перед гласным) и **mātē* (вариант перед согласным) возник комбинационный вариант, объединяющий фонетические признаки обеих форм – долготу *ē* и наличие сонанта *r*, т. е. форма **mātēr*. По мнению Шмолстига, эта контаминированная форма представлена в др.-греч. μήτηρ, а возникшая в результате монофтонгизации перед согласным следующего слова форма **mātē* представлена в лит. *mótė* и др.-инд. *mātā* 'мать'. Шмолстиг считает, что формы зват. п. κόν, ἄκμον, μήτηρ представляют наиболее древнюю форму им. п. ед. ч. этих слов. Таким образом, нет необходимости реконструировать в им. п. ед. ч. таких форм, как лат. *pater*, *māter*, *homō*, *liēn*, древнюю форму с долгим дифтонгом.

То, как могло возникнуть конечное *-ων*, Шмолстиг показывает на примере гомеровского *ἐγών*, формы, которая встречается в Илиаде и Одиссее только перед гласными. Он приводит многочисленные примеры, среди которых следующие: 1. τοιγὰρ ἐγὼν ἐρέω (II, I, 76); 2. καὶ γὰρ ἐγὼν Ἀχιλεὺς τε μαχεσάμεθ' εἵνεκα κούρης ἀντιβίους ἐπέεσσιν (II, I, 377); 3. ὃν δέ κ' ἐγὼν ἀπάνευθε μάχης ἐθέλοντα νοήσω μιμνάζειν παρὰ νηυσὶ κορωνίσιν, οὗ οἱ ἔπειτα ἄρκιον ἐσσεῖται φυγέειν κύνας ἢδ' οἰωνούς (II, II, 391). Шмолстиг пишет: «Засвидетельствованный фонологический процесс является, в сущности, таким же, какой я предлагаю и для им. п. ед. ч. *-ων*, а именно добавление *-v* к конечному *-ω*, которое, в свою очередь, происходит из **-oN* (ср., скр. *ahám* «я»). В случае др.-греч. *ἐγών*, тем не менее, все еще можно наблюдать первоначальное распределение конечного *-v*, т. е. в позиции перед

¹⁴⁴ Schmalstieg W. R. Some comments on the nominative singular... (статья скоро должна появиться в журнале *Baltų Filologija*).

словом, начинающимся с гласного. Я полагаю, что первоначальной формой было **éyðv*, обобщенное в позиции перед гласным в форме *éyóv*... Такое распределение /n/ vs. /ø/ также встречается в английском неопределенном артикле, а именно, *a book vs. an apple*. Ср. также различное произношение французского неопределенного артикля *un* в зависимости от того, является ли начальный звук следующего слова с гласного или с согласного».

3.3. Кто красивее – химера или просто коза? Закономерным будет вопрос: какая реконструкция правдоподобней, общепризнанная реконструкция или реконструкция, предложенная Шмолстигом? Традиционная реконструкция, предложенная еще младограмматиками, обладает определенными недостатками. Младограмматики, реконструируя праформы, обычно механически суммировали все, что они находили в родственных языках, и затем возводили это в праязык. В результате многие реконструированные ими праформы напоминают своей причудливостью и тяжеловесностью монстров. Ю. В. Откупщиков, характеризуя такую методологию, сказал однажды, что если бы младограмматики реконструировали предка птицы, льва и рыбы, они бы наделили такое «праживотное» крыльями, когтями и плавниками. Праформа **mātēr* не самая громоздкая реконструкция, осуществленная ими, но в методологическом отношении она также представляет собой проецирование в праязык признаков, наблюдаемых в дошедших языках (долгота гласного + сонант). Проблема заключается в том, что методологически относительно легко выводить существующие в живых языках формы из более «тяжеловесных» праязыковых форм. Более сложным оказывается проследить, как более простая форма праязыка усложнялась по мере своего развития.

В отличие от младограмматиков, В. Р. Шмолстиг пытается вести реконструкцию, опираясь на реальные примеры фонетических процессов, происходящих в живых современных языках. Он пишет: «I adhere to the ‘uniformitarian’ supposition that language changes in the prehistoric past were in all probability quite similar to those observed in the attested history of languages. The passage of a short vowel plus a nasal consonant to a nasal vowel and then with loss of nasality to a long vowel is a very common phenomenon in the history of the languages of the world» («Я придерживаюсь того взгляда, что языковые изменения в доисторическое время не отличались от изменений, наблюдаемых в историческую эпоху. Переход сочетания «краткий гласный+носовой сонант» в носовой гласный, а затем с утратой назальности в долгий гласный является весьма обычным процессом в истории языков мира»¹⁴⁵). В. Р. Шмолстиг приводит большое количество примеров из разных

¹⁴⁵ Schmalstieg W. R. Some comments on the nominative singular of Lithuanian *n* and *r*
85

языков мира, прежде всего из литовского языка, где этот процесс широко представлен. Например, в литовском языке дифтонги *an, en, in, un* перед щелевыми согласными перешли в соответствующие носовые гласные *a, e, i, u*: *žq̄s̄is* ‘гусь’, *spr̄ę̄sti* ‘решать’, *dr̄ĩ̄sti* ‘держать’, *sk̄ų̄sti* ‘жаловаться’. Не удивительно, что и в латинском языке имел место подобный процесс перехода дифтонга *in > i* перед *s*. Так, в латинском языке *in*, например, в *insānus > i*, а затем в долгое *ī*. Позже носовой был искусственно восстановлен в этом и других словах, но гласный сохранил свою долготу. Т. Б. Путилова указала мне на аналогичный процесс утраты носового с заместительным удлинением гласного, например, в случае **pantūā > p̄āssa*. Вероятно, подобное фонетическое явление имело место и в гот. вин. п. ед. ч. *giba* ‘дар’ (< **gibān*), за тем лишь исключением, что в готском, вероятно, не было заместительного удлинения, а имела место лишь утрата конечного носового с последующим сокращением конечного долгого гласного.

Таким образом, правдоподобность той или иной реконструкции в большой степени определяется тем, наблюдается ли предполагаемый в реконструкции языковой процесс в живых языках. Если такой процесс не имеет аналогии в живых языках, это еще не делает реконструкцию принципиальной невозможной, но ее правдоподобность окажется под сомнением.

IV. ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ D И L, ИЛИ ЧЕРЕДОВАНИЕ D / L В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ.

Причина и условия мены *d* и *l* в ряде латинских слов (*dīngua – lingua, dacruma – lacrima, considium – consilium, impedimenta – impelimenta, odor – olēre, sedēre solium, dautia – lautia, medicus – melicus, Novensides – Novensiles, cadamitas – calamitas* и др.) до сих пор не выяснены.

1. Предлагавшиеся ранее объяснения.

Предлагалось множество самых разных объяснений, почему в приведенных выше словах происходит замена *d* на *l* (реже *l* на *d*). Одни ученые пытались объяснять только изолированные примеры, обычно ограничиваясь ссылкой на действие народной этимологии, другие выходили за рамки латинского языка и связывали изменение *d > l* с влиянием сабинских говоров. При этом ни одна из гипотез не выдерживает критики¹⁴⁶, и бесспорным остается лишь сам факт таковой мены.

stem nouns / Baltu filoloģija XXI, (1), Riga. 2012. P. 65–72.

¹⁴⁶ Критику различных гипотез, ссылки на научную литературу и примеры мены *d / l* в других языках помимо латинского можно найти в обстоятельной статье: Откупщиков Ю. В. Лат. *dīngua > lingua, dacruma > lacrima* // Hyperboreus 1999. Vol. 5. Fasc. 2. С. 195–204.

2. Интерпретация Ю. В. Откупщикова.

Ю. В. Откупщиков, показав несостоятельность попыток давать объяснения изолированным примерам (например, объяснение перехода *dingua* > *lingua* народноэтимологическим влиянием со стороны *lingō* ‘лизать’), считает, что мена *d / l* должна объясняться как явление фонетической универсалии, распространенное в целом ряде родственных и неродственных языков. Он пишет: «Что общего может объединять эти, казалось бы, далекие по своему происхождению звуки? Место артикуляции. К переднеязычным нещелевым согласным относятся только *d*, *n* и *l*. Все три согласных участвуют в разного рода менах, связанных или не связанных с диссимилиацией и метатезой»¹⁴⁷. Ю. В. Откупщиков совершенно логично отмечает на той же самой странице, что «...констатация универсального характера мены *d / l* (возможны и более редкие случаи изменения *l > d*) не объясняет еще самого феномена. Пролить дополнительный свет на этот вопрос можно путем привлечения более широкого языкового материала». Вполне соглашаясь с этим утверждением Ю. В. Откупщикова, можно сформулировать эту проблему несколько иначе: если универсальный характер мены *d / l*, обусловленный артикуляторной близостью этих звуков, объясняет, почему во многих языках мира (в том числе и в латинском языке) наблюдается тенденция к такому чередованию, то почему переход *d > l* происходит избирательно? Если переход *d > l* является фонетическим изменением, то должны существовать причины и условия для такого изменения. При этом необходимо не только сформулировать причины и условия для перехода *d > l*, но также сформулировать причины и условия для *отсутствия* перехода *d > l* в тех словах, где это изменение не произошло.

3. Условия данного чередования.

Вроде бы еще никому не удалось обнаружить четкие и непротиворечивые условия ни для перехода *d > l*, ни для отсутствия этого перехода. Между тем, кажется, что правильное направление для их поиска указано в уже приведенной цитате из статьи Ю. В. Откупщикова: «Все три согласных (т. е. *d*, *n* и *l*. – Е. Ф.) участвуют в разного рода менах, связанных или не связанных с *диссимилиацией и метатезой* (курсив мой. – Е. Ф.)». Вероятно, *диссимилиация и метатеза* – это именно те фонетические механизмы, которые выступают внутренним катализатором, запускающим в действие другой фонетический процесс – переход *d > l*.

¹⁴⁷ Откупщиков Ю. В. Указ. соч. С. 199.

В соответствии с действием механизма диссимиляции (иногда ассимиляции) можно распределить примеры, содержащие переход $d > l$, на следующие группы:

Одной группой (а) является последовательность согласных $d-n-g > l-n-g$. С одной стороны, в этой цепочке согласных происходит регрессивная диссимиляция двух шумных взрывных: первый (d) переходит в нешумный и невзрывной l : *dingua > lingua*. В результате возникает более удобная для произнесения цепочка звуков (два сонанта + шумный), в которой взрывной (g) следует за двумя сонантами. В прежней цепочке два взрывных разбивались носовым. Слова «более удобная» не означают «более привычная». Привыкнуть можно даже к очень трудно произносимым сочетаниям звуков. В данном случае «удобство» означает необходимость производить меньшее артикуляторное усилие». Ведь в сочетании $d-n-g$ два смычных звонких взрывных d и g требовали однотипных усилий: артикуляция этих согласных совпадает во всем, кроме места образования. Направление же диссимиляции было обусловлено влиянием n – самого ближнего к d согласного. В результате d превратилось в сонант того же места образования. Это влияние сонанта $-n$ на начальное d - можно назвать предвосхищающей регрессивной ассимиляцией по сонорности¹⁴⁸). В случае с дрожащим сонантом r (*dacruma > lacrima*) согласные располагаются в другом порядке: $d-c-r > l-c-r$, поскольку сочетание cr (два взрывных) является более устойчивым в латинской комбинаторике, чем, к примеру, сочетание немого с носовым gn ¹⁴⁹. В славянском в результате диссимиляции d заменилось не на l , как в латинском, а на другой сонант – j : и.-е. **dng-* (символ $-n$ - передает здесь слоговой носовой) $>$ праслав. **jeng-* $>$ ст.-слав. ѡзѣкъ.

4.3.1. **Lingua и dingua.** Этимология лат. *lingua* до сих пор остается неясной. Сопоставляя такие последовательности согласных, как $d-n-g$ и $l-n-g$, трудно сказать, какое направление фонетического развития более правдоподобно. Например, переход $d-n-g$ в $l-n-g$ мог быть вызван одновременно и регрессивной диссимиляцией двух шумных взрывных $d-g > l-g$ и регрессивной ассимиляцией начального d по сонорности со стороны последующего носового сонанта. С другой стороны, в равной степени можно предположить и прямо противоположное: $l-n-g$ могло дать $d-n-g$ в результате регрессивной ассимиляции по взрывности со стороны g и регрессивной диссимиляции двух

¹⁴⁸ Таким образом, оба механизма – ассимиляция начального d - носовому и диссимиляция двух шумных взрывных – вместе вызывают изменение $d > l$.

¹⁴⁹ Разумеется, существуют такие слова, как *stagnum, agnus, lignum, dignum* и др. Однако из-за неустойчивости сочетания gn в таких словах, как *dignum, n* проникало в корень **dekno* $>$ **degnos* $>$ **deynos* $>$ **diynos*. О неустойчивости группы gn также говорит и то, что в позиции начала слова g в этой группе отпадало: *(g)nōscō, (g)nātus*.

сонантов $l-n > d-n$. Переход $d > l$ в первом случае можно объяснить тем, что при произнесении смычного взрывного d органы речи предвосхищали произнесение взрывного g следующего слога. Чтобы избежать двух звонких смычных взрывных в соседних слогах артикуляция первого взрывного, останавливалась на этапе смыкания, поскольку разрыв смычки между кончиком языка и зубами так и не происходил, воздух, не разрывая преграду, обходил ее по бокам, вдоль щек. Таким образом звук из взрывного становился боковым щелевым. Вполне возможно, что имел место промежуточный этап, когда реально произносился звук типа аффрикаты dl . Затем этот сложный звук dl мог упрощаться либо в d либо в l , в результате чего и возникали два фонетических варианта – *lingua* или *dingua*.

Итак, поскольку типологически оба изменения $d-n-g > l-n-g$ и $l-n-g > d-n-g$ вполне правдоподобны, затруднительно решить, какова действительно была исконная форма – *lingua* или *dingua*. Большинство ученых считает этимологически первичной форму *dingua*, основываясь прежде всего на германских соответствиях типа гот. *tuggō*, нем. *Zunge*, англ. *tongue*. Важным также является то обстоятельство, что *dingua* засвидетельствовано как более ранняя форма по сравнению с *lingua*, и то, что в случаях, где этимология слова ясна, как правило, форма с d меняется на форму с l (например *praesidium > praesilium*). Тем не менее, нельзя исключить того, что именно форма с l , а не с d является исконной. Во всяком случае, именно эта форма поддается этимологизации на базе таких глаголов, как лат. *lingere*, др.-греч. $\lambda\epsilon\acute{\iota}\chi\omega$, ст.-слав. **лизати**, лит. *liẽžti*. В таком случае лит. *liežūvis* ‘язык’, лат. *lingua* и, возможно, рус. диал. *лязык* окажутся сохранившими этимологическую форму, в то время как в других языках начальный согласный корня подвергся регрессивной ассимиляции со стороны конечного согласного корня $*gh$.

Если принимать за исконную форму $*lingu-$, то диссимиляция сонантов $l-n > j-n$ в славянском объясняется тем, что звуки l и n ближе друг к другу, чем j и n . Такой же случай диссимиляции находим в нем. *Leber* (ср. *iecur*). В таком случае можно предполагать, что более древний переход $l-n > d-n$ затронул германский и латинский, а в латинском уже в историческую эпоху произошло обратное изменение $d-n > l-n$ под влиянием глагола *lingere*, который на самом деле и является настоящим производным для имени. В любом случае, слово является проблемным.

Диссимиляцией двух соседних взрывных можно объяснить появление таких латинских диалектных форм, как *peres* (=pedes), *maredu* (=madidus), *eritor* (=editor), в которых *d* заменилось не на *l*, а на *r*¹⁵⁰.

В группе (б) (последовательность согласных $C-d-m > C-l-m$, где символ *C* обозначает любой шумный согласный) происходит регрессивная ассимиляция по сонорности, т. е. под влиянием последующего *m* $d > l$: *praesidium* > *praesilium*, *capitodium* > *capitolium*¹⁵¹. В последнем примере могла действовать и ускорять процесс регрессивной ассимиляции по назальности также и прогрессивная диссимиляция по шумности (взрывности) в ряду из четырех шумных взрывных подряд (*c-p-t-d*)¹⁵²;

В группе (в) (*medicus* > *melicus*) переход $d > l$ можно объяснить тем, что в быстрой речи сонорность начального носового переносилась на согласный следующего слога, и таким образом *d* также становилось сонорным;

В группе (г) (случай типа *Novensides* – *Novensiles*, *solium* (ср. *sedēre*)) в переходе $d > l$ также можно видеть своего рода «ослабление» постударного взрывного шумного *d* в боковой сонант *l*, при артикуляции которого нет взрыва смычки, как при *d*.

4. **Причины данного чередования.** Интересно, что, за исключением примеров, приведенных в 4.3а. (*dingua* > *lingua*, *dacruma* > *lacrima*, *dautia* > *lautia*), содержащих особую структуру с начальным *d*: *d-n-C*, *d-C-r* или *d-u-C*, – все остальные случаи демонстрируют изменение $d > l$ в *неударном* слоге. Следовательно, в этом переходе можно видеть ослабление смычного взрывного в невзрывной сонант в неударном слоге (своеобразный типологический аналог такому явлению, как flapping в английском языке). Тем самым переход $d > l$ «смягчал» фонетическую структуру латинского слова, устранял скопление взрывных шумных и делал межслоговые переходы более плавными (*capitodium* > *capitolium*).

Сложность рассматриваемого явления состоит в том, что в него вовлечены звуки двух типов – сонант и два взрывных шумных (один из которых *d*). В процесс изменения $d > l$ также вовлечено сразу два фонетических механизма – взаимная диссимиляция шумных

¹⁵⁰ Рассмотренный переход $d > r$ можно типологически сопоставить с таким явлением, как flapping в современном американском английском, когда в постударном слоге смычный шумный заменяется на ослабленный звук, напоминающий русское [r].

¹⁵¹ В паре *cadamitas* – *calamitas* не вполне ясно, какая форма этимологически первичная, однако фонетическое правило, описанное в б) говорит, скорее, в пользу первичности первой формы.

¹⁵² В этих двух существительных среднего рода формы вин. и им. п. ед. ч. являются наиболее частотными формами, поэтому в большинстве употребляемых форм находилось конечное *-m*.

взрывных вызывает изменение *d*, а конкретный путь этого изменения (в *l*) определяется ассимилирующим влиянием сонанта. Типологически такие случаи взаимодействия двух факторов в процессе фонетического изменения можно найти в самом латинском языке. Например, в *ossirō* первоначальное корневое *a* (сохранившееся в глаголе *capirō*) изменяется не в *i*, а в *u*, поскольку это *a* подвергается двойному ассимилирующему воздействию – со стороны начального гласного заднего ряда *o* и со стороны губного согласного *p*.

Логичным было бы возражение, что совместное действие двух факторов – межсловых диссимиляции и ассимиляции – не является собственно объяснением причины перехода *d > l*. Это, скорее, описание конкретных механизмов протекания перехода *d > l*. Истинная же причина лежит в понимании того, когда и почему запускаются в действие эти два фактора. Можно предположить, что действие рассмотренных ассимиляционно-диссимиляционных процессов диктовалось тенденцией в латинском языке выстраивать сочетание группы взрывных смычных и сонанта в слове в соответствии с постепенной градацией (повышением либо понижением) звучности. При этом соседство двух шумных взрывных, один из которых *d*, избегается. Таким образом, *capitodium > capitolum* (в цепочке *t-l-m* сохраняется повышение звучности, уже нет двух соседних шумных взрывных *t-d*). В примере *medicus > melicus* действует тот же принцип, с той лишь разницей, что звучность уменьшается, а не возрастает (*m-d-c > m-l-c*). Если вместо взрывного шумного выступает *s*: *sodium > solium*, *praesidium > praesilium* (*s-d-m > s-l-m*), то действует то же правило. В переходе *pedes > peres*, *madidus > maredus* происходит диссимиляция двух шумных взрывных, возникает цепочка восходящей звучности в *peres* (конечное *-s* нарушает правило, однако оно не меняется, поскольку, являясь морфологическим показателем, несет дополнительную функциональную нагрузку в слове) и цепочка восходящей звучности в *maredus* (*m-r-d*). Также и в *editor > eritor* конечное *-r* нарушает правило, но не меняется, поскольку является важным морфологическим показателем. По той же причине *adfuerunt > arfuerunt*, *advorsum > arvorsum* (в *a-r-f* соблюдено правило нисходящей звучности, *a-r-v* не перешло в *a-v-r*, чтобы избежать непосредственной близости двух *r* в соседних слогах).

В *dingua > lingua* соблюдается этот же принцип (*l-n-g*)¹⁵³, в *dacruma > lacrima* шумный *c* вроде бы нарушает это правило, однако это можно объяснить

¹⁵³ Возвращаясь к разговору об этимологии лат. *lingua*, можно высказать предположение, что, если первоначальной формой была форма *lingua*, изменившаяся в доисторическую эпоху в результате действия диссимиляции в *dingua*, то «обратное» уже исторически засвидетельствованное изменение *dingua > lingua* может быть следствием действия в

«профилактической диссимиляцией», позволяющей избежать соседства двух плавных. Пример *dautia* > *lautia* также нарушает данное правило, поскольку *l* следует до более звучного сонанта *u*, однако мы точно не знаем, насколько независимы были элементы дифтонга *au*, было ли это сочетание гласного *a* с сонантом или дифтонг как одна фонема.

Уязвимым местом предлагаемого здесь объяснения является наличие многочисленных исключений – слов, где не произошло ожидаемого перехода *d* > *l*. В некоторых случаях это можно объяснить наличием словоформ, где *d* оказывается под ударением (*sedēre*, *sedēmus*, *sedētis*, *sedēbam*, *sedēbō* и др.) и поэтому не «ослабляется» в *l*. В других случаях сыграла свою роль аналогия однокоренных глагольных форм (например, *sedēs* не изменилось в **selēs* под влиянием глагола *sedēre*). В *olēre* < **odēre*, казалось бы, совершенно идентичная фонетическая позиция для *d*, однако всегда следует учитывать целый ряд дополнительных факторов, которые могли повлиять на его развитие. Например, от *olēre* мы встречаем такие производные, как *olfaciō*, *olidus* (< **odfaciō*, **odidus*) с закономерным изменением *d*, а для существительного *sedēs* мы должны учитывать различные фонетические позиции, в том числе и позицию, в которой оба *s* должны были подвергнуться ротацизму. Например, *mea sedes est* в эпоху действия ротацизма должно было произноситься как [mea reder est]. Хотя оба *s* были обобщены и удержались и в начале, и в конце лат. *sedes*, возможность чередования у этого слова в некоторых позициях *s/r* могла препятствовать переходу *d* > *l*. Например, *odor* сохранило *d*, чтобы не допустить сочетания двух плавных в соседних слогах. Однако на то, что переход *d* > *l* имел место в этом слове, указывает форма *olor* у Варрона и в романских языках. Можно также предположить, что, вероятно, и само действие ротацизма (*s* > *z* > *r*) явилось результатом такого же ослабления *s* в безударном слоге, как и ослабление *d*.

Формы *medicus* > *melicus* могли сосуществовать как варианты официального и быстрого стилей речи. Известно, что *nulla regula sine exceptione est*, и что не существует ни одной гипотезы или теории, которая бы объясняла все факты. Ценность гипотезы заключается именно в принципиальной возможности и необходимости ее опровержения. Едва ли существует какое-либо фонетическое изменение, которое бы протекало без исключений. И чем больше различных факторов вовлечено в это изменение, тем трудней сформулировать четкие условия его протекания. В данном случае исключения говорят о том, сколь сложными для понимания могут быть процессы, происходящие в языке.

латинском языке архаического периода рассматриваемой тенденции к градации (в данном случае понижения: *l-n-g*) звучности в пределах слова.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К сожалению, многие нерешенные проблемы истории латинского языка оказались совершенно незатронуты в данном пособии. Например, столь сложный вопрос, как синкопа в латинском языке, заслуживал бы пристального рассмотрения. Целью автора было как можно полнее изложить альтернативные точки зрения в науке об истории языка и попробовать понять, почему лингвисты вообще спорят. Поэтому автор стремился выбирать такие темы, которые он мог снабдить собственными комментариями. Проблема синкопы до сих пор не получила удовлетворительного объяснения, однако существуют две классические работы на эту тему, дополняющие друг друга. Первая работа (Откупщиков Ю. В. О склонности латинского языка к четному числу мор // *Opera philologica minora* (античная литература, языкознание) СПб., 2001. С. 285-286) предлагает негативный обзор существующих объяснений. Вторая работа (Казанский Н. Н. Синкопа в латинском языке и проблема фразовой интонации. // Теоретические проблемы языкознания: Сб. стат. к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета СПбГУ. СПб., 2004. С. 99–111.) ставит данный вопрос в контекст последних достижений современной лингвистики и намечает пути ее решения в будущем. Обе работы являются образцом научного исследования, и любые комментарии автора оказались бы излишними.

Если данная книга поможет читателю посмотреть на историю языка и на науку о языке с несколько иной точки зрения и сформировать собственное отношение к изложенным в книге вопросам, автор будет считать свою задачу полностью выполненной.

Рекомендуемая литература

Откупщиков Ю. В. К истокам слова 2-е изд., испр. и доп. М., 1973.

Откупщиков Ю. В. Очерки по этимологии. СПб., 2001.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

Aitchison J. Language Change. Progress or Decay? 3rd ed. Cambridge, 2001.

Campbell L. Historical Linguistics: An Introduction. 2nd ed. Cambridge (Massachusetts), 2006.

Сокращения

авест. — авестийский

англ. — английский

арх. лат. — архаическая латынь

аттич. — аттический

др.-в.-н. — древневерхненемецкий

др.-греч. — греческий

др.-инд. — древнеиндийский

др.-лат. — древнелатинский

гот. — готский

греч. дор. — греческий дорийский

и.-е. — индоевропейский

лит. — литовский

нем. — немецкий

скр. — санскрит

спр. — спряжение

ст.-слав. — старославянский

тох. — тохарский

умбр. — умбрский

хетт. — хеттский

vgl. — vergleich